

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
БУРЯТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ДОРЖИ БАНЗАРОВА

Д. Ш. ХАРАНУТОВА

**СЛОВООБРАЗОВАНИЕ
БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА**

Монография

Издание второе, дополненное и переработанное

Улан-Удэ
Издательство Бурятского госуниверситета
2021

УДК 811.512.31
ББК 82.64.2
Х-201

Утверждено к печати
редакционно-издательским советом
Бурятского госуниверситета.
Протокол № 4 от 07.05.2021 г.

Ответственный редактор
Г. А. Дырхеева, д-р филол. наук

Рецензенты
Л. Д. Шагдаров, д-р филол. наук
А. Н. Биткеева, д-р филол. наук

Книга размещена в системе РИНЦ на платформе
научной электронной библиотеки eLibrary.ru

Харанутова Д. Ш.
Х-201 **Словообразование бурятского языка:** монография / отв. ред.
Г. А. Дырхеева. — Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета,
2021. Изд. 2, доп. и перераб. — 272 с. ISBN 978-5-9793-1661-1
DOI: 10.18101/978-5-9793-1661-1-2021-1-272

Монография посвящена особенностям структурно-семантической и номинативной организации словообразовательной системы современного бурятского языка. Многоаспектному анализу подвергаются различные классы производных слов и парадигматические отношения между ними, словообразовательное гнездо и его структурные составляющие.

Адресуется филологам и широкому кругу исследователей, разрабатывающих проблемы словообразования и сопоставительного изучения языков.

Kharanutova D. Sh.
Word-formation of Buryat language: a monograph / resp. ed.
G. A. Dyrkheeva. Ulan-Ude: Buryat State University Publishing Department,
2021. Ed. 2, add. and rev. 272 p.

The monograph is devoted to the specificities of the structural-semantic and nominative organization of word-formation in the modern Buryat language. We present a multidimensional analysis of various classes of derived words and paradigmatic relations between them, the family of words and its structural components.

The book is intended for philologists and a wide range of researchers working on the problems of word-formation and comparative study of languages.

УДК 811.512.31
ББК 82.64.2

ISBN 978-5-9793-1661-1

© Бурятский госуниверситет
им. Д. Банзарова, 2021

**Светлой памяти моих родителей —
Чагдаржапа Дондоковича Раднаева
и Ринчин Доржиевны Очировой**

*Родной язык — святой язык, отца и матери язык,
Как ты прекрасен! Целый мир в твоём богатстве я постиг!
Г. Тукай*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Язык, как и все явления в мире, находится в процессе постоянного изменения. В особой мере это касается лексики и соответственно словообразования как наиболее открытых и динамичных областей в системе языка. Изучение общих и частных вопросов словообразования необходимо для того, чтобы глубже проникнуть в динамику его процессов, постичь их логику и закономерность.

Монография посвящена выявлению особенностей структурно-семантической и номинативной организации словообразовательной системы современного бурятского языка, развитию теоретических основ бурятского словообразования, системному описанию семантических отношений в бурятском словообразовании, анализу механизма деривации бурятского языка в синхроническом аспекте.

В бурятском языке проблемы словообразования постоянно являлись объектом исследования, вместе с тем состояние разработки словообразовательного яруса бурятского языка не свидетельствует об исчерпанности вопроса и возможностей выявления в синхронной системе новых фактов и закономерностей. Таким образом, актуальность работы определяется необходимостью обобщения и систематизации достаточно обширного, но разрозненного и порой противоречивого лингвистического материала по бурятскому словообразованию, касающегося в том числе и вопроса о признании самостоятельности словообразовательной системы в бурятском языкознании. Необходимость комплексного изучения современного состояния бурятского словообразования диктуется также потребностью пересмотра практически всех разделов грамматики бурятского языка в русле современных лингвистических направлений, активизацией сопоставительно-сравнительного изучения словообразования как родственных, так и неродственных языков.

Актуальной на сегодня является проблема взаимодействия дериватологии и других ярусов языка, в частности, представление результатов словообразовательных процессов на уровне общекате-

гориальных значений, а также вопрос о воспроизводимости и повторяемости основных видов отношений, устанавливаемых для словообразовательной системы, — парадигматические, синтагматические, иерархические.

В связи с поворотом лингвистики к содержательной стороне усилился интерес к семантическим явлениям в словообразовании, в соответствии с данной тенденцией исследование посвящено решению проблем мотивированности, лексико-семантических отношений производных и производящих слов, семантико-словообразовательного взаимодействия параллельных производных и т. д.

Для исследования словообразовательной системы используется интегративный подход, в соответствии с которым деривационный уровень языка описывается в структурно-семантическом, лексико-семантическом, ономаσιологическом и когнитивном аспектах, исходя из особенностей строя бурятского языка.

В настоящей работе мы придерживаемся концепций отечественных лингвистов: Е. С. Кубряковой, А. Н. Тихонова, Е. А. Земской, И. С. Улуханова, И. А. Ширшова, Г. Д. Санжеева, Т. А. Бертагаева, В. М. Надеяева, У. Ж.-Ш. Дондукова, Д. А. Сусеевой, С. Л. Чарекова, В. И. Рассадина, Г. Ц. Пюрбеева, Л. Д. Шагдарова и др.

Материал исследования был получен в результате выборки из словарей, содержащих бурятскую лексику [см. список словарей] и опубликованных списков бурятских словоформ [Дырхеева, 2005]. В основном примеры (словарные статьи) приводятся без ссылок на основе «Бурятско-русского словаря» Л. Д. Шагдарова и К. М. Черемисова [2006, 2008]. Данные из «Большого академического монгольско-русского словаря» [2001–2002], «Русско-бурятского словаря» Л. Д. Шагдарова и Н. А. Очирова [2008], «Краткого толкового словаря бурятского языка» [1992], «Словообразовательного словаря калмыцкого языка» Д. А. Сусеевой [1997] берутся со ссылками. Также использованы материалы «Граматики бурятского языка» [1962] и учебных пособий по другим монгольским языкам (данные даются со ссылками).

ГЛАВА I

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ БУРЯТСКОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Интерес исследователей к изучению системных отношений в языке не ослабевает. Широкое распространение получило понимание языковой системы как закономерного объединения, внутренне организованной совокупности взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов, а также связывающих их отношений. В своей работе мы основываемся на понимании, что элементы системы своими отношениями друг с другом образуют определенную структуру. Отношения между производными словами и их производящими, производным словом, формантом, словообразовательной парой, словообразовательным гнездом, типом, способом словообразования носят системный характер.

Для системного изучения словообразования особенно значимыми являются теоретические разработки и характерологические описания В. В. Виноградова, Л. В. Щербы, Г. О. Винокура, Е. А. Земской, И. А. Ширшова, Е. С. Кубряковой, В. В. Лопатина, И. С. Улуханова, А. Н. Тихонова и ряда других ученых. Создание теоретической базы и системное описание словообразования позволили выявить важнейшие свойства и законы дериивационного «механизма», особенности в его отношениях с грамматикой, фонетикой, лексикой, синтаксисом. Это, со своей стороны, значительно облегчило возможность расширения круга решаемых теоретическим словообразованием вопросов и включения новых аспектов при изучении словообразовательной системы.

1.1 Краткое введение в историю вопроса бурятского словообразования

Словообразованию отведена важнейшая функция — обеспечить все стороны жизни и деятельности человека новыми наименованиями.

В монголоведении исследование словообразовательных процессов традиционно связано с изучением аффиксального способа словообразования, на основе которого сформировалось два направления. Первое связано с описанием словообразовательных средств, фиксацией их значений, изучением сферы употребления. Второе направление представляет собой сравнительно-историческое исследование как родственных, так и неродственных языков.

В первых грамматиках монгольских языков Я. Шмидта, О. Ковалевского, И. Подгорбунского, А. Попова и А. Бобровникова, словарях О. М. Ковалевского и К. Ф. Голстунского описываются производные слова, образованные аффиксальным способом словообразования. В работе В. Л. Котвича «Исследование по алтайским языкам» [Котвич, 1962] даются сведения о структуре слова в монгольских языках, определяются значимые части дериватов, словообразовательные суффиксы, отличия в характере их сочетаемости с основами разных частей речи.

Исследования Б. Я. Владимирцова не были посвящены непосредственно бурятскому языку. В работе «Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия» описывается звуковой состав халха-монгольского языка, на материале старописьменного и халха-монгольского языков дается этимология отдельных слов, корней, суффиксов, раскрываются фономорфологические процессы, происходящие на морфемном шве, при этом упоминается и фонетический способ образования слов. По мнению Б. Я. Владимирцова, «агглютинативный строй не является единственным и типичным ни для монгольского языка, ни для алтайской семьи языков» [Владимирцов, 1929: 46]. Данной точки зрения придерживается Т. А. Бертагаев, считающий, что монгольские языки «столь же фузионны, сколь и агглютинативны, строй этих языков не определяется ни агглютинативностью, ни фузионностью» [Бертагаев, 1969: 6]. Необходимо отметить, что Б. Я. Владимирцов одним из первых в монголоведении обратил внимание на влияние на развитие монгольских языков других языков: тюркских [1911], иранских [1925], арабских [1930].

В исследованиях Г. Д. Санжеева [Санжеев, 1941, 1962] акцент ставится на связи словообразования с лексикой и грамматикой. Им подробно описаны не только аффиксальный и синтаксический способы, но и такие, как внутренняя флексия, перестановка слогов, семантический способ, парное словосложение. Следует отметить, что он был одним из первых, кто отнес парное словообразование к способам образования, им указаны продуктивные и непродуктивные способы словообразования [Санжеев, 1959]. Вместе с тем Г. Д. Санжеев последовательно проводил разграничение словообразовательных и словоизменятельных суффиксов, а также придавал большое значение исследованию суффиксов старописьменного монгольского языка, видя в них объединяющее начало монгольских языков [Санжеев, 1963, 1964].

Установившаяся в монголоведении традиция относить словообразование наряду со словоизменением к морфологии способствовала тому, что словообразование освещалось несколько односторонне, без учета взаимосвязи и взаимообусловленности грамматических и семантических компонентов в производстве слов.

Значительный вклад в разработку теории монгольского словообразования внес Т. А. Бертагаев. Особенности образования новых слов в разных говорах и диалектах монгольских языков впервые в монголоведении описаны им в работе «К исследованию лексики монгольских языков» [Бертагаев, 1961]. Им поднимается проблема синкретичности словоизменятельных суффиксов в монгольских языках на примере падежных суффиксов существительных, которые, будучи присоединены к основам прилагательных и числительных, играют одновременно роль словообразовательных. Такими же свойствами по отношению к прилагательному обладают суффиксы множественного числа и притяжательные частицы. В работе «О морфологическом строе бурятского языка» [Бертагаев, 1961], наряду с уже известными способами словообразования, дается описание редупликации — повтору основ. Парным словам уделяется внимание в монографиях «Синтаксис современного монгольского

языка в сравнительном освещении. Простое предложение» [Бертагаев, 1964] и «Сочетания слов и современная терминология» [Бертагаев, 1971]. В «Лексике современных монгольских литературных языков» акцент исследований ставится на семантической стороне словообразовательных процессов [Бертагаев, 1974].

В монографии «Морфологическая структура слова в монгольских языках» им детально исследуется морфемная структура монгольского слова, представлена методика морфемного анализа слова, состоящая в выделении в слове значимых, далее неделимых элементов, синхронно соотносимых фонетически и семантически с элементами другого слова. В данной работе наряду с корнем, суффиксом и окончанием предлагается выделять префиксоиды и инфиксы, нулевые морфемы, описано и обосновано существование в монгольских языках таких явлений, как фузия, символизация и внутренняя флексия [Бертагаев, 1969].

Большая заслуга в изучении монгольских языков, в частности проблем словообразования, принадлежит Б. Х. Тодаевой [Тодаева, 1951]: на материале баоаньского, дунсянского, монгорского, дагурского языков ею доказывается, что процессы словообразования в монгольских языках в целом универсальны. Необходимо отметить, что наряду с суффиксальным способом описывается и словосложение. Например, в монографии «Баоаньский язык» рассматриваются парные слова, компоненты которых могут быть как морфологически однородными, так и неоднородными, представляя собой слово и его фонетический дублет [Тодаева, 1951].

Работы А. А. Дарбеевой посвящены субстантивации имен прилагательных как одному из способов словообразования, парным словам бурятского языка, повторам и удвоениям бурятского языка, где отмечается некоторое сдерживающее влияние факторов экстралингвистического порядка (например, бурятско-русское двуязычие, расширение общественных функций языка) на словообразовательные процессы в бурятском языке [Дарбеева, 1963, 1969, 1978, 1984].

Способы словообразования монгольского языка исследуются в работе М. Н. Орловской [Орловская, 1961]. В. И. Рассадид-

ным разрабатываются проблемы исторического словообразования, им дается описание аффиксальных и неаффиксальных способов словообразования в сравнительно-историческом аспекте [Рассадин, 2008].

В монголоведении имеется ряд работ, посвященных проблемам морфемики. В частности, В. М. Наделяевым разработана классификация типов монгольских морфем по характеру их формального выражения, по их функции (деление аффиксов на словообразовательные и словоизменяющие, с дальнейшим разделением на основообразовательные и основоизменяющие). В работе подвергается анализу морфемная структура словоформы, основа выделяется как компонент морфемной структуры словоформы, описываются типы основ [Наделяев, 1988]. Совокупности морфем в виде списков суффиксов и корней, сопровождающиеся количественными и качественными характеристиками, представлены в работе Г. А. Дырхеевой, где поднимаются вопросы морфемного членения бурятских словоформ [Дырхеева, 2005].

Основным разработчиком вопросов бурятского словообразования является У.-Ж. Ш. Дондуков. Им описаны наиболее продуктивные способы и средства словообразования, выдвинуто и обосновано положение о производном слове как носителе словообразовательного значения, словообразовательной модели как основной классификационной единице словообразовательной системы и т. п. В частности, в работе «Аффиксальное словообразование частей речи в бурятском языке» [Дондуков, 1964] определены семантические значения бурятских аффиксов, по мнению У.-Ж. Ш. Дондукова, аффиксация является наиболее продуктивным способом словообразования в монгольских языках. В его работах поднимается вопрос о парных словах в монгольских языках [Дондуков, 1955; 1968]. В монографии «Словообразование монгольских языков» [Дондуков, 1993] представлены различные средства словообразования в монгольских языках в их обусловленности внутриязыковыми факторами развития лексики. Монография «Развитие лексики монгольских языков» [Дондуков, 2004], являющаяся обобщением предыду-

щих изысканий автора, посвящена теоретическим проблемам словообразования монгольских языков в сопоставлении с тюркскими. Анализ обширного фактического материала монгольских и тюркских языков с применением сравнительно-исторического метода позволил У.-Ж. Ш. Дондукову сделать вывод о неравнозначности в монгольских языках различных типовых значений словообразовательных моделей, особенно аффиксальных, а также об исторической взаимосвязи определенных словообразовательных моделей монгольских и тюркских языков.

Явления морфонологического порядка на морфемном шве нашли отражение в работах И. Д. Бураева [1959, 1969, 1987], В. И. Рассадина [1982], В. И. Золхоева [1980, 1987, 1999]. В исследованиях В.И. Золхоева морфонологические явления впервые в монголоведении приобрели статус особого объекта исследования, что особенно важно для осмысления фонетической стороны словообразовательных процессов.

Важным этапом в развитии теории монгольского словообразования стала работа С. Л. Чарекова о функционально-семантической эволюции словообразовательных суффиксов, которая заключается в постепенном изменении того или иного вида семантики аффикса (грамматической или категориальной и собственной или индивидуальной) или же в его переходе от одной функции к другой [Чареков, 1999]. С. Л. Чарековым на материале эвенкийского и бурятского языков исследована функционально-семантическая эволюция словообразовательных, формообразовательных и словоизменяющих аффиксов в алтайских языках.

Монография Е. В. Сундуевой представляет собой первый опыт комплексного лингвистического описания способов образования монгольских онимов, что позволило выявить специфические черты деривационных процессов в проприальной лексике современного монгольского языка [Сундуева, 2005].

Основные проблемы монгольского словообразования на материале калмыцкого языка поднимаются в работах Д. А. Сусеевой [Сусеева, 2013а, 2013б], которая является автором «Словообразовательного словаря калмыцкого языка» [Сусеева, 1985] и «Монгольско-калмыцкого словообразовательного словаря»

[Сусеева, 2015]. Интерес вызывает коллективная монография Д. Ш. Харанутовой, Д. А. Сусеевой, Ц. Өнөрбаяна представляющая собой первый опыт анализа современного состояния словообразовательной системы монгольских языков (монгольского, бурятского, калмыцкого) в сравнительно-сопоставительном освещении [Харанутова, Сусеева, Өнөрбаян, 2012].

В работах Д. Ш. Харанутовой поднимаются проблемы бурятского словообразования, вопросы семантической деривации, образования парных слов, словообразовательная система бурятского языка представлена в виде парадигмального объединения однокоренных слов — словообразовательного гнезда [Харанутова, 2012, 2013, 2015 и др.].

В последние годы особую популярность приобретают исследования в рамках сравнительно-сопоставительного языкознания. Сопоставительные, типологические исследования позволяют выявить как универсальные, так и дифференцирующие черты при образовании новых слов в разных языках. Этой теме посвящены как работы, привлекающие материал родственных монгольского и калмыцкого языков [Сусеева, 1993, 1997 и др.], монгольских и тюркских языков [Номинханов, 1964; Щербак, 1974, 2005], так и исследования, опирающиеся на данные генетически и типологически не родственных, разносистемных языков [Андреева, 1996; Базарова, 1995; Сажинова, 1998; Хинхаева, 2006; Цыбикова, 2003].

Итак, краткий обзор истории изучения вопроса показывает, что в монголоведении накоплен значительный опыт исследования словообразовательной системы бурятского языка. Вместе с тем многие вопросы бурятского словообразования остаются неизученными, в частности, вопросы системного описания словообразовательного яруса, изучение связи словообразования с другими ярусами языка. В монголоведении остается нерешенным вопрос о месте словообразования в системе языка, в частности, в бурятском языкознании словообразование как особый раздел не выделяется. По мнению Е. С. Кубряковой, словообразование следует выделять как «особую самостоятельную дисциплину, оперирующую своими собственными понятиями и еди-

ницами» [Кубрякова, 1965, с. 7]. Связь словообразовательных единиц с единицами других языковых ярусов определяет статус словообразования как особого раздела языкознания, с одной стороны, и подтверждает системный характер словообразования — с другой [Виноградов, 1975; Тихонов, 1985].

1.2 Интегративный подход в словообразовании

Определяющими среди всех видов отношений являются внешние отношения: язык — внеязыковые феномены: человек, общество, мир.

В соответствии с новыми аспектами изучения возможно поставить вопрос о функционально-семантической обусловленности структуры словообразовательной системы. Функционально-семантический подход к изучению языковых явлений оптимальным образом соответствует задачам изучения бурятской словообразовательной системы в его универсальных, идиоэтнических и конкретно-языковых характеристиках. Кроме того, исследование действующего деривационного механизма невозможно без привлечения данных антропоцентрической парадигмы в языкознании: теории номинации, этнопсихолингвистики, когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, апеллирующих к национальному языковому сознанию и проблемам языкового мышления.

Необходимо отметить, что основные результаты изучения словообразовательной системы бурятского языка были получены в рамках аналитического системно-структурного направления. В связи с этим при исследовании деривационной подсистемы бурятского языка системный подход наряду с вышеизложенными аспектами является в равной мере основополагающим. По мнению Г. А. Золотовой, «системность и функциональность как имманентные свойства языка или как принципы его изучения выступают не в качестве альтернативы, а в глубоком взаимодействии, подчиненном высшему принципу — коммуникативному назначению языка» [Золотова, 1994: 94]. Описание деривационного ме-

ханизма бурятского языка проводится на основе системного подхода с учетом новых научных подходов, исходя из особенностей строя монгольских языков.

В современной дериватологии одной из насущных задач признается изучение общих закономерностей организации словообразования, фронтальное изучение связей между единицами словообразования. Производные слова в силу своей бинарности, членимости на мотивирующую основу и словообразовательный формант организуются в значительные по объему общности, формируя в лексиконе собственные участки системности в виде словообразовательных гнезд или словообразовательных типов.

В связи с этим словообразовательную систему можно представить как две пересекающиеся между собой плоскости, две большие подсистемы. Первую подсистему формирует совокупность словообразовательных типов всех частей речи в их взаимодействии, вторую — совокупность словообразовательных гнезд всех частей речи. Словообразовательные гнезда и словообразовательные типы представляют собой разнонаправленные классификации: в гнезде главным является корень, в типе — аффикс, формант. Исходя из этого можно утверждать, что существуют разные классификационные построения словообразовательной системы, две разные соотносительности производных: корневая и аффиксальная. Корневую соотносительность составляют словообразовательные пары, парадигмы, цепочки и гнезда, аффиксальную — словообразовательные типы и категории. Обе подсистемы взаимосвязаны и лишь вместе образуют целостную систему; они не являются двумя разными частями одного целого, а представляют систему в разных ее сечениях, в двух разрезах [Тихонов, 1982а: 4]. Каждая из подсистем позволяет охарактеризовать специфику языковых отношений внутри системы, а также способы объединения и классификации производных слов.

Данное представление словообразовательной системы соотносится с существующими в языкознании основными аспектами изучения: ретроспективным и перспективным. При ретроспективном аспекте путь образования производного слова прослеживается от результата к его источнику, как бы в обрат-

ном направлении. Подобное описание связывают, прежде всего, с таким способом систематизации производных слов, как словообразовательный тип, формирующим, как было сказано выше, аффиксальную совокупность. Перспективный же аспект изучения требует радикально противоположного подхода — от источника к результату.

В нашем исследовании словообразовательная система основана на типовой модели отношений «производящее — производное», организующей развертывание словообразовательной системы по горизонтали, «от производящего» — в систему словообразовательных парадигм и гнезд (динамическое представление), т. е. словообразовательную систему бурятского языка мы рассматриваем как корневую совокупность, опираясь на перспективный подход. Данное построение типовой модели словообразовательной системы позволит представить его как порождающий механизм, при этом, безусловно, будет учитываться то, что монгольские языки относятся к языкам с правосторонней агглютинацией и, следовательно, имеют прозрачный морфемный состав.

Перспективный аспект изучения корневой совокупности подразумевает подход «части речи как источника деривации». Данный подход разрешает выявить зависимость словообразовательной и семантической структуры производного слова от категориальной принадлежности его производящей основы. Думается, что в академической грамматике бурятского языка описание словообразовательной системы должно проводиться на основе указанного «отчастеречного» подхода.

Разработка системного подхода при исследовании словообразовательных актов выдвинула проблему иерархической организации словообразовательных отношений. На деривационном уровне находят отражение все основные виды отношений: парадигматические, синтагматические, иерархические, поэтому гнездо рассматривается как микросистема словообразовательной системы, отражающая закономерные связи производных единиц.

Безусловно, исследование бурятского словообразования как корневой совокупности гнездовым методом на основе гнездовой

общности в перспективном аспекте будет способствовать построению динамической модели деривационного механизма. В основе исследования бурятского словообразовательного механизма, действия словообразовательных моделей, формально-семантических операций, типов преобразования исходной семантики должен лежать интегративный подход, позволяющий проследить деривационное развитие производящего и на этом фоне выявить специфику и универсальность словообразовательных процессов бурятского языка.

Соответственно, для исследования бурятской словообразовательной системы наиболее оптимален интегративный подход, в соответствии с которым деривационный уровень языка получает научные проекции в грамматику, лексику и другие подсистемы языка. С привлечением современных методов он обуславливает целый спектр разнообразных подходов к анализу деривационного механизма: грамматического, лексико-семантического, собственно-словообразовательного, сравнительно-типологического, ономазиологического и лингвокогнитологического описаний.

ГЛАВА II СПОСОБЫ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В БУРЯТСКОМ ЯЗЫКЕ

Данная глава посвящена вопросу о способах словообразования, который, несомненно, важен для бурятского языкознания, так как степень изученности каждого из способов неодинакова. В рамках нашего исследования не предусмотрена подробная характеристика каждого способа словообразования, вместе с тем, безусловно, без освещения всех словообразовательных возможностей языка картина бурятского словообразования была бы неполной.

В связи с поворотом лингвистики к содержательной стороне языка и приоритетности данного подхода в нашей работе при описании способов словообразования особое внимание уделяется семантическим способам словопроизводства.

Способы словообразования — это не только типизированные по формальному признаку обобщенные модели. На самом деле словопроизводственный механизм связан со способом выражения смыслового содержания. В данной главе подвергаются исследованию способы образования слов, переводящие единицы одного способа номинации в другой и закрепляющие частеречную принадлежность новых единиц. Также в работе уделяется внимание способу словопроизводства, связанному с трансляцией языковых номинаций с одного типа в другой (словосочетание → слово) и созданием слов семантически эквивалентных производящим.

2.1 Способы словообразования как единица описания словообразовательной системы

Способы словообразования являются инструментами создания производных слов разных видов и представляют собой одну из разновидностей единиц словообразования.

В основе признанной в монголоведении классификации способов словообразования лежит первая научная классификация способов словообразования русского языка, предложенная В. В. Виноградовым в начале 50-х гг. XX в., где разграничиваются:

1) морфологический (точнее было бы сказать — морфемный, т. е. аффиксальный) способ словообразования со следующими разновидностями: суффиксальный, префиксальный, суффиксально-префиксальный, бессуффиксный;

2) лексико-семантический способ словообразования — «расщепление» многозначного слова на омонимы;

3) лексико-синтаксический способ словообразования — сращение двух или нескольких лексических единиц;

4) морфолого-синтаксический способ словообразования — переход слова из одной части речи в другую.

Следует отметить, что в монголоведении существует иерархия способов образования слов путем выделения основных и неосновных способов словообразования, например, к основным обычно относят все вышеназванные четыре способа словообразования: морфологический, морфолого-синтаксический, лексико-синтаксический и лексико-семантический. Среди способов словообразования принято выделять еще и фонетический способ словообразования [Дондуков, 1993, 2004; Андреева, 1998; Хинхаева, 2006 и др.].

В русистике классификация В. В. Виноградова была пересмотрена (см. работы Е. А. Земской, Е. В. Клобукова и В. В. Лопатина, И. С. Улуханова, авторов академических грамматик русского языка (РГ-1970 и РГ-1980), и др.). Были найдены новые основания для систематизации способов словообразования. Данные изменения связаны с пониманием словообразования как источника не только готовых названий, но и правил их образования по определенным моделям и схемам, что позволило обнаружить действие различных принципов, по которым строятся эти правила (действие аналогии, ассоциативных процессов и т. д.). При этом многие случаи лексико-семантического, лексико-синтаксического и морфолого-синтаксического словообразова-

ния были признаны фактами не его современного состояния, а истории языка.

Анализ существующих классификаций не входит в задачи данного исследования, в настоящей работе хотелось бы обратить внимание на необходимость пересмотра подходов к выделению способов словообразования, на избирательность отношения к выбору дифференциального признака (или признаков) классификаций и его (их) последовательного применения.

Заметим, при классификации словообразовательных явлений используются дифференциальные признаки разных уровней. Так, при определении способов словообразования в качестве основного критерия берется, с одной стороны, средство словообразования, а именно фонетическое, морфологическое, синтаксическое или семантическое явление, а с другой стороны, результат словообразования, например, образование слова одной части речи из другой. Эти факторы способствуют возникновению разночтений по проблеме дифференциации способов словообразования, например, транспозиции и конверсии. Вопрос не только в том, какие словообразовательные явления следует относить к транспозиции, но и в том, что смена части речи слова происходит не только при традиционно понимаемой транспозиции как безаффиксального способа словообразования, но и при аффиксальном способе словообразования. Следовательно, результат словообразования не является универсальным признаком для определения способа словообразования, более надежным критерием служит в этом случае словообразовательное средство (словообразовательный формант) — дериватор.

Самоочевидно, способы словообразования — способы выражения деривационных отношений при помощи дериваторов определенных типов, то есть основным классификационным признаком является использование аффиксальных словообразовательных средств (или их отсутствие) и привлечение других средств. Данный признак отражен в типологии способов словообразования в синхронном аспекте, однако он наполняется другим содержанием, для построения типологии способов значим не сам факт наличия или отсутствия словообразовательного аф-

фикса, участвующего в образовании производного слова, а тип словообразовательного средства — дериватора (форманта): аффиксальный, безаффиксный, смешанный [СРЛЯ, 2009: 365]. Способы словообразования современного русского языка в классификации, предложенной Е. В. Клобуковым, представлены именно так, в зависимости от характера словообразовательного средства (дериватора).

Представляется, что в основу классификации способов словообразования бурятского языка следует положить данный критерий и в соответствии с таким подходом способы словообразования необходимо различать на основании словообразовательных средств (дериваторов), при помощи которых образуются дериваты. При таком подходе с учетом характера словообразовательного средства, используемого для образования новых слов, предлагается различать аффиксальные, безаффиксные и смешанные способы словообразования бурятского языка.

Наиболее подробно описанным и исследованным способом в монголоведении является аффиксальный способ словообразования, суть которого состоит в том, что новые слова образуются по существующим в языке словообразовательным моделям при помощи аффиксов. Нет ни одного монгольского языка, в котором более или менее подробно не рассматривались бы вопросы образования лексем посредством аффиксов. Однако это не означает, что в данной области уже сняты все спорные вопросы.

По-прежнему актуальной остается проблема полифункциональности аффиксов. Она связана с решением вопроса о статусе некоторых аффиксальных морфем, а именно так называемых аффиксов с преобладающим словообразовательным значением и аффиксов с преобладающим грамматическим значением (например, аффиксы множественного числа).

К нерешенным проблемам монгольского словообразования, вызывающим острые дискуссии, относятся проблемы разграничения словообразовательных, формообразовательных и словоизменятельных аффиксов, определения круга словообразовательных аффиксов и классов аффиксов, их составляющих, выявления словообразовательных омонимов.

По-видимому, корень разногласий кроется в том, что при анализе словообразовательных явлений не используются словообразовательные критерии, а ведь для определения статуса аффиксов желательно учитывать наличие или отсутствие деривационных отношений между однокоренными словами, участие значения словообразовательного аффикса в формировании значения вновь образованной лексемы, изменение категориальной принадлежности производящей основы. Такой подход позволит установить словообразовательный характер некоторых аффиксов бурятского языка, относимых рядом ученых к формообразовательным аффиксам.

Еще одной проблемой аффиксации в монгольских языках является многозначность аффиксов и определение состава их значений. Нужна четкая дифференциация многозначных и омонимичных аффиксов. Бурятский язык в силу своей агглютинативности характеризуется избытком суффиксов, имеющих варианты и исторические дублеты.

В лингвистической литературе отмечается, что суффиксы выполняют две основные функции: смысловую (или модифицирующую) и классифицирующую [Арутюнова, 2007: 67], т. е. суффиксы, создавая новое слово, вводят его в определенный лексико-грамматический класс. В бурятском языке классифицирующая функция суффиксов не является основной, хотя, безусловно, транспозиция (образование слов одной части речи от другой) также составляет одно из основных содержаний аффикса. Например, суффикс *-лга* относится к продуктивным суффиксам бурятского языка, он образует слова одной части речи от слов другой части речи: при помощи суффикса *-лга* от глаголов образуются существительные (*аба/ха* — *аба-лга*), от существительных — глаголы (от *ой(н)* `разум, ум, память` — *ой-лго/хо* `понимать, разбираться в чем-либо, уяснять себе что-либо`) и т. д.

Только возникает вопрос: связано ли это явление с омонимией или полисемией суффиксов? Или же обратимся к другому продуктивному суффиксу бурятского языка — суффиксу *-л*, при помощи которого образуются конкретные и абстрактные существительные с разнообразными значениями [Дондуков, 1964]: от

сэсэглэ/хэ `цвести` — *сэсэглэ-л* `цветение`, от *жарга/ха* `наслаждаться счастьем` — *жаргал* `счастье` и т. д. Между тем суффикс *-л* относится к самым продуктивным глагольным аффиксам, при помощи этого суффикса образуются глаголы не только от существительных, но и от прилагательных, числительных, наречий и т. д. Например, от *ажал* `труд` — *ажал-ла/ха* `трудиться`, *сэбэр* `чистый` — *сэбэр-лэ/хэ* `чистить, очищать` и т. д.

Итак, исследованность аффиксального способа словообразования не гарантирует решенности всех его проблем.

Как мы указывали выше, анализ проблем аффиксального словообразования не входит в задачи исследования, между тем при описании деривационного механизма невозможно обойти проблемы аффиксального словообразования, поэтому в ходе работы постоянно будем возвращаться к очерченному кругу проблем.

Что касается безаффиксных (или операционных) способов словообразования, то следует подчеркнуть, что круг нерешенных проблем также широк. В первую очередь, он касается вопроса отнесения некоторых способов неаффиксального словообразования к диахроническому словообразованию. Следует признать, что в монголоведении не существует четкого разграничения между синхроническим и диахроническим способами словообразования, хотя в некоторых работах данная проблема поднималась [Дондуков, 1993, 2004]. Между тем имеется точка зрения, полностью отрицающая возможность синхронного подхода к некоторым способам словообразования, например, к конверсии.

Такой односторонний подход лишает возможности рассмотрения конверсии как одного из типов словообразовательных отношений. С этим нельзя согласиться, так как подход к любому языковому явлению с точки зрения как его становления и развития, так и сложившихся отношений на каждом этапе развития языка одинаково важен. В настоящей работе принято данное видение вопроса.

Итак, при неаффиксальном способе используются особые, не содержащие никаких аффиксов дериваторы «операционного»

типа: 1) операция сложения нескольких производящих основ (основные типы описаны в параграфе о типах мотиваторов) и 2) операция изменения морфологических свойств производного слова (по сравнению с морфологическими свойствами производящего) при сохранении одной и той же основы.

Безаффиксные способы словообразования подразумевают, что производящее и производное имеют материально тождественные основы, не содержащие никакого словообразовательного аффикса. Допустимо это только при полном совпадении словообразовательных структур у производной и производящих основ, т. е. при равенстве их деривационной сложности.

2.2 Способы семантической деривации

К безаффиксным способам словообразования относятся способы семантической деривации, так как в них словообразовательным средством является операционный тип дериватора. Что касается семантической деривации, при которой новые слова образуются без аффиксации и сложения, то ей уделяется мало внимания не только в бурятском, но и в общем языкознании.

Семантический способ словопроизводства имеет следующие разновидности:

1) лексико-семантическая, при которой в результате изменений в смысловой стороне слово расщепляется на два или более слова-омонима;

2) семантико-морфологическая, при которой новые слова образуются в результате лексикализации грамматических форм слов;

3) конверсия, при которой слово одной части речи образуется от другой без внешних изменений и др.

Проблема разграничения конверсии и семантико-морфологического способа словообразования вызывает у лингвистов споры, мы относим эти способы к одной разновидности, объединяем в конверсию. Наше видение основано на том, что субстантивация, адвербиализация и прочие явления происходят

как при лексикализации грамматических форм слов, так и при переходе слов в их начальной (словарной) форме. В обоих случаях существительные, прилагательные, наречия и слова других частей речи образуются без всякого материального изменения производящей основы, происходит преобразование, превращение — конверсия.

В монголоведении семантические отношения вызывают неизменный интерес, к сожалению, имеющиеся монографические издания научного и учебного характера носят лексикологический характер. Проблема определения семантического развития слова решается в работе в синхронно-диахронном плане, исходя из взаимоотношений анализируемых лексем на данном этапе эволюции языка с использованием этимологического (диахронического) критерия.

К вопросу семантических отношений в системе словообразования неоднократно возвращался Т. А. Бертагаев. Семантическим способам образования слов посвящена специальная глава его докторской диссертации «Лексика монгольских языков», в которой рассмотрены проблемы функциональной семантики (закон функциональной семантики), способы образования слов по признакам предмета (по сходству признаков или по закону семантической противоположности). В работе также раскрываются проблемы производственных детерминантов, семантической филиации слов, поднимаются вопросы переосмысления, изменения и аккомодации значений слов. Под законом функциональной семантики автор подразумевает перенос названий одних предметов на названия других предметов по выполняемой ими функции. При возникновении слов по сходству признаков выделяются две основные группы: перенос названия предмета на другой по сходству признаков, перенос названия предмета на название признака другого по их сходству.

Образование слов по признакам предмета в бурятском языке, как считает Т. А. Бертагаев, бывает трех типов: по производимому действию или эффекту, по внешним признакам предмета (по форме, по цвету, по вкусу и т. п.), по производимому звуку. Производственными детерминантами он называет пере-

носы названий домашних животных на окружающий мир. Под возникновением слов по закону семантической противоположности интерпретируется так называемая синекдоха. По мнению автора, сущность семантической филиации слов в монгольском и бурятском языках заключается в использовании старого названия слова в новом значении, т. е. происходит расширение семантического объема слов. При помощи приспособления или аккомодации значений слов образуются научно-технические понятия и термины. Как считает Т. А. Бертагаев, процесс переосмысления значений слов происходит двояко: изменяется предметное значение слова (*нирваан* — `потусторонний мир, мир вечного блаженства` и *нирваан* — `смерть, мир несуществующего блаженства`), при этом не появляется новое предметное значение и не меняется окраска слова.

В параграфе «Изменения значений слов» рассматриваются случаи сужения семантического объема слов, анализируются идиомы монгольского и бурятского языков, при этом данные положения подкрепляются многочисленными примерами из двух языков и их диалектов.

В монографии Т. А. Бертагаева «Лексика современных монгольских литературных языков» [Бертагаев, 1974] наряду с морфологическим, фонетическим способами образования слов и заимствованиями рассматриваются семантические изменения словарного состава монгольских языков. Так, в главе «Семантические изменения» анализируются «диффундированные изменения» и «рефракционные изменения». По существу, первый способ означает расширение значения слов, второй — перенос значения. Диффундированные изменения прослеживаются по трем ступеням: низшая, средняя и высшая. На низшей ступени слова при расширении их значений не обретают номинативную самостоятельность, а имеют контекстуальную номинацию. Далее, на средней ступени у слова появляется тенденция к обретению номинативной самостоятельности, и, наконец, на третьей ступени слова приобретают номинативную самостоятельность и граничат со статусом омонима. Первые две ступени объединены в рамках «непосредственного синхронного диффундирования»,

третья — «тангенциального или касательного диффузирования». Рефракционные изменения значений слов бывают двух типов: «рефракционные недистантные изменения» и «рефракционные дистантные изменения», которые, по сути, подразумевают лишь метафорические сдвиги значений.

Нам представляется, что в работе оказались незатронутыми такие важные моменты семантики, как сужение значения, различные виды переносных значений слов (метонимия, синекдоха). Не подвергнуты анализу и типовые связи слов: омонимические, синонимические, антонимические. Вместе с тем данная работа является одной из значительных в изучении процесса развития и обогащения лексики монгольских литературных языков.

Типы переносных значений слов монгольских языков в той или иной степени затрагивались в трудах Л. Д. Шагдарова, в частности, в его работе «Функционально-стилистическая дифференциация бурятского языка» [Шагдаров, 1974], У.-Ж. Ш. Дондукова «Словообразование монгольских языков» [Дондуков, 1993].

К вопросу семантической деривации неоднократно обращались также У.-Ж. Ш. Дондуков [Дондуков, 1993], В. В. Базарова [1995, 2001]. Несомненный интерес в этом плане вызывает работа Г. З. Сажиновой [Сажинова, 1998], специальный раздел выделен в работах С. В. Андреевой [Андреева, 1998], И. О. Хинхаевой [Хинхаева, 2006]. Работа И. О. Хинхаевой носит обобщающий характер, на основе концепции Т. А. Бертагаева ею рассматривается появление многозначности в словах английского и монгольского языков, вслед за Г. З. Сажиновой описываются типы переносов значения слова [Хинхаева, 2006]. В монголоведении исследование семантических отношений наблюдается чаще всего применительно к сфере омонимии: рассматриваются различные типы омонимов, источники возникновения омонимов бурятского языка (заимствование слов, фонетические изменения, словообразовательные процессы, расширение значения слова, субстантивация). Описанию структурных типов омонимов, таких как омографы и омоформы, посвящена работа Ц. Ц. Бальжинимаевой [Бальжинимаева, 1985]. Проблеме омонимии посвяще-

ны кандидатские диссертации И. А. Цыбиковой [Цыбикова, 2003] и О. А. Табутаровой [Табутарова, 2004].

В монголоведении превалирует точка зрения, что семантическая деривация связана со слабой дифференциацией частей речи в монгольских языках. С этим можно не согласиться. Наиболее точной, на наш взгляд, является точка зрения В. И. Рассадина, определяющая в качестве основного критерия различения слов в монгольском языке семантику, «причем не просто лексическое значение слова, а тип этого значения» [Рассадин, 2008]. Данный критерий лежит в основе его классификации частей речи.

2.2.1 Конверсия

Словообразовательная система бурятского языка располагает достаточно большим количеством способов и средств пополнения словарного состава, и конверсия занимает довольно значительное место среди них. Более того, как отмечает С. В. Андреева, бурятские количественные числительные, местоимения, наречия, союзы и др. «развиваются, пополняют свои ряды новыми лексемами только одним путем — процессом конверсии» [Андреева, 1998: 99]. Конверсия имеет свои закономерности, более общие и более частные. В частности, такие продуктивные процессы, как адвербиализация, адъективация, субстантивация как наиболее характерные для бурятского языка, обусловлены прежде всего экстралингвистическими факторами — потребностью в более экономном, но точном и семантически емком выражении информации о действительности, что является одной из причин эволюции языка.

Написание данного параграфа определяется проблемой обоснования словообразовательной сущности конверсии, в проведении структурно-семантического анализа некоторых конверсионных моделей в бурятском языке. Конверсия как способ словообразования вызывает неизменный интерес в силу своей разноречивости и сложности взаимоотношений между мотивирующим и мотивированным. Данная проблема вызывает разные

мнения по вопросу, каким способом словообразования является конверсия:

1) конверсия — семантико-морфолого-синтаксический способ словообразования;

2) конверсия — морфолого-синтаксический способ словообразования;

3) конверсия — семантико-синтаксический способ словообразования.

Мы придерживаемся первой точки зрения на том основании, что одно слово не может одновременно принадлежать двум разным частям речи, потому что последние различаются между собой по семантике, синтаксическим функциям, а в случае изменяемых частей речи и по формам словоизменения. Представляется, что конверсию нельзя отнести ни к функциональным, ни к синкретическим явлениям и ее можно квалифицировать как семантико-морфолого-синтаксический способ словообразования, при котором слово одной части речи образуется от слова другой без изменения внешней формы исходного слова, а словообразовательным средством при этом является операция, приводящая к семантическому сдвигу и изменению грамматической оформленности слова.

В. М. Надеяев под конверсией понимает способ образования лексико-грамматических основ путем категориально-грамматического переосмысления исходного слова без помощи материально выраженных словообразовательных показателей, и тогда отнесенность образованного слова к той или иной части речи проявляется преимущественно в типе его словоизменения и характере его сочетаемости с другими словами [Надеяев, 1988: 30–33, 97–98]. В научной грамматике калмыцкого языка [1983] и в БРС [2006, 2008] изложена эта же точка зрения.

Что касается термина «конверсия», то он ассоциируется с некими превращениями, которых здесь нет. Традиционно суть этого явления представляется в виде перехода одного слова в другую часть речи, например, перехода существительного в прилагательное или наоборот. В действительности, никакие переходы не имеют места, поскольку исходное слово продолжа-

ет существовать в системе языка. В данном случае можно говорить об образовании нового слова, принадлежащего какой-либо части речи.

Конверсия в области частей речи отражает глубинные процессы лексико-грамматических классов слов и возникает именно благодаря специфике частей речи. Поскольку части речи представляют собой классы слов, абстрагированные от конкретных лексических значений, то предпосылки образования слов одной части речи от другой кроются в значении слов — лексическом и грамматическом. Так, от наречий могут образовываться существительные, в лексическом значении которых есть обстоятельственные семы, например, сема места: *хээрэ* `в степи`, *арада* `сзади`, *урда* `впереди` и т. д. Субстантивации, как замечает С. Галсан, подвергаются прилагательные, имеющие генетическое родство с именем существительным. Например, прилагательным *хөгшин* и *өвгөн* `старый` в монгольском языке могут соответствовать другие лексемы: *хуучин*, *хөгшин*, *настай*, *удсан*, *хуучирсан*, *өвгөн*, *өвөгжирсөн*, *үжирсэн*. Субстантивируются же только *хөгшин* и *өвгөн* [Галсан, 1975].

«Язык достаточно гибкая система, постоянно возобновляющаяся и развивающаяся, постоянно происходит процесс пополнения этих классов, в том числе и за счет перемещения лексем из одного класса в другой» [Рассадин, 2008: 15]. Частотность явления транспозиции в единой системе языковых единиц и в отдельных ярусах иерархической организации уровней языка свидетельствует о том, что системе частей речи бурятского языка присуща динамика, проявляющаяся в транспозиционных процессах, в т. ч. в образованиях слов различных частей речи от других.

Что касается соотношения понятий «транспозиция» и «конверсия», в монголоведении имеется некоторое смешение указанных понятий, что сказывается и в терминологии. С точки зрения Д. А. Сусеевой, «конверсия как разновидность трансформации состоит из трех элементов: исходной формы (транспонируемое), средства (транспозитор) и результата (транспозит)». Ср.: прич. *ахлгч* `начальствующий` (транспонируемое) →

сущ. *ахлгч* `старшина, староста` (транспозит), где в качестве словообразовательного средства (транспозитора) выступает приобретение транспозитом *ахлгч* нового лексического значения (значение предмета), грамматических категорий (падежа и числа), основной синтаксической функции (подлежащего), словообразовательных свойств (наличие формально-смысловой мотивационной базы) и индивидуальной сочетаемости с другими словами (словоформами) в предложении [Сусеева, 2011].

В связи со взаимосвязанностью и некоторым смешением понятий *транспозиция* и *конверсия* существует необходимость их разграничения. Заметим, даже в узком своем значении транспозиция — понятие более широкое, чем конверсия. Транспозиция бывает двух типов, при первом слово переходит из одной лексико-грамматической категории в другую, а при втором — оно только употребляется в функции другой части речи, не переходя в нее. Следовательно, в первой своей особенности транспозиция совпадает с конверсией. Однако при конверсии словообразование протекает без осложнения основы производящего слова словообразовательным аффиксом, а транспозиция существует и при аффиксальном образовании.

Таким образом, конверсия — составная часть, одна из разновидностей транспозиции, поэтому нельзя их отождествлять. Соотношение понятий транспозиции и конверсии оказывается более сложным, но в принципе конверсию можно рассматривать как морфологическую транспозицию, имеющую словообразовательный характер [Кубрякова, 1974: 75]. Исходя из вышесказанного представляется, что слова, образованные конверсионным способом, следует именовать традиционно — конверсивы.

Следующим, не менее дискуссионным является вопрос, касающийся объема конверсионных дериватов. Субстантивация, адвербиализация и прочие явления, представляющие результат лексикализации, связаны и с конверсией, и с транспозицией. Субстантивироваться, адъективироваться, адвербиализоваться могут лексические и грамматические формы слов. Следовательно, оба случая связаны с образованием слова одной части речи

от другой семантико-морфолого-синтаксическим способом словообразования.

Вопрос конверсионного словообразования неоднократно подвергался исследованию как зарубежными, так и отечественными учеными, однако до настоящего времени лингвисты не пришли к единому мнению по данной проблеме. В специальной литературе, посвященной изучению конверсии, существуют три основные точки зрения на сущность этого явления:

1. Конверсия рассматривается как употребление одного и того же слова в функциях разных частей речи (так называемый синкретизм).

2. С одной стороны, конверсия трактуется как употребление одного и того же слова в функциях разных частей речи, а с другой стороны, она сравнивается со словообразованием.

3. Конверсия признается способом словообразования.

В монголоведении превалирует вторая точка зрения в соединении с третьей, когда явление конверсии трактуется как явление синкретизма и как способ словообразования [Чареков, 1993; Андреева, 1998], т. е. явление конверсии характеризуется как выражение лексико-морфологического синкретизма [Хинхаева, 2006]. В целом, как отмечает С. Л. Чареков, «синкретизм в современном языке, по всей видимости, связан с первичным синкретическим словом архаического языка в той его стадии, когда части речи в нем отсутствовали и первоначальная дифференциация и формирование частей речи зависели не от словообразовательных элементов, а исключительно от семантики самого слова, способного (или неспособного) назвать предмет по его отличительному признаку, свойству» [Чареков, 1999: 154].

В монголоведении существует и другое мнение на эту проблему — функциональная точка зрения, в основе которой положен критерий этимологического тождества полисемантических слов [Щербак, 2005; Табутарова, 2004]. А. М. Щербак отрицает конверсию как способ словообразования, явления конверсии рассматривает как единичные случаи изначального синкретизма слов и расширенного функционального использования существительных. Им отмечается наличие незначительного количе-

ства глагольно-именных основ и возможность случайного совпадения в них первоначально разных основ, обусловленная различными фонетическими процессами, конверсия признается как понятие только английской научной грамматики.

На наш взгляд, содержание, вкладываемое в понятие конверсии А. И. Смирницким вслед за ним А. М. Щербаком, не отражает сути этого явления в монгольских языках. Наличие незначительного количества слов, образованных по данной модели в языке, не может служить аргументом в пользу исключения конверсии из словообразовательных способов, а свидетельствует только о малопродуктивности данного явления в исследуемом языке.

Сторонников обеих точек зрения объединяет то, что конверсию они понимают как расширение значения слова, не нарушающее тождества слова. Нам представляется, что односторонний подход недостаточен для выявления истинной сущности данного языкового явления. Думается, изучение конверсии в совокупности всех характеристик может привести к правильному пониманию ее природы, а данный способ словообразования необходимо рассматривать в совокупности всех его особенностей: семантических, морфологических, синтаксических.

Итак, при помощи конверсии образуются дериваты с невыраженными отношениями словообразовательной производности, ничто в морфемной структуре не выдает ни их производный характер, ни формальную операцию по их образованию. Так называемая словообразовательная «невывразительность» основ [Кубрякова, 2010: 60] подобных дериватов ведет и к трудности их семантического истолкования. Возникает вопрос: маркированы ли такие единицы как производные? Что доказывает вторичность этих единиц? Конверсия заключается в образовании новых слов (омонимов) в результате изменения категориальной принадлежности и лексического значения производящего.

Существует точка зрения, что при конверсии словообразовательным средством является нулевой словообразовательный суффикс [Есипова, 2011: 42]. Применение нулевого суффикса как словообразовательного средства предполагает, что при со-

вершении словообразовательного акта прибавляется нулевой элемент, т. е. благодаря нулевому словообразовательному суффиксу образуется новое слово. Характеризуя безаффиксальное словообразование в бурятском языке, хотелось бы отметить, что словообразовательным средством не может являться замена флексии при производящем и связанное с этой операцией сужение словообразовательной парадигмы деривата по сравнению с производящим, как во флективных языках, например, в русском языке. Но и утверждение, что при конверсии работает нулевой словообразовательный суффикс, можно оспорить, так как нулевая морфема есть следствие «уже произошедшего специфического словообразовательного акта, его рефлекс и отражение» [Кубрякова, 2010: 71]. Конверсия как способ словообразования строится на отношениях словообразовательной мотивированности, суть процесса заключается не только в расширении или сужении основы, а в его переосмыслении, которое так и называется *conversio* `превращение`.

Конверсия — это особая форма переосмысления знака, безаффиксный способ словообразования, при котором средством выражения словообразовательных отношений является изменение семы, приводящее к радикальному изменению грамматических признаков производного слова по сравнению с производящим. К числу таких признаков, в первую очередь, относится частеречное значение. Сущность конверсии заключается в образовании слов одной части речи из другой, представлении признака как предмета, процесса как состояния, предмета как действия и т. д. При этом в бурятском языке немаловажное значение имеет синтаксическое место определенного члена предложения (*локализация*, термин А. В. Есиповой). Например, при адъективации очень важно препозитивное положение адъективированного существительного *модон* `дерево` (определяющего) перед определяемым существительным *гэр* `дом`: *модон гэр* `деревянный дом`. Грамматическая оформленность слова выражается «в словоизменении нового слова (его парадигмой), отличным от словоизменения исходного слова, и характером его сочетаемости с другими словами» [Наделяев, 1988: 31].

В бурятском языке применение конверсии как способа словообразования обусловлено отсутствием морфологических показателей части речи, хотя в редких случаях данный показатель появляется (только его нельзя путать со словообразовательным средством). При конверсии назывная форма мотивирующего слова совпадает с назывной формой слова мотивированного, различие основ этих слов происходит, следовательно, из-за различия набора формативов, с ними соединяющихся. Так, если за основой существительного *модо-* следует *-н*, оно определяется как относительное прилагательное *модон гэр* 'деревянный дом'.

Почва для образования одной части речи от другой в результате семантического развития подготавливается случаями регулярного употребления одной лексико-грамматической единицы в функционально-синтаксической позиции другой. В связи с этим следует говорить о двух стадиях конверсии. На первой слово лишь частично утрачивает арсенал своих исконных грамматических категорий, поэтому не до конца приобретает новые категориальные признаки. В этот период складывается ситуативно-контекстуальная (оказиональная) конверсия. Вторая стадия характеризуется тем, что слово, входя в совершенно иную грамматическую сферу, перенимает все ее лексико-семантические особенности, морфолого-синтаксические признаки, лишается морфологической членимости, следовательно, и былой значимости своих морфем. Таким образом, складывается постоянная (узальная) системообразующая конверсия, при которой образуется слово другой лексико-грамматической категории.

Традиционным считается мнение, что конверсия в бурятском языке не столь развита и носит временный характер [Хинхаева, 2006: 75; Табутарова, 2004]. Доводы о временности данного явления подкрепляются примерами синтаксической субстантивации, адъективации, адвербиализации, вследствие которых образуются функциональные (лексико-грамматические) омонимы, представляющие собой самостоятельные слова. Частотность функционирования субстантивации позволяет считать характерным для бурятского языка именно «оказиональную» конверсию [Андреева, 1998; Хинхаева, 2006 и др.].

С мнением, что конверсия в бурятском языке имеет временный характер, можно не согласиться, словари бурятского языка яркое тому подтверждение. «Между полной и окказиональной конверсией слов имеется только количественное различие, так как с появлением устойчивой потребности при общении внутри коллектива в новом слове повтор его окказиональных конверсий должен привести к полной конверсии» [Наделяев, 1988: 32].

В зависимости от потребности коммуникации с помощью конверсии в бурятском языке появляются новые слова от другой части речи, при этом образуются слова как знаменательных, так и служебных частей речи. Проиллюстрируем это на примере образования послелогов.

Послелог — это слова, бывшие в прошлом полнозначными, которые застыли в той или иной падежной форме и превратились в средство выражения различных грамматических отношений между членами предложения (утеряна их лексическая полноценность). Проиллюстрируем данный факт на примерах разных конверсионных пар. Например:

прилагательное — послелог: *адли* `прил. одинаковый, равный, похожий` → *адли* (послелог) управляет совместным падежом, указывает на одновременность начала действия. Например, *тархья ундын гэхэтэйнь адли* `одновременно с тем, как он поднял голову`;

наречие — послелог: *дээрэ (нууна)* `сидит наверху` → (*стол*) *дээрэ* `на столе`;

деепричастие — послелог: *оротор* → *оротор*. Например, *үбһэ хуряалгын хүдэлмэридэ оротор* `до начала уборки сена`.

Заметим, признаковая и пространственная сема мотивирующего передается мотивированному (послелогу). Безусловно, в данном случае наблюдается не окказиональная конверсия, образование послелогов подтверждается семантическим и функциональным изменением конвертируемых слов.

Изучение конверсии с ономаσιологической точки зрения (с точки зрения появления нового названия) позволяет увидеть то, что составляет семантическое ядро каждой отдельной части

речи. Конверсия демонстрирует, что семантика отдельной части речи имеет ярко выраженный «понятийный» характер и что в основе ее лежит та или иная ономаσιологическая категория. Так, при образовании прилагательных от существительных наблюдается возникновение признаков значений, например, *мульһэн* `лед, льдина` → *мульһэн* `ледяной, ледовитый`, *номин* `лазурит` → *номин* `лазурный, лазоревый`. При этом в данных дериватах не наблюдается соединение или сочетание категориальных значений, а образуется новое слово с признаковым значением. Кстати, примерно половина всех прилагательных образована по конверсии от существительных, что служит ярким примером большой продуктивности конверсии в области образования прилагательных от имен существительных. При конверсии «переход» лексемы из одного грамматического разряда в другой влечет за собой определенные изменения в ее семантике [Чареков, 2000: 164].

В основе конверсионного образования слов первичны семантические изменения, поэтому при анализе конверсионных явлений семантический фактор является важнейшим.

Рассмотрим некоторые модели конверсии с точки зрения семантических изменений. В бурятском языке при субстантивации мотивирующими являются причастия, прилагательные. Субстантивации подвергаются:

– постоянные причастия на *-ааша* (с вариантами *-оошо/-өөшэ/-ээшэ*), *-яаша* (*-ёошо/-еэшэ*), *-гааша* (*-гоошо/-гээшэ/-гөөшэ*): *баряаша* `держаший`, *ябааша* `идуший` (от *яба* `идти`). Выражает действие, совершение которого является обычным, постоянным и легко осуществимым или доступным для какого-нибудь предмета. Процесс субстантивации освобождает лексику от временных рамок, «совершенное действие может быть при этом представлено как проявление способности или склонности данного предмета совершать такого рода действия» [ГБЯ, 1962: 274]. Например, *баряаша* `держаший` (от *бари/ха* `держать`) превращается в *баряаша* `костоправ` (человек, умеющий лечить при помощи массажа), *зурааша* `рисующий` → *зурааша* `художник`, *түлээшэ* `возжигающий` → *түлээшэ* `ко-

чегар`. По данной схеме образуются термины: *шудхааша* `ли-тейщик`, *хэмжээшэ* `измеритель`, *гал унтаргаагааши* `огнетушитель`;

– однократные причастия на *-гши* (*-гшио*, *-гшиэ*). По семантике данное причастие напоминает постоянное и многократное причастие¹, поэтому большая часть таких причастий пополняет ряды субстантивов: *туруулэгшиэ* `впереди идущий, следующий` → *туруулэгшиэ* `председатель`. По этой модели образуются термины: *нэрлүүлэ* `побудить, именовать` → *нэрлүүлэгшиэ* `подлежащее`, *хэлэ/хэ* `сказать` → *хэлэгшиэ* `сказуемое`, *хаса/ха* `сокращать` → *хасагшиэ* `сокращаемое`, *хубаа/ха* `делить` → *хубаагшиэ* `делитель`. Существует мнение, что по такой модели «образуются в основном математические термины: *нэмэгдэгшиэ* `слагаемое`, *үдхүүлэгшиэ* `множимое`, *үдхэгшиэ* `множитель`, *үдхэлсэгшиэ* `сомножитель`, *дайрагшиэ* `касательная` [Дондуков, 1970].

Первый тип субстантивированных причастий — образовавшиеся в процессе конверсии функционально-семантические омонимы. Причастие от соответствующей глагольной основы получает все основные «прямые» значения глагола. Глагол часто располагает одним или несколькими переносными значениями. Кроме «прямых» генетических значений глагольной основы причастия вместе с основой могут получать и переносные значения своих глаголов. Переносное значение у глагольной основы — это первый сигнал того, что данная причастная форма может быть подвергнута адъективации или субстантивации. Причастия с переносными значениями часто выступают определяющими лица или какого-либо объекта, а это способствует их субстантивации.

Проиллюстрируем данное явление на примере образования деривата *баряаша* `костоправ`. Исходным словом деривационной цепочки образования этого слова является полисемант *бариха*, основным значением которого является значение `брат, ловить`. Переносное значение `вправлять (вывих)` данный полисемант приобретает в сочетании с другими словами: *яһа мүсэ*

---

¹ По поводу неточности наименования данного причастия см.: ГБЯ, 1962: 276.

бариха `вправить кости (или сустав)`, от данного словосочетания образуется причастие *яһа мүсэ баряаша* `вправляющий кости (или сустав)`. При субстантивации новая лексема *баряаша* вбирает в себя значение всего сочетания.

Конверсионная модель Adj-N в бурятском языке представлена довольно широко. Прилагательные, служащие основой для образования по конверсии существительных, можно подразделить на следующие семантические группы: а) прилагательные, обозначающие физические свойства человека: *бүдүүн* `толстый` → *бүдүүн* `толщина`; *дүли* `глухой` → *дүли* `глухота`; б) прилагательные, обозначающие нравственно-интеллектуальные признаки человека: *сэсэн* `мудрый, умный, разумный` → *сэсэн* `мудрец`; *тэнэг* `глупый, неумный` → *тэнэг* `глупость; глупец, дурак`; *һайхан* `красивый, прекрасный, пригожий, приятный; прелестный` → *һайхан* `красота, прелесть`; в) прилагательные, обозначающие социальное положение человека: *баян* `богатый` → *баян* `богач; богатство, состоятельность`², *үгүтэй* `бедный, неимущий` → *үгүтэй* `бедняк`; г) прилагательные, обозначающие цвет: *улаан* `красный, алый; румяный` → *улаан* `краснота`; *ногоон* `зеленый` → *ногоон* `трава, зелень`; д) прилагательные, обозначающие возрастные особенности: *үбгэн* `старый, престарелый` → *үбгэн* `старец, старик`, *хүгшэн* `старый` → *хүгшэн* `старик, старуха`; е) прилагательные, обозначающие признаки пространства и места: *үндэр* `высокий` → *үндэр* `высота`.

Помимо производных прилагательных чаще остальных субстантивации подвергаются прилагательные, образованные при помощи суффикса *-тай*: *бэһэтэй* `имеющий пояс, кушак` → *бэһэтэй* `мужчина`, *бэһэтэ* `1) мужчина; 2) перен. опора (в доме, хозяйстве)`, *үгүтэй* `бедный, неимущий` → *үгүтэй* `бедняк`; прилагательные с отрицанием, образованные при помощи суффикса *-гүй*: *бэһэгүй* `без пояса, без кушака` → *бэһэгүй* `женщина`; прилагательные на *-ын*: *амаралтын үдэр* `день отдыха, выходной день` → *амаралтын* `выходной`, кстати, в последнее время данная лексема все чаще употребляется в значении

² В БРС порядок другой, см.: БРС, 2006: 124.

«праздничный день» (перенос по ассоциации — в праздничные дни мы отдыхаем).

Рассмотрим конверсионную модель Part – Adj, когда мотивирующим является причастие, возможность адъективации бурятских причастий обусловлена, в первую очередь, положением причастия в грамматической системе этого языка — между глаголом и прилагательным.

Причастие образует конструкции с именами в субъектной и объектной функциях, это обусловлено валентными свойствами его семантики. При их отсутствии причастие может становиться прилагательным: отвечать на вопросы прилагательных, функционировать как прилагательное, но при этом продолжает оставаться в причастной оболочке и материально базироваться на глагольной основе. Адъективация — довольно сложный и многоплановый семантический процесс, так как достигается не путем образования новых форм слов или словоизменения, а путем изменения семантики отглагольного причастия.

Особенно склонными к переходу в прилагательные являются причастия постоянного признака (постоянное причастие), многократные причастия и причастия завершено-прошедшего времени, так как они выражают действие, ставшее постоянным признаком предмета. Это многократные причастия с аффиксами *-даг* (*-дэг*, *-дог*): *үргэдэг морин* `пугливый конь`; *-һан* (*-һэн*, *-һон*) *жэбэрһэн хадаһан* `ржавый гвоздь`. Причастия завершено-прошедшего времени, образованные при помощи *-нхай* (*-нхэй*, *-нхой*), например, *гашаланхай* (*һун*) `прокисшее (молоко)`, легко адъективируются. Видимо, дело не только в полифункциональности аффикса, при помощи которого образуются и прилагательные, но и в семантике причастия, выражающего «действие, завершившееся задолго до наступления момента речи, в прошлом» [ГБЯ: 270]. Прилагательные, образованные путем изменения семантики причастия, выражают непрерывное действие.

На наш взгляд, данное лингвистическое явление обусловлено постепенным накоплением в причастиях адъективных значений, значений постоянного, статичного признака, и при этом

происходит процесс ослабления грамматических черт глагольности (значений времени, вида, залога). Так приводится в движение интралингвистический механизм, который в определенной степени отрывает то или другое причастие от системы форм глагола. В функциональном плане оно переходит к обозначению постоянного свойства, присущего отдельному предмету. Например, постоянное причастие *гүйгөөшэ* `бегущий`, характеризует признак по действию, совершаемому предметом, в данном случае *морин* `конем`, затем лексема переходит в обозначение свойства, качества, имманентно присущего предмету: *гүйгөөшэ морин* `беговая лошадь`.

В отличие от других видов конверсии при адъективации остается без изменений не только внешний облик причастия, неизменными остаются атрибутивные функции слова, в связи с этим, безусловно, неизменным остается и препозитивное положение. Изменяется семантика (непостоянный признак → постоянный признак), что является еще одним подтверждением того, что конверсия — это семантико-морфолого-синтаксический способ словообразования, при котором изменение семантики все же является одним из главных и основных при образовании нового слова.

Конверсионная группа может состоять максимально из четырех, пяти, шести слов, в бурятском языке наиболее употребительными являются ряды из двух и трех слов. Из них наиболее распространены конверсионные трехчастные модели N – Adj – Adv и Adj – Adv – N.

Например³, N – Adj – Adv: 1. *харанхы* `темнота; тьма, мрак` — *харанхы* `темный, мрачный` — *харанхы* `темно`; *бузар* `1) грязь, нечистоты; 2) перен. мерзость, гадость` — *бузар* `атр. грязный, нечистый; 2) мерзкий, гадкий` — *бузар* `ужасно, отвратительно; 2) чрезвычайно, весьма, 3) очень`.

Adj – Adv – N: *хурса* `1) острый, наточенный; 2) острый, зоркий, тонкий; 3) звонкий (о голосе); 4) резкий; яркий; 5) жирный (о пище); 6) острый, пряный; 7) перен. способный` — *хурса*

³ Порядок слов дается по словарной статье БРС, 2006, 2008.

`зорко` — *хурса* `острота`; *далда* `скрытный, потаенный, секретный, тайный` — *далда* `скрытое место, тайник` — *далда* `скрытно, тайком`. Заметим, конверсивы (дериваты, образованные способом конверсии) образовались от первого и второго значений мотивирующего, т. е. основного, это явление характерно для конверсионного образования в бурятском языке.

Для установления развития семантики исходного слова необходимо соблюдать порядок следования мотивирующего и мотивированного слов.

К сожалению, одной из нерешенных проблем в бурятоведении остается определение исходного слова в рядах конверсионных омонимов. Справедливости ради следует отметить, что вопрос о направлении производности в конверсионных парах ставился в работах [Наделяев, 1988; Хинхаева, 2006; Харанутова, 2012; Цыренов, 2012, 2018].

Часто бывает довольно трудно определить исходное слово в конверсионном ряду, тем более установить развитие семантики исходного слова. В словарях нарушается порядок расположения исходного и производного слов, и производное слово нередко возглавляет конверсионный ряд.

В Бурятско-русском словаре (БРС) установлен порядок подачи дериватов, образованных способом конверсии. Конвертированное и исходное слова подаются в одной словарной статье: 1. Мүльһэн `лед, льдина; 2. ледяной, ледовитый`, номин `1. мин. лазурит; 2. 1) лазурный, лазоревый; 2) парн. к хүхэ, сэнхир`.

В БРС наблюдается только один случай, когда конверсивы подаются как омонимы отдельной лексикографической статьей:

Алтан `золото сущ.` [БРС, 2006, с. 55].

Алтан `золотой прил.` [БРС, 2006, с. 56].

Анализ словарных статей в БРС показал, что в конверсионных рядах нарушается порядок расположения исходного и производного слов, в связи с этим производное слово нередко возглавляет конверсионный ряд. Например, в паре *ногоон* `зеленый` → *ногоон* `трава, зелень` в словарной статье первична сема наименования «трава» [БРС, 2006: 163]. Если предположить, что мотивирующее должно быть под первым номером, то

получается, что в данном случае название цвета дает слово *но-гоон* `трава`. В словарной же статье лексемы *будуун* первична сема отвлеченного наименования `толщина`, признаковое значение `толстый` идет вслед за отвлеченным [БРС, 2006: 163]. То же самое наблюдается и в словарной статье конверсионной пары *солбон* `прыть, бойкость, проворство; живость` — *солбон* `атр. прыткий, ловкий, проворный; бодрый, живой, энергичный`. В словарной же статье *үргэн* порядок другой: *үргэн* `широкий, массовый, обширный, расширенный, развернутый` — *үргэн* `ширина`.

Понятно, что слова возникли способом конверсии, только возникает вопрос: это субстантивация или адъективация? В данном случае нам представляется важным определение производящего, так как соблюдение порядка следования мотивирующего и мотивированного необходимо для установления развития семантики исходного слова.

В лингвистике предлагаются разные способы нахождения производящего в конверсионных парах: словообразовательный (П. А. Соболева), логический (Н. М. Альметова), логический и семантический (О. Д. Мешков) критерии, критерий аналогичных семантических образований (А. И. Смирницкий).

Суть словообразовательного критерия заключается в следующем: «если все или большинство производных слов в данном гнезде носят непосредственно или опосредованно отглагольный (отыменный) характер, то современное направление конверсии в данном гнезде — глагол → существительное (существительное → глагол)» [Соболева, 1959: 93]. Согласно словообразовательному критерию внутренней производности основанием для отнесения исходного слова к какой-либо части речи является характер аффиксальных словообразований: если однокоренные слова образованы при помощи отыменных суффиксов, то ряд конверсивов открывает существительное, если в гнезде преобладают отглагольные образования, то это глагол и т. д. Данный критерий невозможно применить к бурятским конверсивам, так как в бурятском языке не существует словообразова-

тельного словаря однокоренных слов, составленных гнездовым способом.

Что касается логического и лингвистического критериев, выдвигаемых О. Д. Мешковым (аналогичным он считает семантико-дефиниционный критерий), то он основан на следующем положении: производящее или его форма используется в дефиниции производного [Мешков, 1976: 123]. Думается, что применение указанного способа позволит выявить исходное слово в конверсионной паре прилагательное — существительное, когда производное имеет словообразовательное значение «определенный непроцессуальный признак, названный производящим прилагательным»: *бүдүүн* `толстый` → *бүдүүн* `толщина`; *дүлш* `глухой` → *дүлш* `глухота`, *тэнэг* `глупый, неумный` → *тэнэг* `глупость`; *хайхан* `красивый, прекрасный, пригожий, приятный; прелестный` → *хайхан* `красота, прелесть`; *улаан* `красный, алый; румяный` → *улаан* `краснота`. Данный принцип также работает и при образовании существительных со значением лица, когда производное приобретает словообразовательное значение «лицо со значением признака, названного производящим прилагательным». Например, производящими являются прилагательные, обозначающие возрастные особенности: *үбгэн* `старый, престарелый` → *үбгэн* `старец, старик`, *хүгшэн* `старый` → *хүгшэн* `старик, старуха` или прилагательные, обозначающие социальное положение человека: *баян* `богатый` → *баян* `богач; богатство, состоятельность`, *үгүтэй* `бедный, неимущий` → *үгүтэй* `бедняк`.

В основе критериев, выдвигаемых О. Д. Мешковым, лежат логические признаки, которые, по мнению Н. М. Альметовой, являются наиболее надежными при определении мотивационных связей. В связи с этим ею предлагается метод логического анализа, основанный на соотношении объема понятий [Альметова, 2010: 119]. Данный критерий опирается на связи (реальных) предметов и их признаков, согласно чему направление производности устанавливается методом сравнения объемов понятий слов, более широким объемом понятий характеризуется мотивирующее слово, а более узким — мотивированное.

Например, в паре *ногоон* — *ногоон* нельзя понять значение прилагательного без знания того, что такое *ногоон* (трава). Следовательно, существительное является мотивирующим, поскольку объем его понятия шире, чем у прилагательного, и значение последнего выводится через значение существительного. Существительное обозначает конкретный предмет, наблюдаемый языковой личностью: *ногоон* — это трава зеленого цвета. На этом основании, получив зрительный образ, языковая личность, опираясь на свое знание картины мира, выводит связь между предметом, обозначенным существительным, и признаком, который выражает понятие о цвете с использованием данного предмета.

Таким образом, в соответствии с данным критерием в паре *ногоон* `трава, зелень` → *ногоон* `зеленый` производным является первое, так как логичнее, что наименование цвета дали поцвету травы (адъективация), с конверсивами *бүдүүн*, думается, логичнее другой порядок: *бүдүүн* `толстый` → *бүдүүн* `толщина`, первично значение признака (субстантивация).

При том, что логический критерий более надежен при выявлении мотивационных отношений, он не может выдвигаться в качестве основного, так как сфера его действия находится вне языка. Обзор других выдвигаемых критериев для выявления производящих в словообразовательной паре конверсивов показывает, что на сегодняшний день ни один критерий не может претендовать на роль центрального.

Несомненно, направление словообразовательной мотивированности в конверсионных парах зависит от связей между понятиями, выраженными производящим и производным, исходные слова должны обладать большим объемом значений, чем производные, что подтверждается языковыми закономерностями или языковыми правилами. Учитывая это, для определения производящего в конверсионной паре можно предложить два критерия: семантико-дефиниционный и логический.

При обнаружении таких фактов остро чувствуется нехватка этимологического словаря монгольских языков, составление которого в монголоведении является насущной потребностью.

Такой же необходимостью является и создание словаря конверсивов бурятского языка, для чего требуется не только исследование особенностей направления мотивации при конверсии, но и выработка четких критериев определения мотивационных связей в конверсионных парах и конверсионных группах. Итак, конверсия — это не функциональное явление и не синкретизм, а семантико-морфолого-синтаксический способ словообразования, при котором слово одной части речи образуется от слова другой без изменения внешней формы исходного слова, а словообразовательным средством при этом является операция, при которой происходит семантический сдвиг и изменение грамматической оформленности слова. Конверсионными отношениями могут быть связаны не только слова двух частей речи, как принято считать в монголоведении, но и трех, четырех. В отличие от сторонников этимологической и синкретической точек зрения на полисемантические слова мы придерживаемся мнения, что конверсия как способ словообразования допускает одновременное соотношение более чем двух частей речи. Например, нам удалось на материале бурятского языка убедиться в том, что по конверсии одновременно могут соотноситься три-четыре части речи. Это имеет место обычно в тех случаях, когда производящим словом является существительное, от которого производится прилагательное, от прилагательного — наречие, от наречия — существительное, от существительного — послелог.

При конверсии сохраняется материально-семантическая связь между мотивирующим и производным словами, при этом происходит изменение лексической семантики деривата по сравнению с исходным, изменяется сочетаемость конвертированного слова, изменяется парадигма слова, т. е. образованное слово принимает все морфологические признаки той части речи, в которую преобразуется.

Конверсия — это живой процесс развития словарного состава, функционирующий по внутренним законам развития современного бурятского языка. Распространенность данного способа словообразования убедительно свидетельствует о системности языка, поскольку в ее основе лежит зависимость

способов словообразования от грамматического строя и типичных структурных моделей языка. На наш взгляд, образование слов различных частей речи от других свидетельствует о том, что системе частей речи бурятского языка присуща динамика, проявляющаяся в транспозиционных процессах.

2.2.2 Лексико-семантический способ образования слов

Лексико-семантическое словообразование относится к безаффиксальному способу образования слов и является одним из наиболее спорных.

В данной работе преобладающей является точка зрения В. В. Виноградова, который считал, что семантическое словообразование состоит «в переосмыслении прежних слов, в формировании омонимов путем распада одного слова на два» [Виноградов, 1951].

Бесспорно, этот способ относится к диахроническому словообразованию, так как образование дериватов-омонимов протекает постепенно. Проблема определения семантического развития слова решается в синхронно-диахронном плане, исходя из взаимоотношений анализируемых именных лексем на современном этапе развития языка, так как невозможно зафиксировать момент вхождения в язык измененного значения, а сам процесс переосмысления идет в языке практически непрерывно. В параграфе представлен анализ механизма семантической деривации в бурятском языке, установлена взаимосвязь внутрисловных отношений, выявлены некоторые типологические черты механизма семантического словопроизводства данного класса слов.

Семантическая номинативная деривация — один из важнейших факторов, лежащих в основе развития как полисемии, так и омонимии. Результатом семантико-деривационных процессов является возникновение новых номинаций двух разновидностей: ЛСВ (лексико-семантических вариантов) слова либо новых слов, омонимичных производящим. Во втором случае целесообразно говорить о семантическом словообразовании.

В нашей работе мы затрагиваем одну из самых спорных проблем: в каких случаях семантические изменения приводят к образованию самостоятельного слова, а в каких — лишь нового значения уже существующей лексической единицы? В каких случаях возникают омонимы, а в каких случаях — полисеманты (многозначные слова)?

Семантико-деривационные процессы имеют принципиально единый механизм, основанный на явлении аналогии. Как известно, новые лексико-семантические варианты (ЛСВ) слова проявляются в языке по причине асимметрии языкового знака, появляющегося вследствие нарушения языкового автоматизма (один знак — одно значение). Данное нарушение связано с тем, что любой предмет сравним с другим предметом, любое явление имеет какое-либо сходство с другим, поэтому одинаковые или сходные свойства двух вещей оказывается возможным называть одним и тем же именем.

Представляется, на первом этапе слово употребляется в переносном значении, в бурятском языке в силу образности языка данное явление распространено, и на втором этапе слово утрачивает единый обобщающий признак, образуется несколько организующих центров (узловых сем) в системе многозначного слова. Образование узловых сем происходит на основе метафорического или метонимического переноса, данные узловые семы закрепляются в семной цепочке лексемы, т. е. слово обогащается новыми семами, переходит в статус полисеманта (многозначного слова).

В какой-то момент (это может быть и одновременно с появлением семы) узловые семы теряют связь между собой (или же одна из сем обособляется) — появляется новая лексема. Чаще всего это происходит путем замены одной классифицирующей семы слова другой без изменения его звуковой оболочки и категориальной принадлежности.

Таким образом, словообразовательным средством лексико-семантического способа словообразования является замещение одной семы другой. Заметим, не всякое замещение ведет к образованию наименования для нового понятия, а лишь то, отсут-

ствие которого ведет к исключению слова из класса слов, содержащих данную сему, т. е. к выходу его из состава слов прежнего семантического класса. В свою очередь, не всякая сема-заместитель ведет к вводу слова в новый лексико-семантический класс, а лишь сема-выразитель принадлежности его к определенному лексико-семантическому классу.

В бурятском языке, например, часто происходит замена семы `орган тела` на сему `предмет`, `элемент предмета`, `элемент ландшафта` и т. д. Например, *аман`рот, уста, губы (у человека), пасть, зев (у животных); аман`дуло (пулемета)` — аман`устье (реки)` — аман`раствор верхних концов стальных прутьев юрты`;* *хоолой`горло, глотка` — хоолой`горлышко (бутылки), носик чайника` — хоолой`труба, трубопровод` — хоолой`геогр. перешеек; приток, рукав реки; пролив` — хоолой`голос`;* *хушуун`морда (у животных); хобот (у слона); хоботок (у комара); клюв (у птиц)` — хушуун`выступ, выдающаяся (или выступающая) вперед часть чего-л. а) выступ земли; б) мыс` — хушуун`передняя (или острая) часть чего-л.: нос (лодки или судна), носок (у обуви)`.* Безусловно, это «результат антропоцентрического взгляда на мир, приписывающего топологические свойства человека и частей тела неживым предметам и явлениям» [Рахилина, 2000: 253].

Итак, результатом лексико-семантического способа становится образование двух и более тождественных по форме слов с разным вещественным значением корня: *бэе`тело, организм` — бэе`сторона, берег`;* *сагаан`белый` — сагаан`молочный`;* *гэрэл`луч, свет, освещение` — гэрэл`зеркало`;* *аман`дуло (пулемета)` — аман`устье (реки)`;* *хоолой`труба, трубопровод` — хоолой`геогр. перешеек; приток, рукав реки; пролив`, что влечет за собой выход новообразования из прежней семасиологической системы и закрепление в качестве стабильной лексической единицы, при этом образование омонимов происходит в пределах одной и той же части речи. Номинации, образованные способом семантической деривации, становятся привычными в языке, благодаря их частому употреблению в них непосредственно воспринимается одно новое значение, переносный характер употребления*

слова утрачивается. Например, возникновение новой лексической единицы — деривата *хушуун* `передняя (или острая) часть чего-л.: нос (лодки или судна), носок (у обуви), сошник (у плуга)` [БРС, 2008: 477] при помощи дериватора операционного вида — расщепления семы *хушуун* — сопровождается изменением конструктивных свойств сочетаемости, формообразования слова в новом его значении, приобретением способности стать производящим. При употреблении слова *хушуун* (наряду с лит. *хониоор*) в словосочетании *гуталай хушуун* (диал.) у нас даже не возникает ассоциации с *мордой* животных, первичное значение утрачено, слово функционирует только в значении «носок обуви», более того, в разговорной речи возможно образование прилагательного *хушуутай гутал* `остроносая обувь, досл. обувь с носком`, т. е. значение «заостренная часть чего-л.» превращается в значение «носок как передняя часть обуви», получает дальнейшее развитие, образует деривационную цепочку. Кстати, критерием лексической омонимии является социальная осознанность акта расщепления одного слова на несколько, его принятия или отклонения нормами языка.

Важным доводом в пользу принадлежности лексико-семантического способа к способам словообразования является наличие словообразовательных моделей, свидетельствующих об осознанном, целенаправленном изменении значения слова. Данному способу присуща универсальность, которая выражается в наличии в разных языках одинаковых моделей семантического словопроизводства, в принципиальном подобии механизмов изменения значения слова и образования семантических омонимов: это расширение и сужение значения, ассоциации по сходству (метафора) и по смежности (метонимия). Следует отметить, что для словообразовательного уровня представляется более корректным понимание метонимии и метафоры не как тропа, а именно как «механизма речи», точнее, механизма семантической транспозиции (переноса), на котором могут быть основаны разнообразные тропы и фигуры речи. Метонимия и метафора являются не только основными видами образования переносных значений слов, но и новых слов в общелитературном языке, т. е.

при описании деривационного механизма предлагается использовать понятия метонимии и метафоры в качестве лексико-семантических единиц словообразования.

Особое место среди лингвистических причин изменения значения слова занимает сдвиг значения на основе переноса наименования. Возможность такого переноса кроется в самой сути значения слова, а именно в гибкой связи между такими его компонентами, как понятие и форма. Виды переноса зависят от типа связей между денотатом и его наименованием. В данной работе выделяются два основных типа таких связей: квалификационный (предполагающий наличие общего признака у разных денотатов) и импликационный (основанный на логической посылке, подразумевающей, имплицитной связи между частью и целым). К импликационному типу относится такой вид переноса, как метонимия, к квалификационному — метафора. Данные виды связи между предметами предполагают, что предмет, имя которого используется, существует независимо от предмета, на который это имя указывает, и оба они не составляют единого целого.

Рассмотрим *квалификационный* тип связей между денотатом и наименованием, пользующийся наибольшим деривационным потенциалом. Данным типом связи характеризуются метафорические значения, фиксирующие переносы по сходству формы, по сходству внешнего вида, по сходству расположения в пространстве, по сходству количественного признака и некоторые другие, т.е. те метафорические переносы, которые являются в системе многозначного слова наиболее регулярными и типичными: *уурхай* `гнездо` → *уурхай* `шахта`; *ном* `книга` — *ном* `перен. грамота, учеба` — *ном* `учение, канон (буд.)`; *гуламта* `очаг` (открытый огонь в середине юрты) — *гуламта* `перен. очаг` (в значении *дом, семья*) — *гуламта* `перен. очаг` (место, откуда что-нибудь распространяется); *аман* `рот` — *аман* `устье (реки)`. Образование нового слова в результате замещения одной семы другой, основанного на метафорическом переносе, характерно для бурятского языка и является универсальным для всех языков.

Импликационный тип связей между денотатом и наименованием подразумевает перенос названия имени, основанный на смежности значений, в основном пространственной, временной и причинно-следственной. Метонимия является одним из способов семантических изменений и воплощается в производных (метонимических) значениях слова. Метонимические переносные значения фиксируют следующие ассоциативные связи: болезнь — заболевший орган: *бахалуур* `горло, глотка` → *бахалуур* `зоб`; дерево, растение — его плод: *шасаргана* `облепиха` (куст) → *шасаргана* `облепиха` (ягода); предмет, чем играют — название игры: *баабхай* `бабка (надкопытный сустав и игральная кость)` → *баабхай* `игра (в кости)`, *бэһэ* `пояс, кушак` — (*гэрэй*) *бэһэ* `опояска юрты` (для привязывания войлока к стенам юрты); *аман* `рот` — *аман* `едок, иждивенец`. Данный вид образования слов, основанный на метонимическом переносе, наблюдается при образовании терминов, например, как считает Ц. Ц. Бальжинимаева, «название отдельной части, т.е. *жалабша*, расширило свое первоначальное значение и перешло на весь аппарат, служащий для перегонки араки» [Бальжинимаева, 2000: 43], в свою очередь, производящим для *жалабша* является прилагательное *жалагар* `неглубокий`.

В ходе анализа данного способа в бурятском языке выявлена интересная черта: семантической деривации подвержены лексемы более длительного употребления в языке, слова, исконные по происхождению или же заимствованные из монгольских, тюркских, тунгусо-маньчжурских языков в более древний период, поэтому воспринимаемые как исконные. К ним относятся соматизмы (названия частей тела и внутренних органов человека), например, *хабшагай ургэн* `захватывающая часть щипцов`, *тамгын толгой* `часть штампов для таврения, которыми отмечался домашний скот` [Бальжинимаева, 2009: 26–27], названия людей, связанных родственными узами, например, *нүхэр* `муж, супруг`, зоонимы (названия животных, птиц, рыб, насекомых, пресмыкающихся), названия некоторых растений и пищевых продуктов, т. е. слова конкретной семантики. Б. Д. Бальжинимаева считает, что в монгольских языках лексико-семантический

способ относится к основным способам при образовании терминов традиционного домашнего ремесленного производства, относящегося к обработке в домашних условиях различных металлов, дерева, кожевенно- мехового сырья [Бальжинимаева, 2009: 113].

С другой стороны, в бурятском языке лексико-семантическое словообразование происходит на базе и более широкого спектра понятий. Например, кроме конкретно-предметных понятий в процессе словообразования активно использовались возможности применения внутренней семантической связи между существительными с конкретными и вновь создаваемыми понятиями, означающими совокупность предметов (зачастую связанных с терминологией) и абстрактными понятиями. В связи с необходимостью означивания новых явлений в жизни современного общества создавались слова терминологического характера. В силу экстралингвистических факторов многие из них так и не вошли в широкий обиход, не прижились. Тем не менее в языке функционируют слова-неологизмы, особенно это касается терминов. Например, политические термины: *холбоо* `связь, контакт` — *холбоо* `федерация, ассоциация, союз`, *холбогдол* `связка` — *холбогдол* `смычка`, *шата* `ступень, ступенька` — *шата* `полит. ступень, фаза, стадия, этап`, научно-технические термины: *дараса* `давление`, *хүдэлөөн* `движение`, *үрэлдөөн* `трение`; лингвистические термины типа *үндэһэн* `корень`.

При помощи этого способа могут образоваться новые слова на базе как отдельных слов, так и устойчивых словосочетаний, фразеологических оборотов, например, термины: *сэхэ буланта* `прямоугольник`, *хара хүсэн* `физическая сила`, *мориной хүсэн* `лошадиная сила (единица мощности двигателя, равная 736 вт)`, *атомна хүсэн* `атомная энергия`. При этом семантика слов, приобретаемых ими путем переосмысления, расширения переносных значений, разнообразна. Значения слов изменяются, опосредованно отражая изменения, происходящие в реальной действительности в интересах и потребностях людей — носителей языка.

Например, одним из наиболее употребляемых примеров семантической номинации в монгольских языках является *толгой*

`голова`. Верховное положение головы в пространстве переосмысливается в разных языках сходным образом (бурятский — не исключение) — этот признак переносится на другие предметы. Данное слово в переносном значении вступает в иные, не свойственные ему, связи с другими словами для обозначения каких-то предметов и явлений, так появляются новые слова терминологического характера: *сэсэгэй толгой* `цветок`; *хадааһанай толгой* `головка (или шляпка) гвоздя`; *ханын толгой* `верхние концы решетчатых стенок юрты`; *эрхиин толгой* `самый крупный из шариков чёток` и пр. В качестве семантической основы номинации в данном случае лежат факты метафорического переноса.

Выбранные методом сплошной выборки омонимичные пары лексем в бурятском языке показывают, что в лексикографическом описании нет единообразия, в словарях эти семантические единицы представлены чаще как значения одного слова, редко как омонимы⁴. Считаем, что вышеприведенные примеры — семантические дериваты, так как процесс образования новых лексем подтверждается их семантикой, функционированием, в словаре же они подаются как полисеманты.

Подобные примеры свидетельствуют о необходимости точного определения того, какие явления языка можно расценивать как омонимию, а какие — как полисемию. Для осуществления этой сложной задачи нужно выработать критерии разграничения этих явлений, которые позволили бы составителям словарей правильно, без искажений показать действительное соотношение омонимов в языке. Следует подчеркнуть, что составление лексикографических справочников и отражение в них проблемы омонимии всецело определяется решением теоретического вопроса о соотношении полисемии и омонимии и невозможно без четкого проведения границы между ними.

В лексикологии в качестве семантического критерия определения омонимов используется метод лексических объяснительных трансформаций, применение которого позволяет опре-

---

⁴ Отбор слов производился по БРС, 2006, 2008; РБС, 2008.

делить условия сохранения и распада семантического тождества слова и решить вопрос об омонимичности сопоставляемых единиц языка, рассматриваемых в одних словарях как многозначные слова, в других — как омонимы. Очевидно, что использование данного метода в словообразовании позволит показать характер связи между ЛСВ полисемантического слова и специфике выделения омонимов. Ведь при установлении границы между лексемами–полисемантами и лексическими омонимами необходимо исходить из факта наличия или отсутствия семантической связи между лексическими единицами. Следовательно, основным способом установления факта полисемии или омонимии может быть только семантический критерий или наличие в его смысловой структуре общего семантического компонента.

Итак, ведущим фактором разграничения семантических дериватов (омонимов) и полисемантов является отсутствие или наличие в смысловой структуре лексем(ы) *общего семантического компонента*.

Наличие в его смысловой структуре общего семантического компонента свидетельствует о многозначности слова. Если это полисемант, то семантический компонент повторяется в каждом ЛСВ, объединяя их, таким образом, в единое целое — семантическую структуру слова. Как правило, общий элемент значения является неотъемлемой частью основного ЛСВ и входит как существенный и необходимый компонент в определение каждого ЛСВ, выступая в виде поясняющего слова или словосочетания или одного из элементов этого словосочетания. Смысловое единство слов сохраняется благодаря обнаруженным в ходе анализа общим компонентам смысла, например: в лексеме *жабар* семы `хиус, ветер-верховик` и `мороз, холод` объединены элементом «холодный»: *жабар* — `ветер-верховик` (не сильный, но резкий и очень холодный ветер, обычно дующий с верховьев пади) и *жабар* `мороз, холод`, связанный с зимними, холодными ветрами. Данный общий семантический компонент удерживает ЛСВ лексемы (в данном случае, `ветер` и `мороз`) в границах одной и той же лексической единицы, свидетельствуя о том,

что отношения между ЛСВ являются типичными, широко распространенными, т. е. носят регулярный характер.

В словах, не имеющих единого смыслового центра, например *далан* `1. загривок; 2. огрех`, в роли общего семантического компонента может выступить *поясняющее словосочетание*, большая степень связи между ЛСВ обеспечивается вхождением этого словосочетания в определение того или иного ЛСВ или полностью или большей частью. Например, формула объяснения *далан* — `перен. говорится о чем-л., напоминающем загривок, огрех` объясняет дефиницию ЛСВ `огрех, становится понятным, почему *далан* — это *огрех*: *убһэнэй далан* `«балалайка» (узкая полоска травы, остающаяся при неполном прокосе)`, *харгын далан* `загривок колесной дороги (часть дороги между колеями, где идет лошадь)`. Такие случаи, на наш взгляд, уже близки к омонимии, примеров такого порядка в бурятском языке достаточно, например: *дэгээ* `1. крюк, багор; 2. спорт. охватывание ноги противника своей ногой (прием национальной борьбы)`.

Что касается образования самостоятельных слов, то семантическая самостоятельность омонимов обеспечивается отсутствием у них общего элемента смысла и невозможностью его выявления. Омонимы, как и многозначные слова, имеют свою смысловую структуру, причем более развитую у одного из них, а именно у первого члена омонимичной пары, который в большинстве случаев включает основной ЛСВ когда-то единого многозначного слова. Например, *хоолой* `горло, глотка` — *хоолой* `горлышко (бутылки, носик чайника)` — *хоолой* `труба, трубопровод` — *хоолой* `геогр. перешеек; приток, рукав реки; пролив`. Когда-то *хоолой* `горло, глотка` являлось многозначным словом, ЛСВ появлялись на основе метафорического и метонимического переносов, в итоге функционирования лексемы появились узловые семные центры, которые все же привели к распаду некогда монолитного центра, где общим семантическим компонентом был основной ЛСВ «горло». Л. Д. Шагдаров считает, что в *хоолой* `горло` и *хоолой* `труба` наличествуют одни и те же семы «пустотелость», «круглое сечение», «длина», поэтому нет основания считать их омонимами. Думается, у лексем

хоолой `геогр. перешеек; приток, рукав реки; пролив`, *хоолой* `горлышко (бутылки), носик чайника`, *хоолой* `труба, трубопровод` исчезли общие семы, появились свои смысловые центры, т. е. образовались новые слова. Г. Ц. Пюрбеев приводит *хоолой* как пример терминологизации значений общеупотребительных слов наряду со словами *нуруу* `спина, позвоночник` — *уулын нуруу* `горный хребет`, *араа* `коренной зуб, шестерня` — *араа* `шестерня` [Пюрбеев, 1984: 98].

Данный метод, по нашему мнению, достаточно надежен для установления границы между полисемией и омонимией, он пригоден в работе с любым материалом, независимо от того, связаны ли слова, подвергаемые проверке на семантическое тождество, этимологически или нет. На основе этого метода возможно выделение омонимов, составление списка семантических омонимов, все это будет способствовать разрешению сложной проблемы разграничения полисемии и омонимии, прежде всего в лексикографии.

Исходя из вышеизложенного мы рассматриваем лексико-семантический способ словообразования как образование нового слова, новой материальной лексической единицы путем семантического расщепления производного слова на омонимы, при замене нового значения другим, при переходе лексемы в лексико-грамматический разряд внутри одной части речи (в этом — отличие данного способа производства новых слов от конверсии). В связи с этим возможно принять следующее определение омонимов: омонимы — это слова одинакового звучания, не связанные на данном историческом этапе какими-либо семантическими отношениями, что выражается в отсутствии у них общего семантического компонента и в невозможности объяснения одного слова через другое.

Агглютинативность бурятского языка позволяет использовать богатый арсенал послекорневых аффиксов для производства бесчисленного количества новых слов, не прибегая к полисемии и омонимии. Но лексико-семантический способ образования слов в бурятском языке являлся достаточно продуктивным. Существует мнение, что одним из факторов «разви-

тия этого словообразовательного способа являются ограниченность материальных средств выражения языка и неисчерпаемость элементов окружающего мира» [Хинхаева, 2006: 70].

По нашему мнению, семантический способ деривации, напротив, доказывает богатство и многогранность бурятского слова, его неисчерпаемость и глубину. Умение же увидеть и подметить в двух разных предметах общее, установить связь между разными явлениями свидетельствует об ассоциативном, образном мышлении носителей языка. Достаточное количество однокорневых производящих в бурятском языке свидетельствует не только об исконности этих слов, но является еще одним доказательством образности и глубины бурятского языка: многозначность исконных слов свидетельствует о богатстве нашего языка.

Настоящий способ словообразования, к сожалению, в данное время не востребован, активное использование системы лексико-семантического словообразования не наблюдается.

2.3 Фоносемантический способ словообразования

В параграфе дается обзор мнений по так называемому фонетическому способу образования, под которым понимается образование слова при помощи чередования звуков: чередование гласных переднего и заднего рядов внутри корня, чередование согласных внутри корня [Владимирцов, 1929; Бертагаев 1948; Дондуков, 1970, 1993; Андреева, 1998; Хинхаева 2006]. По месту чередования различают чередования в корневых и некорневых морфемах. Также суть фонетического способа понимается как фонетическая филиация, фонетическое расщепление слов путем чередования звуков. Более того, утверждается, что в монгольских языках образование слов путем замены звуков было продуктивным в ранний период развития языка; этот способ предшествовал аффиксации и сингармонии в монгольском языке [Дондуков, 1993: 14].

Одним из первых функционально-семантическую роль фонем при образовании слов в письменном языке отметил Б. Я. Владимирцов, указав на чередование гласных заднего и переднего ряда при различении рода в наименовании лиц. «Существует довольно значительное количество слов, которые с фонетической точки зрения отличаются друг от друга тем, что принадлежат к заднему — гуттуральному ряду, а другие — к переднему-палатальному, сохраняя по большей части одно и то же значение, или же семантически они оказываются очень близкими <...>, иногда слово гуттурального ряда обозначает мужской род, а слово палатального ряда — женский» [Владимирцов, 1929: 126–127]. По мнению Т. А. Бертагаева, образование слов в монгольских языках происходит не только путем чередования гласных заднего и переднего рядов, оно свойственно и гласным одного ряда, а также согласным. Далее высказывается предположение, что фонематическое чередование первоначально возникло как признак дифференциации по социальной значимости: *аха* `старший брат, старший вообще`, *эхэ* `мать`; *ахаши* `старшие вообще`, *эгэшэ* `старшая сестра, старшие по годам женщины` [Бертагаев, 1974: 169–170]. «У халхасцев при разговоре со старшими, чтобы подчеркнуть своё почтительное отношение, принято говорить «джаа, джээ» `ладно, хорошо, да`; к младшим или равным обращаются в его озвонченной свистящей разновидности «дзаа, дзээ». Это почтительное обращение к старшим связано не только с возрастным старшинством, но в условиях феодального общества — с социальным» [Бертагаев, 1948: 190], т. е. случаи замены звуков интерпретируются как средства деления слов по социальной значимости, стилистической окраске.

И. О. Хинхаева, исследуя данное явление в монгольском языке, пишет: «Процесс фонетической филиации протекал на фоне нестабильности фонетической нормы, которая была сильна в предшествующий период и была особенно заметна на вокализме непервых слогов слов в разговорной речи. Импульсом к фонетическому расщеплению слов и установлению более стабильной фонетической нормы стала необходимость уточнения

нечётких и смешанных понятий. Результатом этого процесса стало появление слов-вариантов, могущих замещать друг друга в любом контексте и слов-дериватов, среди которых есть слова, варьированные в стилистическом плане, например, разг. *гэц* и лит. *хэц* `бубен`; *мэндлэх* `рождаться (о людях)` и *мөндлөх* `приносить потомство (о животных)`, и слова со смысловой дифференциацией» [Хинхаева, 2006: 116].

На наш взгляд, в этих примерах продемонстрировано не чередование звуков, ведь чередование звуков возникает при определенных фонетических условиях, в какой-либо позиции, чередование звуков — это всегда результат каких-то фонетических процессов. В данном случае налицо фонемная дистрибуция, которая, возможно, определяет способ обозначения реалий внеязыковой действительности, основанный на использовании определенных структурных организаций. Все это ставит под сомнение положение о фонетическом способе словообразования как о способе, демонстрирующем в качестве словообразовательного средства чередование фонем. К некоторым морфонологическим явлениям и контаминационному способу словообразования, необоснованно отнесенным к фонетическому способу словообразования, мы обратимся далее.

Итак, данные слова не связаны между собой деривационно, но понятие *фонематические дериваты* (термин Т. А. Бертагаева) как нельзя лучше показывает суть процесса образования слова на основании функциональной значимости или значения, вкладываемого носителями языка в используемый звук. Думается, способ образования слов типа *балхагар*, *шалхагар*, *далхагар*, *палхагар* и *бомбогор*, *бөмбөгөр*, *бамбагар*, *бэмбэгэр* можно объяснить с точки зрения фоносемантики, в концепции которой звук является знаком и обладает значением, которое носит коннотативный характер. Фоносемантика — один из развивающихся разделов лингвистики. Современные исследования в этой области опровергают точку зрения о том, что звук не имеет смысла, значения. Странники фоносемантического направления считают, что наряду с цветовой характеристикой, «звуковым почерком» важным компонентом фонетического значения яв-

ляются семантико-коннотативные признаки звуков. На наш взгляд, способ образования слов типа *эмэ*, *эрэ* следует именовать как фоносемантический. Как отмечает Е. В. Сундуева, при помощи согласных [г] и [т] в монгольских языках «реализуется диада «мужской (эр) — женский (эм)», представляющая собой фундаментальную оппозиционную пару, которая занимает важное место в ряду представлений, отображающих модель мира» [Сундуева, 2011: 8]: *эрэ* `мужчина` — *эмэ* `женщина`. Более того, данные фонемы «формируют такие базовые оппозиции, как «громкий — тихий», «острый — круглый», «яркий — тусклый», «кислый — сладкий», «шершавый — пушистый», «твердый — мягкий», «грубый — нежный» [там же].

В составе ряда производных слов, образованных фоносемантическим способом, встречаются разные оппозиции, например, оппозиция твердоядных и мягкорядных гласных, позиция твердости и мягкости, которые при этом выполняют смысловозначительную функцию. Словообразование слов типа *эмэ*, *эрэ* базируется на универсальном символизме, присущем определенным фонемам [Шагдаров, 1962; Сундуева, 2011], но деривационных связей между этой парой слов не наблюдается.

Так, например, с фонемой [а] и другими заднеязычными ассоциируется представление о чём-то или ком-то лохматом, распротёртом, грубом, большом; с [э] и другими переднеязычными — представление о меньшей распротёртости, лёгкости; [о] связана с промежуточным по окраске образом; [е] и [у] в меньшей степени информативны, а [у] и [и] нейтральны. [А] связана, кроме того, с передачей женского начала, как и [м]: *бамбагар* // *бэмбэгэр* // *бомбогор* // *бөмбөгөр*; *арбайх* «быть распротёртым, плоским, торчащим в разные стороны» // *орбойх* «быть раскидисто-приподнятым и в то же время собранно-выпуклым». Фонема [д] передаёт представление о чём-то твёрдом и негибком, [т] — о сравнительно мягком и гибком [Бертагаев, 1974].

Эту же закономерность отмечает и Л. Д. Шагдаров: «...слова, включающие в свой состав гласные твёрдого ряда, обозначают что-то значительное, большое по размеру, тогда как слова с гласными мягкого ряда — слабое, малое» [Шагдаров,

1962: 112]. Далее в работе отмечается ещё одна закономерность в образовании изобразительных слов бурятского языка: «слова, в которых чередуются только начальные согласные или согласные в середине слова, более близкие по значению, чем слова, имеющие одинаковый состав согласных, но отличающиеся гласными первых слогов: если первые употребляются для обозначения свойств одних и тех же предметов, то вторые, создавая свой, собственный ряд, могут характеризовать разные предметы действительности» [Шагдаров, 1962: 112].

И действительно, как подтверждают вышеприведённые примеры, слова, в которых чередуются начальные согласные (*балхагар*, *шалхагар*, *далхагар*, *палхагар*), употребляются для обозначения рыхлости, пухлости, обрюзглости человеческого тела, тогда как слова, в которых чередуются гласные звуки, характеризуют различные предметы: *балхагар* `пухлое` (только о теле), *булхагар* (о щёках или предметах, напоминающих щёки), *болхогор* (вздутые, шишкообразные, мягкие предметы), *билхагар* («расплывающиеся», «студенистые»), *булхэгэр* («с пухлыми веками», надутые предметы) [Андреева, 1998:126]. В работе И. О. Хинхаевой приводится пример: *бомбогор* `пухленький, круглый, полненький` // *бөмбөгөр* `круглый, выпуклый, куполообразный` // *бамбагар* `толстый, мягкий, рыхлый` // *бэмбэгэр* `что-то пухленько-воздушное, лёгкое, слегка приподнятое и сжатое` (например, *бомбогор хацар*, *бөмбөгөр араг*, *бэмбэгэр туулай*); *бантагар* `толстый, пухлый` // *мантагар* `широколицый, крепкий`; *айдах* `быть слишком коротким` // *оойдох* `быть куцым`; *ангархай* `открытый` // *онгорхой* `отверстие`.

В этом же русле Е. В. Сундуевой проведено фоносемантическое исследование лексем с корневыми согласными [г / т] в монгольских языках [Сундуева, 2011].

Попробуем проиллюстрировать коннотативную семантику фонем [γ] и [o] на примере дериватов гнезда, где вершиной являются основы *шоб-* и *шүб-*, образованные фоносемантическим способом. Например, от основы *шоб-* образованы производные со следующими значениями: *шобхо* 1) остроконечный; *шобогор* `1. 1) конусообразный, остроконечный` (например, пик; 2) сдав-

ленный (о голове); 2. в знач. холм(ик), возвышенность, небольшая вершина; шишка на чем-л. `; *шобойхо* `быть (или становиться) остроконечным; торчать, выдаваться`. Видимо, основа *шуб*-ассоциируется с представлением о большей заостренности, чем *шоб*, ведь именно от неё образованы дериваты: *шубгэ* `1. 1) шило; 2) парн. к *хутага* `нож; 3) *зап.* вилка; 2. *атр.* как шило`; *шубэгэр* `острый`; *шубгэдэхэ* `прокалывать шилом`. На примере дериватов данных гнезд четко видна дифференциация фонем [ү] и [о], имеющих свое коннотативное значение.

Невозможно представить, что какая-то из этих основ, *шоб*-или *шуб*-, является мотивирующей основой, а другая — мотивированной. Не ясно, что является в данном случае словообразовательным средством, какое словообразовательное значение имеет производное слово, если мы выясним, что какое-то из них производное. Предполагаем, что в основе образования данных дериватов лежит коннотативная семантика звука, но эта пара не связана деривационными связями. Поэтому речь об образовании слов путем замены звуков (или чередовании фонем) или филиации фонем, конечно, не идет.

Что касается образования монгольских слов типа *сара* `месяц` и *саран* `луна` (в бурятском *hara* и *haran*), *үндэсэ* `нация` и *үндэсэн* `корень` (в бурятском *үндэнэ* и *үндэнэн*) и т. д., приводимых Т. А. Бертагаевым в качестве примера неустойчивости фонетической нормы, то оно связывается с «отсечением» конечного «н». На наш взгляд, в данном случае при образовании слова используется операционный способ — сокращение, а фонетический способ словообразования здесь ни при чем. Далее, закрепление заднего «у» в западных говорах в противоположность заднему «о» в восточных говорах, стабилизация палатализованного «х» вместо палатализованных «с» и «т» и др. в эхирит-булагатском говоре [Бертагаев, 1948: 120], о которых пишет Т. А. Бертагаев, связано именно с расщеплением (филиацией) многозначного слова, подкрепленного звуковыми вариациями диалектных говоров бурятского языка.

В связи с данными примерами нам кажется, что нужно говорить о системных связях лексической парадигматики и фоно-

семантики. В основе парадигматических отношений в лексикологии лежат сходства и различия лексического значения слов. Слова объединяются в парадигмы на основе интегральных семантических признаков и разграничиваются семантическими дифференциальными признаками. Тот факт, что звук обладает значением, позволяет предположить, что лексическая парадигматика строится не только на семных взаимодействиях, но и на фоносемантических. В частности, синонимическая пара — это объединение слов с тождественными или близкими лексическим и фоносемантическим значениями, тут явно прослеживается четкая тенденция к взаимосвязи лексического и фоносемантического значений. Например, в словах *гадаа* и *газаа* `вне, снаружи (дома), на улице, на воле, под открытым небом, наружу, на улицу` обнаруживается семантическое тождество или близость, т. е. перед нами варианты одного слова. Кстати, в БРС в словарной статье *гадаа* приводится помета см. *газаа* [БРС, 2006: 187]. По мнению Т. А. Бертагаева, «виновата» в данном случае неустойчивость фонетической нормы, вызванная неразличением в некоторых говорах звуков [з] и [д], как, например, в словах *досоо* и *зосоо* `внутри`. То же самое касается заднеязычных [х] и [г], переднеязычных зубных [т] и [д]. Думается, что в данном случае речь идет именно о семантическом расщеплении многозначного слова, спровоцированного неразличением в некоторых говорах звуков [з] и [д] и др. В остальных дериватах гнезда, к каковым относятся данные слова, уже чувствуется разница в оттенках значения, которая усиливается с рождением новых дериватов: *гадар* `внешний покров, наружная сторона, верх чего-л.; зоол. панцирь` // *газар* `1. земля, почва, грунт`; 2) `земля, мир, пространство`. Данное явление подтверждает предположение о семантической филиации слова, по мнению Т. А. Бертагаева, тесно связанной с расщеплением звуков.

В современном литературном бурятском языке были попытки искусственного образования дериватов посредством фонетического изменения слова. По мнению У. Ж.-Ш. Дондукова, слова типа *урадхал* `течение, поток, ток` и *урасхал перен.* `течение` (политический термин) образованы фонетическим спосо-

бом, при образовании деривата предпринята фонетическо-семантическая дифференциация понятий [Дондуков, 1970: 17]. На самом деле в данном случае использованы бурятский и старомонгольский варианты данного слова, благодаря которому появились варианты одного слова *урадхаха* и *урасхаха* 'течь', от которых и образовались отглагольные существительные *урадхал* и *урасхал*, на это указывал Ц. Б. Цыдендамбаев. Далее проведена преднамеренная фонетическо-семантическая дифференциация понятий. Данный способ по своей сути являлся искусственным и использовался при образовании терминов политического, научно-технического содержания. Оба образовавшихся слова (с прежним и измененным фонетическим обликом) существуют в языке самостоятельно [Дондуков, 1970: 17].

Подтверждение или опровержение данных выводов можно получить только при дальнейшем исследовании проблемы звуко-символизма, семантико-коннотативных признаков бурятских звуков, свидетельства использования данных признаков в качестве словообразовательного средства.

Таким образом, выявление взаимодействия фоносемантики и лексической парадигматики открывает путь для дальнейшего изучения данного взаимодействия на примере других лексических парадигм (например, тематической, гиперо-гипонимической), для системного рассмотрения языковых явлений. Подобный подход открывает широкие перспективы для изысканий не только в области лексической семантики, фоносемантики, но и словообразования монгольских языков: определению продуктивных словообразовательных моделей, словообразовательных типов как в диахроническом, так и в синхроническом аспекте.

2.4 Словообразование на синтаксической основе

В данном параграфе речь пойдет о сложных словах, образованных от производящего — словосочетания (составного наименования). Образование таких сложных слов, безусловно, связано с интегрирующей сущностью словообразовательного

яруса бурятского языка, ведь аналитический характер языка уже подразумевает связь с синтаксисом.

Так, исходной базой многих типов производных слов являются словосочетания. Важным, однако, является не столько факт мотивированности производных слов теми или иными типами синтаксических единиц, а изоморфизм языкового выражения структуры производного слова и синтаксической структуры словосочетания или предложения. Указывая на формы соотношений и отношений между словом и предложением, В. В. Виноградов подчеркивает, что в структуре слова смысловые элементы соотносятся, сочетаются друг с другом по строго определенным законам и примыкают друг к другу в строго определенной последовательности. А это значит, что слово, состоящее не из одного корневого элемента, а из нескольких морфем, «есть кристаллизация предложения или какого-то отрывка предложения» [Виноградов, 1972: 15].

Подобно предложению, производное слово обладает свойством расчлененного представления об элементах окружающего мира, чем уподобляется предложению. Если полагать, что «за каждым названием, номинативным знаком в собственном смысле слова стоит понятие, а понятие, как известно, формируется на основе совокупности суждений о предмете.., следует признать, что за каждым словесным мотивированным наименованием — производным — стоит такая цепь суждений, одно из которых обязательно содержит в форме слова коррелят будущей производящей основы» [Кубрякова, 1977: 227]. Конструктивный (модельный) характер производного слова, сам процесс формирования в номинативном акте определенной ономаσιологической структуры определяет соотносительность этой структуры с синтаксической единицей (обычно предикативного типа строения). Если структуру слова *тэмсэгшэ* `борец` представить в терминах ономаσιологической интерпретации, введенных М. Докулилом, то основными ее элементами будут: ономаσιологический базис (суффикс *-гшэ-*, указывающий на классную и категориальную принадлежность нового наименования), ономаσιологический признак (производящая основа *тэмсэ-* `бороться за что-л.`,

уточняющая категориальную и характеризующая лексическую сущность нового имени) и ономаσιологический предикат, соединяющий базис и признак в единую содержательную структуру. Синтаксической интерпретантой этой ономаσιологической структуры является предикативное выражение: «лицо, которое борется во имя защиты, осуществления чего-л.».

Дериваты, образованные от производящих — словосочетаний, образуются при помощи дериваторов двух видов: аффиксального и операционного. Наиболее частотной является первая разновидность, когда от глагольных конструкций [Бальжинимаева, 2011] при помощи аффикса образуется семантически цельнооформленное слово с несколькими компонентами: *худа орохо* → *худа оролго* `сватовство`.

Вторая разновидность связана с образованием сложных существительных при помощи операционного способа образования. Бурятский язык характеризуется наличием производных слов, когда функцию ономаσιологического базиса выполняет слово. Производящее как будто застывает в своей первоначальной форме. Проблема образования цельнооформленных слов как специфического способа образования на основе составных наименований, внешне схожих со своими мотиваторами, до сих пор остается спорной и дискуссионной. Одной из основных проблем словообразования является проблема разграничения словосочетания и сложного слова, многие исследователи не относят сложные слова, образованные на основе словосочетаний, к словам и не выделяют такую разновидность образования слов.

Е. А. Кузьменков, рассматривая сходные черты синтаксиса и морфологии в монгольских языках, обозначает это явление функционально-семантическим изоморфизмом, под которым понимает общие черты в последовательности словоформ в предложении и последовательности морфем в словоформе. По его мнению, семантический изоморфизм пронизывает всю структуру монгольского текста и сближает синтаксический уровень с морфологическим, а если точнее, структуру уровня предложений со структурой низших знаковых уровней, словоформ и морфем. Для иллюстрации факта преобладания последующего

члена предложения над предыдущим используется метафорическое образное выражение: «слуга всегда предшествует хозяину», которое применимо и для выражения отношений между компонентами образованного сложного слова. Также как в предложении, где царит строгий порядок слов, в словоформе корневая морфема и следующие за ней аффиксы расположены строго по рангу: непосредственно к корню присоединяются аффиксы с более конкретным значением — словообразовательные, а за ними с более абстрактным — словоизменятельные [Кузьменков, 2004: 47].

Для обозначения каких-то объектов реального мира обычно используются не столько новые слова, сколько усложненные формы лексики, т. е. в бурятском языке существует способ номинативной деривации, когда образуется составное сложное слово на основе словосочетаний из имеющихся в языке слов: *гүйдэлиэ морин* `беговая лошадь, скакун`. Данные единицы представляют собой объединение слов, которым присуще смысловое и структурно-грамматическое единство, что позволяет приравнивать его к слову. Такие номинации условно можно разделить по виду отношений между компонентами на *подчинительные* и *определительные*, среди них наиболее частотны определительные (атрибутивные). Мотиватором для аффиксальных образований на базе словосочетаний являются чаще подчинительные словосочетания.

Более подробно остановимся на объединении компонентов определительных словосочетаний (атрибутивных). Атрибутивные сочетания образуют устойчивые формы номинации, обладающие краткостью и семантическим единством, наиболее частотны двусловные составные наименования.

В качестве определения могут выступать прилагательные и конверсивы. Среди них самыми распространенными являются сочетания прилагательного с существительным. В структуре составного наименования прилагательное выделяет или подчеркивает одно какое-либо свойство-качество, которое приписывается слову с предметным значением. Этим, видимо, объясняется то, что прилагательные весьма активны в сфере образования

сложносоставных слов: *жороо морин* `иноходец`, *морин косилка* `конная косилка`, *морин хамуур* `конное пихло`, *морин тармуур* `конные грабли`. Данный способ опирается на имеющиеся слова, придает им более узкое значение: в деривате *гүйдэлиэ морин* `беговая лошадь, скакун` определение *гүйдэлиэ* включает лексему *морин* в лексико-семантические отношения, уточняет объем выражаемого понятия: это не просто *лошадь*, а именно *скакун*. Общеупотребительное слово в определенном типе речи обретает иную предметную отнесенность, и это находит свое выражение в характере лексической сочетаемости. Процесс образования таких дериватов по времени продолжителен, поэтому, безусловно, эта разновидность данного способа образования слов относится к диахронии. При образовании слов этого типа преобладают словосочетания с определением, конкретизирующим значение определяемого «от рода к виду»: *үхэр хулгана* `крыса, букв. бык-мышь`; «принадлежность»: *ахын морин* `конь старшего брата` — уточняется, какой именно или чей) и т. д. При этом происходит переход от более абстрактной семантики к более конкретной.

В составе словосочетания прилагательное подчеркивает производственное назначение обозначаемого (*сэрэгэй-промышленна комплекс* `военно-промышленный комплекс`, *тулишэ-элишын комплекс* `топливно-энергетический комплекс`, *мал ажалай комплекс* `животноводческий комплекс`), дифференцирует изделия (*булган малгай* `соболья шапка`, *ондатра малгай* `ондатровая шапка`, *туулайн архан малгай* `кроличья шапка`; *булган зах* `соболий воротник`, *сагаан үнэгэн малгай* `песцовая шапка`) и т. д.

Сложносоставные слова — это лексически делимое сочетание слов, но значения слов в структуре сложного слова, образованного на основе лексикализованного словосочетания, не всегда тождественны значениям в свободном употреблении. Многие слова, имеющие в современном языке свободные номинативные значения, используются в составе наименований в значениях несвободных, переносных. В отдельных специальных областях составные наименования могут быть основаны на

переносном употреблении сочетания в целом: *нохойн хоншоор* 'шиповник', *хонин зангуу* 'незабудка' — народные названия растений.

Слова данного типа необходимы для детализации и классификации понятий. Лексическое единство составного наименования формируется на базе слов, имеющих номинативные свободные значения (*сагаан баабгай* 'белый медведь', *хара баабгай* 'бурый медведь', *эрэ баабгай* 'взрослый медведь-самец', *үлэгшэн* (или *эмэ*) *баабгай* 'окин. медведица', *шара баабгай* 'закам. медведица в возрасте старше четырех лет'. Слова в структуре составного деривата сохраняют значения, присущие им в свободном употреблении, порядок слов в деривате не допускают свободы перемещения, характерной чертой слов этого типа является стабильность его составляющих. Данные признаки являются, с одной стороны, средством формирования нового понятия, с другой стороны, средством закрепления этого понятия как элемента определенной системы знания.

Составные наименования характерны для самых различных терминологий — математической, биологической, физической, лингвистической и т. п. Так, со словом *хэлэн* 'язык, речь' в лингвистике имеются термины — составные наименования: *түрэлхи хэлэн* 'родной язык', *бэшэгэй хэлэн* 'письменный язык', *бураад хэлэн* 'бурятский язык и т. п.

Что касается другой разновидности сложных слов, образованных объединением конверсива — прилагательного и существительного, Т. А. Бертагаев относит данный вид образования слов к примыкающему словосложению. Примыкающее словосложение — это сочетание слов, сближенных в одно целое единством значения, не допускающего дистантного употребления. Значение может быть односторонне смещенным, когда наименование одного предмета переключается в состав общеродового или общевидового наименования другого предмета (*хонх цэцэг* 'колокольчик — цветок', *бух тэрэг* 'локомотив') [Бертагаев, 1974: 240].

Способность прилагательного (адъективированного существительного) к слиянию в одно смысловое целое с определяе-

мым существительным — выражение системно обусловленного явления в бурятском языке, и это свойство слов используется для деривации с древнейших времен (подр. в параграфе «Конверсия»). Прилагательное (адъективированное существительное, стоящее в препозиции перед определяемым) является семантически опорным словом сочетания, так как несет в себе признак, специфический для данного составного наименования: *буруу баабгай* `медвежонок до года, *досл.* годовалый теленок + медведь`, *тугал баабгай* `медвежонок до шести месяцев, *досл.* теленок + медведь`, *хашараг баабгай* `медвежонок до двух лет, *пестун, досл.* двухгодовалый бычок + медведь` и т. п.

Закономерности в образовании сложносоставных слов вытекают из связи различных частей всей системы в целом, так как «взаимосвязь и взаимообусловленность — это наиболее общая и главная черта закономерности и закона» [Виноградов, 1952: 6]. В бурятском языке часто понятия не укладываются в семантические рамки одного слова (безусловно, данная особенность связана с аналитическим строем языка), и для определения того или иного понятия необходимо указать еще и дополнительные, дифференциальные признаки, выделяющие данный термин из системы ему подобных. В процессе номинации такого понятия может возникать слово на основе словосочетания, образуемое путем распространения одного слова другим, в результате чего получается сложносоставное наименование. При семантизации оно обретает признаки, свойственные номинативной единице языка — слову: статичность, воспроизводимость, синонимическая валентность, антонимическая соотнесенность, неразрывность структуры.

2.5 Контаминация как способ словообразования

Наряду с другими безаффиксными способами словообразования эффективным способом образования слов бурятского языка выступает контаминация (или так называемая телескопия) лексических единиц. На развитие и изменение значения слова,

в результате которого появляется та или иная номинация, влияют внеязыковые факторы: появление в жизни общества нового денотата — предмета или понятия, стремление придать какому-либо наименованию большую образность (экспрессивная потребность), не стоит забывать и о принципе экономии. Экономичность, являясь одним из существенных свойств языка, вынуждает его избегать количественного приращения единиц плана выражения и обращает номинативную деятельность в русло вторичной номинации — ведет к переосмыслению уже имеющихся в языке номинативных средств. В бурятском языке суть контаминации и смежных с ней вопросов еще не раскрыта до конца, об этом свидетельствуют такие факты, как, например, терминологический разнобой не только в плане обозначения самого явления контаминации, но также и в отношении названия производных образований, возникающих в результате ее действия, равно как и отсутствие единства взглядов относительно временных границ ее появления и функционирования в том или ином языке.

Контаминация относится к аббревиации. Аббревиация — это способ образования новых слов путем сокращения основы или сложения сокращенных основ. Специфика аббревиации состоит в том, что по фономорфологической структуре производное слово является новой лингвистической единицей, в лексико-семантическом плане оно не получает нового лексического значения, а лишь повторяет значение исходного слова или сочетания слов. Слова образуются при помощи дериватора операционного типа — сокращение основ. По используемому словообразовательному средству этот способ отличается от других, и на этом основании относится нами к самостоятельным способам образования слов.

Результаты исследований, полученные разными авторами в области контаминированных образований, показывают, что контаминация (телескопия) является одним из самых древних способов образования слов и одним из сравнительно менее изученных до настоящего времени.

Так, например, контаминация действует в языке по уже установившимся моделям, преследует определенную цель и представляет собой вполне сознательный процесс. Безусловно, телескопия имеет право на самостоятельное существование и в этом можно вполне согласиться с В. М. Лейчиком, подчеркнувшим, что телескопные слова образуются по исконно присущим языку словообразовательным закономерностям, и что в конечном итоге телескопные слова представляют собой «вполне самостоятельный словообразовательный тип» [Лейчик, 173].

Следовательно, для того чтобы выявить и определить действительную лингвистическую природу контаминации, необходим комплексный подход на фоне сравнения и изучения ее с другими «родственными» языковыми феноменами, с которыми у нее есть как общие черты, так и существенные различия лингвистического характера.

При контаминации две синонимические или в чем-либо родственные формы выражения мысли возникают в сознании рядом друг с другом, так что ни одна из них не реализуется в чистом виде, а вместо этого возникает новая форма, в которой элементы одной формы смешиваются с элементами другой. При образовании контаминированных слов сознательно используется существующая в языке объективная словообразовательная закономерность — аналогия, играющая большую роль в процессе развития языка и в особенности в словопроизводстве

Данное явление в монгольских языках впервые было замечено Б. Я. Владимирцовым, который отмечал, что появление сложных слов в монгольском языке является результатом сокращения слогов: *алтаргана* (раст.) `золотарник` произошло от словосочетания *алтан харгана*, что дословно переводится как `золотой кустарник`, *сагаалса* «мишень» от *сагаан заласа* `белое направление` [Владимирцов, 1929: 127]. Как мы выше указывали, Т. А. Бертагаев выделял отдельно осново- и словосложение, при этом осново-сложение (или сращение) он подразделял на два подтипа: одностороннее и двустороннее. Таким образом, контаминацию он относил к двустороннему подтипу, когда компоненты входят в сращенную единицу в виде частичных, дробных

основ (*дуугай* `тихий` от словосочетания *дуу үгүй*) [Бертагаев, 1974: 240]. Как отмечает У.-Ж. Ш. Дондуков, данные виды словообразования «широко использовались в старописьменном монгольском языке при создании названий птиц, животных и растений из определительных словосочетаний» [Дондуков 1993: 17].

В монгольском языкознании контаминация как способ словообразования впервые, как отмечает С. В. Андреева [Андреева, 1998: 126], был исследован Л. Лувсандэндэвом, Ж. Вандуйем, Б. Содномом при составлении толковых словарей [Вандуй, 1965, 1970]. В связи с этим, У.-Ж. Ш. Дондуков отмечает, что в словаре «Монгол-орос толь» [Лувсандэндэв, 1957] канонизирована лексема *авчрах* `приносить, привозить, приводить`, которая образована из словосочетания *аважу ирэх* `букв, взяв прийти`.

В бурятоведении существуют разные точки зрения на природу данного явления. По одной из них, этот вид словообразования относят к операционному способу словообразования — сращению как частному виду сложения, связанному «со звуковыми процессами при сращении самостоятельных слов с обязательным действием закона сингармонизма. Словосочетание, лексикализуясь, утрачивает свою внутреннюю форму и воспринимается как единое фонетическое целое» [Никифорова, 2008]. Фонетические границы его компонентов при этом размываются полностью, происходит фонетическое стяжение составных компонентов, и словосочетание начинает восприниматься и осознаваться в языке как отдельное самостоятельное слово со своей звуковой оболочкой и своим терминологическим содержанием: *мүнөөдэр* `сегодня` от *мүнөө* `этот` и *үдэр* `день`.

Согласно другой точке зрения, указанный способ словообразования относят к разновидности фонетического способа [Дондуков, 1993; Хинхаева, 2006; Андреева, 1998]. «Из фонетических процессов, имеющих место при словообразовании в монгольском языке, следует отметить также фонетические законы гаплогии (выпадение звуков внутри слова) и синкопы (опущение одного из двух одинаковых соседних слогов вследствие диссимиляции)» [Хинхаева, 2006: 120–121]. В качестве примера наряду с дериватами, образованными посредством контамина-

ции, приводится пример образования лексемы *тайлан* 'отчёт' от *тайла* 'развязывать', плюс аффикс *-лан*, которая образовано по аналогии с *зоболон* 'мучение, мука' от *зобо-* 'мучиться', где по закону гаплогонии выпал один из одинаковых слогов *-ла-*. Думается, в данном случае речь идет об аффиксальном словообразовании при морфонологическом явлении на морфемном шве — наложении. Судя по примерам, данная точка зрения связана с неразличением словообразовательных процессов и морфонологических явлений, сопутствующих словопроизводству. В основе неразличения морфонологического явления *наложение* и словообразовательного средства — сложение усеченных частей слов — лежит принцип «экономии» произносительных средств, приводящий к эволюции структуры слогов, и аффиксальных морфем в том числе. Что касается примеров с глаголами *яба-ша-ха* (от *ябажа ошохо*), *мордохо* (от *мориндо нууха*), то как раз они и доказывают древний характер контаминационного словообразования.

Ш. Лувсанвандан [Лувсанвандан, 1968] выделяет в монгольском языке аффиксы *-жай* (*-жой*, *-жэй*, *-жөй*, *-жээ*), образованные из сочетания соединительного деепричастия на *-жа* и вспомогательного глагола *бай-*, *байна* 'быть', например: *сууж байна* → *суужай*, *хэлжэ байна* → *хэлжэй*, *тоолож байна* → *тоолжайна* и т. д. Данные суффиксы выделяются и в бурятском языке. Более того, существует мнение, что, благодаря этому способу появились и другие суффиксы: от *ябажа ошохо* — *ябашаха* (*-ша*), *эдижэ орхихо* — *эдижэрхихэ* (*-рхи*), *хараад ерэхэ* — *хараадирхэ* (*-ир*) и т. д. [Егодурова, 2003: 36]. В основе образования лексем с видовыми значениями также лежит контаминация, например, *мэдэжэрхи* 'узнать', *унишажархи* 'прочсть' и т. д., которые соответственно образованы из соединительной деепричастной формы на *-жа*: *мэдэжэ*, *унишажэ* и модальной вспомогательной формы глагола *орхи* 'оставить', где аффикс *-жа* и модальное вспомогательное слово *орхи* в конце концов сформировали показатель окончательного вида глагола в бурятском языке в виде сложносоставного аффикса *-жархи*. Таким же образом образовались глагольные словообразовательные аффиксы: *-рха* и т. д. [Дондуков, 1993: 18]. В бурятском языке этот

процесс распространялся и на образование наречных слов разговорного стиля, о чем свидетельствует наличие многих новообразований в разговорной речи: *энишаа* `сюда, в эту сторону` от *энэ* `это` и *тушаа* `у, возле` (тунк.).

Словообразовательная функция — это один из основных движущих факторов контаминации (телескопии), который и позволяет рассматривать ее в виде отдельного способа в системе словопроизводства. Между тем телескопия является своеобразным способом словообразования, при этом производящим является словосочетание, словообразовательным средством — операция сложения (частный случай аббревиации) при морфологическом явлении — усечении. Е. А. Земская считает этот вид словообразования подвидом аббревиации [Земская, 2006: 287–288].

Производящим при контаминации в бурятском языке может быть:

а) определительное словосочетание: *алтан харгана* `букв. золотой кустарник` → *алтаргана* (бот.) `золотарник`, *сагаан заласа* `белое направление` → *сагаалса* `мишень` [Дондуков, 1993: 17]; от *мүнөө* `сейчас` и *үдэр* `день` → *мүнөөдэр* `сегодня`;

б) сочетание глагола + вспомогательный глагол: *эдижэ орхихо* — *эдижэ-рхи-хэ* `съесть`; *мартажа орхихо* → *мартажа-рхи-ха*; сочетание соединительного деепричастия на *-жа* + вспомогательный глагол *байна* `быть`, например: *һуужа байна* → *һуужайна*, *хэлэжэ байна* → *хэлэжэйн*, *тооложо байна* → *тооложайна* и т. д.;

в) предикативная конструкция существительное + глагол: *суранзан* `магнит` + модальный вспомогательный глагол *татаха* `тянуть` → *суранзатаха* `намагничивать`, *гашуун* `горький` + модальный вспомогательный глагол *орохо* `заходить` → *гашуурхаха* `находить что-либо кислым, горьким`.

При контаминационной деривации работают разнообразные способы соединения производящих основ в новом слове. По характеру сочетающихся составных частей контаминированные (телескопные) слова (контаминанты) можно подразделить, вслед

за А. П. Соколенко, на полные и частичные (или неполные) [Соколенко, 177].

1. К полным телескопным образованиям можно отнести слова, возникающие по структурным моделям, компоненты которых состоят:

а) из первой половины первого слова и второй половины второго слова, например: *алтаргана* (бот.) `золотарник` → *алтан харгана* `золотой кустарник`;

б) из начала и конца первого слова и второй половины второго слова: *мориндо нууха* — *мордохо*;

в) из начала и середины второго слова: *ябажа ошохо* → *ябашаха*;

2. К частичным (неполным) телескопным словам следует отнести лексические единицы, созданные по следующим структурным моделям, которые состоят:

а) из полной формы первого слова и второй половины второго слова: *алтан лянхуа* → *алтанхуа* `мак голостебельный`, *бадам лянхуа* → *бадамхуа* `лотос`, *уржа* `раньше` и *үдэр* `день` → *уржадэр* `позавчера, третьего дня`;

б) из полной формы первого слова и конца второго слова: *хэлэжэ байна* → *хэлэжэйнэ*.

Как видно из приведенных примеров, составные компоненты полных телескопных слов обязательно выступают в усеченном виде, в то время как в частичных телескопных образованиях один из компонентов сохраняет свою полную форму. Каждый из этих типов выражает структуру телескопного слова, в состав которого в качестве его составных компонентов входят слова, относящиеся к разным частям речи, подобно сложным словам. Однако в отличие от последних дериваты, образованные путем контаминации, не являются результатом простого сложения, когда каждый компонент может восприниматься как отдельное самостоятельное слово, а возникает вследствие сложных переплетений структурных и семантических отношений. Одни лишь структурные модели контаминированных слов могут показать, насколько сложен и многообразен словообразовательный механизм контаминации.

Думается, что структуры телескопных образований убеждают нас в том, что телескопия выступает в качестве самостоятельного способа словообразования. Трудность определения телескопных образований объясняется, с одной стороны, их морфолого-структурными особенностями, выступающими как результат сложного скрещивания морфем усекаемых компонентов контаминированных производных единиц (*мориндо нууха* — *мордохо*). С другой, это скрещивание иногда осложняется проявлением в различной степени «вложения» одной морфемы в другую или их наложением, таким образом, без помощи морфологического анализа порой трудно обойтись.

Говоря о лексико-семантической значимости телескопных образований, следует отметить, что она зависит от исходного значения либо первого, либо второго составного компонента. Как правило, в бурятском языке доминирующим значением является значение первого компонента, которое усиливается за счет значения остальных компонентов. Часто эти значения наслаиваются друг на друга таким образом, что иногда трудно определить, какое из них является определяющим. В результате такого взаимодействия значений появляется одно качественно новое значение, которое включает в себя все остальные значения. Об этом свидетельствуют глагольные дериваты типа *омог орохо* → *омогорхохо* `гордиться, похвалиться`, *үлгэжэ орхихо* → *үлгэжэрхихэ* `подвесить`.

Следует сказать, что контаминация (телескопия) характерна не только для именного и глагольного словообразования, но и образования наречий: производящее *мүнөө* `сейчас` и *үдэр* `день` → *мүнөөдэр* `сегодня`, производящее *энэ* `это` и *үдэр* `день` → *эндэр* (диал.) `сегодня`, производящее *уржа* `раньше` и *үдэр* `день` → *уржадэр* `позавчера, третьего дня`.

Итак, рассмотрев контаминацию как один из способов словообразования, мы можем заключить, что телескопия — это создание новых форм путем слияния двух форм, которые возникают в сознании одновременно. Телескопные слова, образованные путем усечения корневых морфем и последующего их слияния, подобно словам, созданным с помощью других способов, лежат

в основе закономерностей словообразования и обуславливаются потребностями общения. Думается, указанный вид способа словообразования относится к диахроническому способу, поэтому продуктивность и активность его на данном конкретном этапе развития языка не наблюдаются.

2.5.1 Контаминация как способ образования геортонима *Сагаалган*

В данном параграфе рассмотрим контаминационный способ образования слов на материале названия новогоднего праздника по лунному календарю — *Сагаалган*. В последнее время это слово дается на русском языке в бурятском оформлении — *Сагаалган* [БРС, 2008: 133]. Первый день празднования Нового года по лунному календарю считается днем отдыха в Бурятии и имеет несколько наименований, наиболее популярными являются *Сагаан хара* `Белый месяц` и *Сагаалган* (или *Цагалган*).

Являются ли эти два наименования однокоренными дериватами или же это слова из разных словообразовательных гнезд? Данный вопрос обретает принципиальную значимость, так как связан с внутренней формой слова, с его мотивировочным признаком. Тем более в одно словообразовательное гнездо должны включаться только родственные по смыслу и структуре лексемы. В. И. Даль считал, что слова должны собираться в одно гнездо родственных слов по принципу «очевидного сродства» сообразно «живой жизни» и «естественной связи слов» без «ошибочной натяжки слов к чужому корню» [Даль, 1955: 21]. Таким образом, «очевидная» родственность слов — это смысловая близость, бесспорная для носителя языка, актуальная для его сознания и практики [Осадчий, 2009: 13].

Рассмотрим существующие интерпретации происхождения данных слов, три из которых приводятся в работе Н. Л. Жуковской [Жуковская, 2002]. Как отмечает Н. Л. Жуковская, согласно первой точке зрения, связанной с именами Д. Банзарова и Г. Н. Цыбикова, образование наименования *Сагаалган* (*Цагалган*) соотносится со словом *цагаа* `творог` [Жуковская, 2002: 5].

Г. Н. Цыбиков объяснял, что у народов с кочевым скотоводческим бытом новый годовой период начинался осенью, когда завершался годовой хозяйственный цикл. Начало нового цикла справляли осенью, в основном в дни осеннего равноденствия. Творога в это время было в изобилии. Сторонников данной трактовки немало, вследствие этого новогодний праздник по лунному календарю иногда называют *творожный новый год* или *творожный год*. Стоит согласиться с мнением Н. Л. Жуковской, что, безусловно, при праздновании Сагаалгана молочные продукты играют достаточно важную роль, но связывать название столь значительного явления праздничной культуры и хозяйственного календаря только с пищей — значит умалять его специфику и значение. На самом деле, означивание реалий в языке определено, в первую очередь, экстралингвистическими факторами, то есть в основу мотивировочного признака кладутся прототипические образы, причина возникновения которых лежит в образе жизни человека, в его деятельности и связанных с ними отношений. Авторы же данной версии трактуют название наименования исходя из внешнего сходства формы слова с формой другого слова.

В остальных двух трактовках мотивационный признак связан с прилагательным *сагаан* 'белый' [БРС, 2008: 134]. На наш взгляд, одна из них является менее обоснованной: первый месяц нового года по лунному календарю называется Белым месяцем потому, что это Новый год, который приходится на самые морозы, на середину зимы, когда все замечено, деревья в снегу, кругом белым-бело. «Однако если учесть, что монголы до 1267 года отмечали Новый год в сентябре и тогда именно сентябрь назывался Цагаан-саром (хотя снега в этом месяце, как правило, не бывает), несостоятельность этого объяснения становится очевидной», отмечает Н. Жуковская [Жуковская, 2002: 62]. Действительно, вряд ли слово *сагаан* в значении «белый» отражает историческую правду об этом празднике.

Традиционной и более точной, на взгляд Н. Л. Жуковской, является точка зрения, связанная с этностереотипным представлением о белом цвете. Новый год по лунному календарю — это

первый месяц года, начало весны, он не связан со снегом, холодом и морозами, название месяца *белый* следует переводить как «счастливым» или «священный». Приводимая Н. Л. Жуковской трактовка (со ссылкой на В. Н. Ключеву и Г. Р. Галданову) связана со стереотипом монгольских народов: «белый цвет — символ счастья и святости...» [Жуковская, 2002: 61].

При этом следует отметить в пользу последней версии, по которой *сагаалган* и *сагаан хара* — это однокоренные слова одного словообразовательного гнезда с вершиной *сагаан* `белый`, говорит один немаловажный факт: в названиях слов и выражений, связанных с празднованием нового года по лунному календарю, превалирующим является именно это прилагательное.

Например, празднование *Белого месяца* у бурят связано с *сагаан эдээн* `белая (молочная) пища`, поэтому Сагаалган встречали с *Сагаан эдээн табаг* `молочное блюдо` или *блюдо с молочной едой* [БРС, 2008: 134]. Название праздничного угощения осталось прежним, хотя туда входят не только молочные, но и мучные изделия (печенья, булочки), конфеты. Таким образом, в лексеме *сагаан* актуализировалась сема «новогоднее, праздничное». К однокоренным относятся лексемы *айлшад сагаалшад* `гости`, досл. «гости, приехавшие поздравить с Сагаалганом», угощая гостей, хозяева всегда приговаривают: «Сагаалагты», примерный смысл которого «отведайте праздничное угощение».

В последние годы на праздновании Сагаалгана появился еще один персонаж *Сагаан үбгэн* `Белый старец`. Безусловно, его появление связано с современным представлением о новогоднем празднике, где основным действующим лицом, хозяином праздника является Дед Мороз. Следует отметить, что в последнее время на волне привлечения туристов в нашу республику образ Белого Старца (как называют его журналисты, бурятский Дед Мороз) стал популярным. Его можно встретить на рекламных плакатах и на различных мероприятиях, связанных с *Сагаалганом* [dazan.spb.ru и др.].

Изначально *Сагаан үбгэн* — это «добрый старец — дух-покровитель; почитался во всех монголоязычных регионах как

шаманистами, так и буддистами» [БРС, 2008: 135], при этом в словарной статье указано «рел. *Цаган убугун*». *Сагаан үбгэн* — это хранитель жизни и долголетия, плодородия и благоденствия, мудрый покровитель людей и животных. Думается, что в названии духа-покровителя как раз и кроется сема «святой, священный», которая, по нашему мнению, не является основной в геор-тониме *Сагаалган*.

В связи с этим хотелось бы обратиться к еще одной точке зрения, требующей внимательного прочтения, она связана с другим названием новогоднего праздника по лунному календарю — *сагаалха*.

По мнению Пандидо хамбо-ламы Дамбы Бадмаевича Аюшеева (глава Буддийской традиционной сангхи России), праздник нового года по лунному календарю называется не *сагаалган*, а *сагаалха*, что значит «перешагнуть через время года или прожить это время» [из газетной статьи Дугаржаповой, 2012]. В словарной статье полисеманта *сагаалха* данное значение не указывается, но помимо других приводятся такие значения, как «праздновать цагалган» и «освящать» с пометой «устаревшее, шаманское» [БРС, 2008: 134].

Из сказанного выше естественным образом следует, что в слове *сагаалха* заложена фраза «Сагаа алхаха», дословный перевод означает «перешагнуть время», где *саг* `время, период` [БРС, 2008: 131], *алхаха* `шагать, ступать; перешагивать, переступать` [БРС, 2006: 56]. В соответствии с этой точкой зрения предложенное название *сагаалха* — контаминант, образованный контаминационным или телескопическим способом, когда соединяются начальная часть первого и конечная часть второго слова. Таким образом, контаминант *сагаалха* связан родственными связями не со словом *сагаан* `белый`, а со словом *саг* `время, период`.

Из этого наблюдения вытекает целый ряд дальнейших ожиданий, во-первых, в бурятском языке функционируют омонимы *сагаалха* `праздновать цагалган` и *сагаалха* `название новогоднего праздника по лунному календарю`, во-вторых, можно предположить, что *сагаалха* и *сагаалган* связаны родственными

связями: *сагаалган* образовано от *сагаалха* при помощи суффикса *-ган*. В отстаиваемом нами варианте не нарушена логика бурятского исторического словообразования, так как «в древнемонгольском языке модель словообразования с аффиксом *-ган* (*-гэн*, *-гон*) была продуктивна, о чем свидетельствует большое количество существительных, встречающихся ныне с данным суффиксом: *тарбаган* (сурок), *унаган* (жеребенок), *унэгэн* (лисица), *доргон* (барсук), но в современном бурятском, также как и в современном монгольском, она выпала из продуктивных словообразовательных средств языка» [Дондуков, 1964: 61].

Данная точка зрения, на наш взгляд, наиболее точно отражает деривационное развитие слова, также нам представляется важным выделение в слове *сагаалган* такого важного признака, как *цикличность*, *завершение какого-то периода*, *начало нового периода* (см. выше точку зрения Г. Н. Цыбикова). Вряд ли новый год для кочевых народов в своей основе имел значение *белый* как цвет молочных продуктов, снега или святости, скорее всего, *сагаалган* связан со значением цикличности. Представляется, что значение *цикличности* могло утратиться в исходящей лексеме или существенно измениться,

Следует отметить, что «одним из трудно преодолимых препятствий при реконструкции <...> генетической организации лексики является смешение, слияние этимологических гнезд, корни которых на определенном этапе исторического развития стали омонимами [Варбот, 2003: 62]. Одним из случаев такого рода является, как нам кажется, происхождение группы слов с корневыми морфемами *саг* `время` и *сагаан* `белый`. Имеющее место позднее совпадение значения прилагательного *сагаан* «белый» с празднованием нового года по лунному календарю и изначальная близость звучания, а позднее и смыслов лексем *саг* (*цаг*) время, *цагаа* творог и *сагаан* белый лежат в основе традиционных трактовок происхождения геортонима *Сагаалган*.

В нашем случае *сагаалган* и *сагаалха* — дериваты одного словообразовательного гнезда с вершиной *саг* `время` [БРС, 2008: 131]. Соответственно *Сагаан һара* и *Сагаалган* не являются однокоренными словами, так как их производящими являются

ся разные слова: лексема *сагаан һара* образована от *сагаан* 'белый' и связана со значением *цвета* и его коннотациями, а лексема *сагаалган* образована от *саг* 'время, период' и связана с понятием *времени, цикличности, периодичности*. Можно также допустить, что и *Сагаан һара* при более детальной реконструкции окажется *Сагын һара* или *Цагын сар* (досл. месяц, открывающий новое время), так как лексема *Сагаан һара* структурно близка *сагаалха, сагаалган*, да и семантическая близость данных слов достаточно явна.

Итак, последняя трактовка не связана с прилагательным *сагаан* 'белый' или *сагаан* «священный, святой», с существительным *цагаа* 'творог', но именно эта интерпретация многое объясняет. В основе названия новогоднего праздника у монгольских народов лежит сема «цикличность», так как празднование наступившего нового года связано с завершением какого-либо хозяйственного цикла: или же закончилась долгая зима и начинается пробуждение земли, или же отцвела летняя пора и пришла пора подготовки к зиме, зимним холодам. По всей вероятности, в основе наименования *сагаалха, сагаалган* лежит один мотивировочный признак — *саг* 'время', а слова, обозначающие составляющие праздника, типа *сагаан эдэе*, связаны с прилагательным *сагаан* 'белый'. Этот цвет — цвет молока и молочных продуктов, цвет чистоты, счастья, добра, священный цвет.

Таким образом, вариант образования бурятского геортонима *Сагаалган* от *саг* 'время' контаминационным способом более точен, приемлем, так как он соответствует материальным, бытовым и культурным реалиям монгольских народов.

2.6 Образование слов на базе фразеологизмов

Изучение парадигмы «производящий фразеологизм → производная лексема» в отечественной дериватологии связано с исследованиями О. С. Ахмановой [2009], Н. М. Шанского [1996], Е. Н. Ермаковой [2008] и др. Новые единицы рассматриваются лингвистами в различных аспектах, но явление это до сих пор не

признано системой, требует комплексного рассмотрения и основательной лексикографической разработки. В бурятоведении данный вопрос поднимается впервые.

Н. М. Шанский писал: «Так как слова состоят из морфем, в то время как фразеологические обороты состоят из слов, то кажется логичным, что возможен только один путь – от слова к фразеологизму. Этим прежде всего и объясняется недостаточная разработка вопроса о роли фразеологизмов в формировании лексической системы языка» [Шанский, 1996: 128]. И все же «обратный» процесс — образование слов на базе фразеологизмов — в современном языке весьма активен и привлекает к себе внимание исследователей.

Фразеологической единицей (фразеологизмом) называется такая отдельно оформленная номинативная единица языка, которая служит средством обозначения одного понятия и соотносится по семантическим и грамматическим свойствам со словом определенной части речи. Изначально фразеология рассматривалась как учение об устойчивых сочетаниях слов. В результате этого фразеологизм воспринимался как застывшее, статичное, не способное к изменениям образование, и на этом основании фразеологическая единица (ФЕ) отграничивалась от нефразеологических конструкций. Глубокие и разносторонние исследования фразеологизма и его природы привели лингвистов к заключению, что фразеологический состав языка, как и язык в целом, подвержен изменениям, а значит, находится в постоянном развитии.

В монголоведении традиционно фразеология рассматривалась в расширенном понимании, в разряд фразеологизмов включались пословицы, поговорки и другие виды устойчивых словесных комплексов [Бертагаев, 1949; Амоголонов, 1958]. Ш.-Н. Р. Цыденжапов, основываясь на учении об «устойчивых сочетаниях слов», в состав ФЕ вводил составные названия, в том числе термины, описательные сочетания, идиомы, речевые штампы; парные слова, состоящие из двух знаменательных слов; изречения пословично-поговорного типа [Цыденжапов, 1992: 4]. Данный взгляд на состав ФЕ лежит в основе работы

Т. Б. Тагаровой [Тагарова, 2006; 2008]. Ц. Б. Будаев в своей работе приводит классификацию, основанную на степени семантической спаянности компонентов ФЕ, предложенную В. В. Виноградовым и дополненную Н. М. Шанским [Будаев, 1970]. Он различает фразеологические сращения, фразеологические единства, фразеологические сочетания, фразеологические выражения. Данная классификация, отражающая современную типологизацию ФЕ, поддерживается Н. Б. Бадмацыреновой [Бадмацыренова, 2006: 7].

Отфразеологичное словообразование выступает как реальное воплощение словообразовательного акта, так как одним из основных признаков фразеологизма является его экспрессивность, семантическая разноплановость. Словообразование на базе фразеологизмов связано с проявлением сущностных закономерностей и тенденцией языкового развития, к которым относятся необходимость в пополнении лексического фонда языка, тенденция к экспрессивности, принцип экономии речевых усилий; во-вторых, семантические особенности фразеологизмов, которые обеспечивают возможность, а иногда и определяют необходимость участия в процессе словопроизводства; в-третьих, особенности отфразеологичных производных, которые удовлетворяют определенным коммуникативным целям носителей языка и которыми не обладают исходные единицы [Ташлыкова, 1991: 267]. Сюда можно добавить и стремление избежать тавтологии.

Одним из способов пополнения лексики бурятского языка является отфразеологическое образование дериватов. Нельзя утверждать, что данный процесс регулярен, но он закономерен. Фразеологические единицы (ФЕ), являясь продуктом творчества, в свою очередь, сами спешат дать жизнь дериватам и пополняют не только фразеологический фонд языка, но и лексический.

Образование новых единиц от фразеологизмов понимается как отфразеологическая деривация, которая идет в двух направлениях: основной процесс рождения фразеологизмов от фразеологизмов определяется как отфраземная деривация [Ермакова], второй же процесс предполагает взаимодействие двух уровней:

фразеологического и лексического, когда производящим для слов являются фразеологизмы.

По поводу наименования процесса образования слов от фразеологизмов предлагаются разные термины: *лексикализация словосочетания* (Р. Н. Попов), *отфраземное словообразование* (Е. В. Сенько), *семантическое сжатие* (Т. Н. Семенова), *отфразеологическое словообразование* (О. И. Литвинникова) и др. На наш взгляд, термин *отфразеологическое словообразование* наиболее точен, так как в нем содержится понимание межуровневого процесса образования слов, отличного от традиционного словообразования, семантически близки ему термины *отфраземное словообразование* и *отфразеологическое словопроизводство*.

В отношении имеющих наименований слов, образованных от фразеологизмов, заметим, что все они синонимичны и потому взаимозаменяемы: *отфразеологические лексемы*, *отфраземные слова*, *отфразеологические дериваты*, *отфразеологические слова* и сложный термин *слова, образованные на базе фразеологизмов*. В качестве рабочего мы принимаем термин *отфразеологические слова*, так как он наиболее близок к пониманию отфразеологического словообразования.

Под отфразеологическими словами понимается узуальная речевая лексическая единица, образованная на базе фразеологизмов [Ермакова, 2008: 264]. Несмотря на не сложившуюся единую точку зрения на само языковое явление, на неустоявшийся понятийный аппарат и специфичность его проявления в разных языках, не вызывает сомнения тот факт, что отфразеологическое словообразование носит в языке системный и регулярный характер.

В данной работе уделяется внимание отфразеологическим словам бурятского языка, узуальность которых закреплена лексикографически.

Следует отметить, что в бурятском языке существует массив слов, где явно прослеживаются словообразовательное соотношение и мотивированность соотносительных фразеологических единиц и их производных. Продемонстрируем прозрачные межъязыковые деривационные связи производных слов на ма-

териале двух словарей: Словаря-справочника фразеологизмов Т. Б. Тагаровой [Тагарова, 2006] и Бурятско-русского словаря [БРС, 2006; БРС, 2008]: *бэээ хүсэхэ* `букв. тело свое догнать. Созреть [Тагарова: 60], (достигший возраста) → *бэээ хүсээн* (хүн) `прил. сост. взрослый` [БРС, 2006: 170]; *бэээ үгэхэ* `отдать себя` → *бэээ үгэнги* `прил. сост. самоотверженный, преданный` [БРС, 2006: 170]; *хара ханаан* `Предосуд. букв. Черные помыслы. Плохие помыслы` [Тагарова, 2006: 299] → *хара ханаатай* `зловредный, коварный` [БРС, 2008: 398].

Однако имеющийся материал свидетельствует, что отфразеологическое словообразование в бурятском языке не всегда сопровождается прозрачной выводимостью соотносительных отношений производящего и производного.

Более того, часто одна и та же языковая единица присутствует в толковом словаре как общеупотребительное слово, во фразеологическом словаре как фразеологическая единица. Безусловно, это результат межуровневых омонимичных отношений, когда от фразеологизма образуется слово с тождественным компонентным составом и номинативно цельным значением.

Поясним сказанное на примерах, ФЕ *амаа дэбтээхэ* `промочить горло, выпить немного спиртного`, *амаа тамшааха* `рот свой облизывать, смаковать` [Тагарова, 2006: 21] (значение «причмокивать», на наш взгляд, точнее) в Бурятско-русском словаре (2006 г.) квалифицируется как составные глаголы [БРС, 2006: 59]; фразеологизмы *бэээ бариха*, *бэээ абаха* [Тагарова, 2006: 58] в БРС трактуются как составные глаголы [БРС, 2006: 170]. Та же ситуация наблюдается и со словами *гар табиха* `букв. руку поставить, положить, подписаться`, *бэе муутай* `сост. прил. больной`, *бэе хайтай* `сост. прил. здоровый` [БРС, 2006: 170].

Как видим, в этих примерах между производящим фразеологизмом и производным словом наблюдается семантическая и формальная тождественность. Явно проглядывается связь с использованием фразеологизмов в речи, а «особенности использования в речи влияют на их статус в языке» [Ермакова, 2008: 274]. Как пишет далее Е. Н. Ермакова, «фразеологизм, выступающий

в роли производящей единицы, как правило, имеет внешний синоним — лексему в свободном употреблении» [Ермакова, 2008: 274], что и наблюдаем в этом случае: *бэе муутай* `букв. человек с плохим телом. Человек с плохим здоровьем` — *больной*, *бэе хайтай* `букв. человек с хорошим телом. Человек с хорошим здоровьем` — *здоровый*. Поэтому преобразование фразеологизма в слово в таких случаях не требует семантических и формальных изменений.

В отфразеологическом словообразовании наблюдается и другой механизм образования отфраземных слов, когда слово образуется от фразеологической единицы путем отсечения у него одного или более компонентов и наделения оставшегося компонента значением всего фразеологизма (импликация). При импликации, как пишет О. С. Ахманова, «у слов, входящих в состав фразеологических единиц, возникают новые значения, сперва «потенциальные», как бы «поглощенные» суммарным значением сложного номинативного целого, но способные актуализироваться, выделиться, приобрести способность отдельного воспроизведения» [Ахманова, 2010: 170].

Способностью к вычленению из состава фразеологических единиц и употреблением в качестве самостоятельного неологизма обладают не все компоненты фразеологизма, а только те, которые образуют «семантический центр». Это может быть глагольный компонент, например, в ФЕ *гар табиha* `букв. руку поставить, положить; подписаться` семантический центр — *табиha* `ставить, класть` [БРС, 2008: 219], *гартаа бариха (абаха)* `в руках держать` — *бариха* `<...> 3. держать` [БРС, 2006: 219]. В этих и подобных фразеологизмах семантическим центром является глагол, «на основе его значения складывается процессуальная семантика всей фразеологической единицы, он оформляет глагольными категориями ФЕ; компоненты прилагательное и существительное дополняют, конкретизируют семантику процессуальности» [Ермакова, эл. ресурс].

В результате вычленения глагол-компонент обогащается значением всей фразеологической единицы, как в примере с процессуальным фразеологизмом *амаа халаха* `букв. рот разо-

греться. Быть навеселе, захмелеть` [Тагарова, 2006: 19], где основным семантическим центром является глагол *халаха* `греться, нагреваться, накаливаться; обжигаться, опаливаться` [БРС, 2008: 384]. Глагол *халаха* — семантический центр, имея внешние синонимы — глаголы *захмелеть*, *выпить*, вбирает в себя семантику фразеологической единицы и уже самостоятельно входит в словарный состав бурятского языка в этом значении. Более того, образует дериваты с ядерной семантикой «выпить, захмелеть»: *халаха* → *халамги*, *халамгай* `прил. нетрезвый, подвыпивший`, которые параллельно сосуществуют с прилагательным *ама халамгай* `сост. прил. быть навеселе` [БРС, 2006: 59], образованным от ФЕ *амаа халаха*.

Необходимо отметить, что образование новых слов способом импликации характерно не только для процессуальных фразеологизмов, но и для предметных и признаковых ФЕ, хотя следует признать, что в меньшей степени. Например, на базе фразеологизмов с компонентом *аман* `1. рот, уста, губы, пасть, зев (у животных), клюв (у птиц), язык; 2. перен. слово; язык, речь` [БРС, 2006: 59] возникают дериваты, где семантический центр остается за существительным *аман* или же за определяемым его словом: *ама задагай* `сост. прил. с распушенным языком` (точнее, *болтливый*), *ама уран* `краснобай`, *ама муута* `человек, говорящий только плохое (или неприятное), пессимист`, *ама хайтай* `говорящий только хорошее` [БРС, 2006: 59].

Другой пример: от фразеологизма *гар хооһон* `с пустыми руками, без ничего; ничего не имеющий` способом импликации образуется прилагательное *хооһон* `пустой, с пустыми руками`, например, *хооһон арилха* `отправляться ни с чем, уходить с пустыми руками`. В данном случае семантическим компонентом, который вобрал в себя значение ФЕ, является компонент *хооһон*, изначально имевший значение `пустой, порожний` [БРС, 2008: 446]. Таким образом, перед нами слово, способное к самостоятельному употреблению в данном контексте и передающее смысл производящего фразеологизма «уйти ни с чем, с пустыми руками».

Языковой анализ отфразеологических слов бурятского языка показывает, что процессуальные фразеологизмы служат производящей базой для новых слов гораздо чаще, нежели фразеологические единицы других семантико-грамматических классов.

Теперь резонно остановиться на вопросе формальной структуры производящего фразеологизма, играющего немаловажную роль в образовании новых слов. Базой для образования слов могут служить фразеологизмы с разным количеством компонентов, проиллюстрируем на примерах из словаря-справочника Т. Б. Тагаровой [Тагарова, 2006]:

двухкомпонентные: бэе муутай `букв. тело с плохим. Больной. *прил.*`, *бээе абаха (холо боло юм)* `букв. тело свое взять. Держаться подальше, особняком`, *бээе бариха* `букв. тело свое держать. Сдержаться` и др.;

трехкомпонентные: бээе гарта бариха. `букв. Взять себя в руки. Сдержаться, собраться`, *бээе дээгуур абаха* `Букв. Тело свое поверну брат. Ставить себя выше других`;

четырёхкомпонентные: бэе дээрээ даан абаха `букв. На тело свое брать. Взять ответственность на себя`; *дарида гал хаяһан мэтэ* `словно на порох огня подбросили, раздуть дело`;

пятикомпонентные: бээе хэхэ газараа оложо ядаха `букв. Тело свое положить, места не найти, не быть в состоянии. Места себе не находить`, *зосооһоо (сэдьхэлһээ) шулуу абажа хаяһан шэнги* `букв. словно изнутри камень взяли и выбросили. На душе стало легко. Словно камень с души свалился. Испытывать облегчение, избавившись от чего-либо гнетущего, тягостного`.

Согласно нашим данным, из подвергшихся анализу 250 отфразеологических единиц 66% составляют слова, образованные на базе двухкомпонентных ФЕ, от трехкомпонентных фразеологизмов образовано 29% слов, производные на базе четырехкомпонентных и пятикомпонентных единичны.

Словообразование на базе двухкомпонентных фразеологизмов чаще демонстрируют межуровневую омонимию: *гар табиха* `букв. руку поставить, положить. Подписаться` [БРС, 2008: 219], *нэрээе гутааха* `опозорить имя свое. Опозориться`, *нэрээ нэрлүүлхэ* `прославить`, *нюдэндэ дулаахан* `симпатичный`, *тол-*

гойгоо заһаха `опохмелиться`. Двухкомпонентные ФЕ после импликации образуют односложные слова, типа *халаха*, *хохон*, которые, в свою очередь, образуют дериваты при помощи аффиксального способа.

Бээдээ найдаха `надеяться на себя` → *бээдээ найданги* (*хүн*) `самонадеянный (или самоуверенный) человек` → *бээдээ найдангяр* `самоуверенно, самонадеянно` → *бээдээ найдалга* `самонадеянность`. Справедливости ради надо отметить, что по численности отфразеологические словообразовательные гнезда не отличаются объемностью и обширностью, число дериватов в среднем колеблется возле цифры три.

Среди трех-, четырех-, пятикомпонентных бурятских ФЕ межуровневые омонимичные отношения не наблюдаются, но они, как правило, имплицитуются, при этом, заметим, число оставшихся компонентов варьируется. Примечательно, что уменьшение числа компонентов не зависит от структуры ФЕ, например, трехкомпонентный ФЕ *Бэээ гарта бариха* сокращает только один компонент «гарта» и на основе имплицитованного фразеологизма образуется глагол *бэээ бариха* `сдерживаться`, и такой же трехкомпонентный ФЕ *хормойдоо һалхи хабшуулха* `букв. в подоле ветер зажать, ветер в голове, быть ветренным, легкомысленным` [Тагарова, 2006: 317] или `становиться легкомысленным, становиться вертопрахом (досл. загонять ветер себе в подол` [БРС, 2008: 449] оставляет только один компонент *һалхи* `ветер`, от которого образуется группа дериватов *һалхирха* `разгуливать, гулять`, *һалхирхаха* `<...> 2. волочиться, повесничать (о людях)`, *һалхирхуу* `волокита, повеса, гуляка` [БРС, 2008: 543]. Думаем, этот ряд необходимо пополнить прилагательным *һалхитай* `легкомысленный (о человеке)`, оно широко употребляется в разговорной речи носителей бурятского языка. В БРС это прилагательное дается как производное от существительного *һалхи* `ветер` — *һалхитай* `1. ветренный (о погоде)` [БРС, 2008: 544]. Кстати, *һалхи* `ветер`, представляя в ФЕ грамматически зависимый компонент, актуализирует значение всего фразеологизма, так как является его семантическим центром. Оказывается, формальный компонентный состав фразеологиче-

ских единиц в принципе не оказывает большого влияния на образование отфразеологических слов. Все дело, по-видимому, в семантическом центре ФЕ, в компоненте, актуализирующем значение всего фразеологизма.

Итак, фразеологизмы бурятского языка служат деривационной базой для образования производных слов, которые впоследствии приобретают статус узуальных лексем. Таким образом, они являются одним из источников пополнения лексического состава языка. Фразеологическая единица, послужившая базой для образования слова, и слово, возникшее на базе фразеологизма, сосуществуют в языке как единицы разных уровней одного временного периода. Между тем, несомненно, требуется дальнейшее исследование деривационного механизма бурятского отфразеологического словотворчества для понимания особенностей этого процесса.

Новообразования данного типа выявляют динамические процессы в современном бурятском языке, способствуют интерпретации явлений действительности, свидетельствуют об образности и семантической языку. Это дает основание говорить об отражении в отфразеологических дериватах своеобразия национальной культуры бурятского народа. Заполняя лакуны языковой системы, новые слова демонстрируют заложенные в них возможности и отражают новые явления в сфере современного словообразования.

ГЛАВА III

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА КАК СОВОКУПНОСТЬ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ГНЕЗД

Разработка системного подхода при исследовании словообразовательных актов выдвинула проблему иерархической организации словообразовательных отношений. На деривационном уровне находят отражение все основные виды отношений: парадигматические, синтагматические, иерархические, поэтому гнездо рассматривается как микросистема словообразовательной системы, отражающая закономерные связи производных единиц.

Каждая лексема стремится дать рождение другому слову, то есть любое слово готово стать производящим. Поэтому появление слова в языке всегда сопровождается процессом обрастания его производными. «Современное гнездо — это одно из состояний словообразовательной системы, находящейся в движении, а позиция слова в гнезде является одной из форм существования лексической единицы в языке» [Кильдибекова, 1997: 167].

Мы разделяем данный подход, так как описание словообразовательных отношений слов через их системную организацию в словообразовательных гнездах позволяет в новом свете представить порождающие способности тех или иных классов слов с подключением такого важного параметра, как производность/непроизводность и степень производности. Потенци производных слов должны определяться с опорой на частеречную принадлежность лексемы. Определив, как уже было подчеркнуто, в качестве основополагающего принципа «отчастеречный» подход, считаем, что описание словообразовательного яруса бурятского языка должно быть с полной инвентаризацией словообразовательных средств и значений, оно должно строиться на признаке регулярной реализации словообразовательных значений в конкретных словообразовательных типах, различающихся по степени продуктивности и регулярности.

Согласно гнездовому подходу, словообразовательную систему монгольских языков можно представить как совокупность словообразовательных гнезд, под которой в дериватологии понимается упорядоченная отношениями производности совокупность слов, характеризующихся общностью корня (в плане содержания и в плане выражения) [Тихонов, 1990: 39–40]. Словообразовательные гнезда являются важной лингвистической классификацией словарного состава, отражающей объективные характеристики слов — объединения по общей мотивирующей базе [Казак, 2004: 10].

Структурирование словарного фонда языка в гнезда по частеречной принадлежности (гнезда глаголов, гнезда прилагательных) и отнесенности к разным лексико-грамматическим, семантическим группам предопределяет системный подход к описанию словообразовательной системы в целом. Таким образом, исследование потенциальных возможностей каждой части речи в функции производящего позволяет представить словообразовательную систему бурятского языка в перспективном аспекте. Построение типологии гнезд отдельных частей речи и создание на их основе полной типологии влечет за собой дальнейшую разработку и всестороннее освещение конструктивных составляющих гнезда — парадигм и цепей.

3.1 Понятие словообразовательной парадигмы в дериватологии

Исследование словообразовательной парадигмы (СП) необходимо для установления словообразовательного потенциала различных типов слов, изучения их деривационных возможностей; выявления не только реализованных в речи, но и потенциальных единиц, раскрытия закономерностей, обуславливающих возможность их реализации, а также обнаружения национальной специфики лексем в сфере деривационных отношений.

Сфера употребления термина «парадигма» в лингвистике достаточно широка. Под парадигмой понимается: 1) в широком смысле любой класс лингвистических единиц, противопостав-

ленных друг другу и в то же время объединенных по наличию у них общего признака или вызывающих одинаковые ассоциации, чаще всего совокупность языковых единиц, связанных парадигматическими отношениями; 2) модель и схема организации такого класса или совокупности; 3) в более узком смысле синоним термина «морфологическая парадигма» (система форм одного слова) [ЛЭС, 1990: 366]. В словообразовании данное понятие получило распространение благодаря исследованиям Е. А. Земской [1978, 1992, 1993], Р. С. Манучаряна [1981], А. Н. Тихонова [1982, 1985], А. Г. Лыкова [1991, 1987], Е. В. Красильниковой [2003] и др., в монголоведении — Д. А. Сусеевой [1997].

Под словообразовательной парадигмой (СП) понимается совокупность производных слов одной ступени производности от одного базового слова [Земская, 1992; Тихонов, 1985; и др.]. В монголоведении имеется опыт описания СП калмыцкого языка в русле данных исследований [Сусеева, 1997, 1993].

Словообразовательная парадигма нередко рассматривается в ее взаимоотношениях со словообразовательной цепью. Так, по мнению В. Г. Головина, звенья цепочек, непосредственно объединяемые общим членом, составляют его парадигму: «В составе гнезда словообразовательные цепочки первичны по отношению к словообразовательной парадигме хотя бы потому, что исходное слово гнезда входит в состав цепочек, но не входит в состав парадигм. Парадигмы порождаются звеньями цепочек <...>. Члены одной парадигмы могут входить только в разные цепочки, а это означает, что в составе гнезда происходит взаимодействие не цепочки и парадигмы, а цепочек и парадигмы» [Головин, 1985: 214].

Если в русском языке словообразовательная парадигма формирует вертикальные «ассоциативные» отношения, создаваемые рядом собственно парадигм, то в бурятском языке производные одного производящего образуют веер, пучок, объединяются в гроздь дериватов, отражая горизонтальный срез словообразовательного гнезда.

В организации словообразовательной грозди основным выступает постулат тождества/различия в виде стабильной общности мотиватора и дифференциальных словообразовательных формантов. В структуре дериватов, составляющих словообразовательную гроздь, выделяется постоянная величина — производящая основа (база) и переменный член — дериватор. Таким образом, словообразовательная гроздь дериватов — это объединение слов, демонстрирующих отношения тождества (корневая морфема) и различия (словообразовательный формант). Наличие одного и того же мотиватора в составе всех производных слов, образующих гроздь, позволяет считать их кодериватами, а главным признаком ее — отношения кодеривации, или равнопроизводности. По справедливому замечанию И. А. Ширшова, «равнопроизводность покоится на принципе эквиолентности, т. е. таком отношении между производными, которое не допускает выводимости одной единицы из другой» [Ширшов, 1999: 53]. Представляется, что это является достаточным основанием для понимания словообразовательной грозди как совокупности кодериватов.

Различаются три группы кодериватов [Белякова, 2007: 40]:

- 1) кодериваты с тождественными частными словообразовательными значениями (СЗ) и тождественными лексическими значениями (ЛЗ);
- 2) кодериваты с тождественными частными СЗ и различными ЛЗ;
- 3) кодериваты с различными частными СЗ и ЛЗ.

Кодериваты первой группы свидетельствуют об избыточности словообразовательных средств, обслуживающих тот или иной сегмент словопроизводства, указывают на явление синонимии одноструктурных разносуффиксальных дериватов, пери-

од совместного существования которых завершается вытеснением одного компонента из употребления или их стилевым размежеванием. Кодериваты второй и третьей групп демонстрируют реализацию словопорождающих возможностей слова в пределах одной СП, указывают пути развития потенциала производящих определенной части речи.

Понимание объединения кодериватов как словообразовательной грозди основано на особенности деривационного механизма бурятского языка, имеющего в своем арсенале не только аффиксальный способ образования, но и способы семантической деривации, наличие операционного способа — сложения, его разновидностей, таких как парное сложение, редупликация, словообразование на синтаксической основе и т. д. Поэтому в одной грозди оказываются дериваты, образованные при помощи комплексных аффиксов (коалиции аффиксов), словообразовательные синонимы, парные слова, редупликаты, сложные слова, слова, образованные на синтаксической основе, контамированные слова, конверсивы.

Способ сложения корней или основ для монгольских языков являлся непродуктивным, хотя в них встречается немало опрощенных сложных слов, состоявших исторически из двух самостоятельных слов, соединенных между собой в атрибутивные словосочетания или функционировавших на базе примыкания. По мнению монголоведа Лувсандэндэва, в современный период развития монгольских языков данный способ словообразования активизировался [Лувсандэндэв, 1956: 162]: *дуугарха* 'говорить' из *дуу* 'звук' и *гарха* 'выходить'. Эти слова образованы операционным безаффиксным способом образования слов (чистое сложение), при котором производная основа объединяет в своем составе несколько производящих основ в полном неусеченном виде. Операция сложения нескольких производящих основ (при их возможном усечении) всегда сопровождается фиксацией их последовательности в пределах производной основы (в данном случае первично *дуу*) и единым словесным ударением (в данных дериватах ударение на *дуу*).

Условия образования глаголов, образованных путем сращения, следует искать в грамматической системе бурятского языка. Во-первых, одна из причин связана со словообразованием слов на синтаксической основе. Способность образовывать слова на основе синтаксических конструкций, возможно, восходит к тому периоду развития языка, когда человек увиденное номинировал при помощи предложений, словосочетаний. Затем многие часто употребляемые слова перешли в аффиксы. Другая причина — чисто грамматическая: условием для возникновения сложных слов на основе словосочетаний путем сращения является отсутствие в нем склонения. Для образования слов типа *дуугарха* `говорить` достаточным оказывается «замораживание» определенной формы глагола или целого предложения. Следовательно, условия для образования в бурятском языке производных слов путем сращения словосочетаний и предложений создаются, главным образом, благодаря особенностям его грамматического строя.

Несомненно, в деривационном механизме бурятского языка господствует суффиксация, но особенностью грозди дериватов бурятского языка является наличие сложных слов, образованных на синтаксической основе, что связано с отнесенностью бурятского языка к языкам аналитического типа. Значение слов передается аналитическими конструкциями, называемыми составными словами: *забари дуулаха* `выслушивать указание`, *үгэ дуулаха* `слушать чьи-либо указания`, *дуу алдаха* `вскрикнуть`. Бурятский язык вместо однословного слова образует деривационное сочетание по разным причинам, одной из них могут служить и сочетаемостные возможности морфем. В данном случае значение глагола, образованного от существительного со значением действия, совершаемого по названному предмету, передается только аналитической конструкцией.

В разработку теории словообразовательной парадигмы значительный вклад внесла Е. А. Земская [Земская, 1992], концепция которой имеет большое значение для анализа парадигматических отношений в словообразовательном гнезде. С ее точки зрения, введение в словообразовательную теорию понятия СП

дает возможность подойти к словообразованию не как к совокупности отдельных производных слов, а как к упорядоченной определенным образом системе.

Е. А. Земская предлагает различать помимо конкретной СП еще и типовую. Так, типовая словообразовательная парадигма (ТСП) — явление классификационное, ее формируют конкретные парадигмы (КСП), представляющие один и тот же набор деривационных значений (в бурятском языке — гроздь). «Типовая словообразовательная парадигма составляется совокупностью деривационных значений, реализуемых базовыми словами определенной части речи, входящих в единую лексико-семантическую группу...» [Земская, 1978: 73]. Например, глаголы движения со значением направления *баруулха* `идти к западу, направляться на запад`, *хойшолхо* `направляться на север (или к северу)`, *урдалха* `идти (или находиться) впереди` входят в состав различных гроздьев, но типовая парадигма этих глаголов одна. Так, например, одну ТСП имеют зоонимы, прилагательные цвета и т. д. ТСП прилагательных, характеризующих внешность человека, может иметь несколько «семантических мест», одно из них — мутационные образования со словообразовательным значением `признак, имеющий отношение к действию, совершаемому предметом`, описывающие части тела человека, образованные при помощи суффикса *-гар*: о глазах человека — *анигар* `узкие, прищуренные` от *аниixa* `прищуривать глаза`, о губах человека — *шальнагар* `отвислые` от *шальнайха* `оттопыриваться`.

Е. А. Земская в составе ТСП выделяет суммарную парадигму, которая зависит от частеречной принадлежности исходного слова. На наш взгляд, правомерно выделение В. Г. Фатхутдиновой суммарной словообразовательной парадигмы (ССП) в отдельный тип [Фатхутдинова, 2005: 49–50]. Суммарная СП абстрагирована от принадлежности базового слова к той или иной лексико-семантической группе и включает в себя общие формулировки деривационных значений. Таким образом, СП — это реально существующее языковое явление, отражающее пара-

дигматические отношения дериватов в словообразовательном гнезде.

Понятие словообразовательной парадигмы в современной лингвистической науке связано с расширением традиционного понимания термина *парадигма*, отнесением СП к единице плана содержания в отвлечении от конкретных средств выражения. Деривационный потенциал слова может быть определен с учетом разных ступеней абстрагирования от его лексико-грамматических свойств. Допустимо условное выделение трех языковых уровней: *уровень ядра системы*, *уровень периферии системы* и *уровень нормы* [Цейтлин, 2009: 308–309].

На наш взгляд, данное разграничение можно соотнести с выделением типовых и конкретных парадигм по концепции Е. А. Земской. На уровне конкретной лексики (соответствующем *уровню нормы*) образуются гроздь дериватов. Данное понятие гроздьев связано со словообразовательным гнездом, т. е. конкретная гроздь в данной интерпретации выступает как часть гнезда. Таким образом, гроздь дериватов — это реально существующее языковое явление, отражающее парадигматические отношения дериватов в словообразовательном гнезде.

На уровне *реализации периферии системы* деривационный потенциал лексики определяется относительно лексико-семантической группы (ЛСГ), в которую данная лексема входит. Очевидно, в данном случае можно говорить о типовой словообразовательной парадигме. Это явление классификационное, ее формируют конкретные парадигмы, представляющие один и тот же набор деривационных значений. При анализе ТСП обнаруживается, что это структуры с закрытым числом членов, относящиеся СП к единице плана содержания в отвлечении от конкретных средств выражения. Как мы уже указывали, СП данного типа относится ко второму условному языковому уровню — *уровню периферии системы*.

Выделение ССП возможно *на уровне ядра системы*, категориальные словообразовательные значения на указанном уровне абстракции формулируются как «действие, связанное с предметом», «признак, имеющий отношение к предмету» и т. п.

На высшей ступени абстрагирования от лексико-грамматических свойств деривационные возможности лексем определяются ее частеречной природой и являются общими для всех лексем, относящихся к данной части речи. На этом уровне абстракции формируются категориальные словообразовательные классы (блоки): глагольные, субстантивные, адъективные и т. д. Выделение ССП, ограниченной рамками одной части речи, позволит выявить универсальный и специфический набор словообразовательных значений, характерных для того или иного языка. Каждое из этих значений в зависимости от семантики и морфонологических особенностей производящей базы потенциально реализуется в типовых и конкретных словообразовательных парадигмах, а также в тех или иных словообразовательных гнездах.

При анализе грозди кодериватов выявляется еще одна проблема, связанная с предсказуемостью семантических мест в парадигме (или одной грозди). Обратим внимание на гроздь кодериватов первой степени существительного *дуу(н)*. У деривата с отрицанием есть обязательно дериват с противоположной семантикой, например в именной: *дуугүй* 'молчаливый, безмолвный', *дуутай* 'звучный, шумный'. В слове *дуугүй* аффикс *-гүй* восходит к отрицанию *үгы* 'нет'. «Посредством данного аффикса образуются имена прилагательные как от именных, так и от глагольных основ со значением, противоположным значению прилагательных с аффиксом *-тай*» [Дондуков, 1964: 740], в данном случае антоним *дуутай* 'шумный, звучный'. Суффикс *-тай* образует качественные прилагательные от именных основ с абстрактным значением. Однокоренные антонимы являются непосредственным «продуктом словообразования» [Тихонов, 1985: 35], так как значение контрастности в таких антонимических парах формируется лишь в процессе словообразования, а именно в результате присоединения к одному из компонентов словообразующих аффиксов с противоположными значениями. В дальнейшем каждый из однокоренных антонимов развивает семантическую противопоставленность за счет продолжения деривационных цепочек. В данном случае мы имеем дело с отраженной антонимией (понятие отражения в системе производ-

ной лексики было введено В. В. Виноградовым), которая понимается как распространение и специальное развитие семантики противоположности однокоренных дериватов: от *дуугуй* образуется наречие *дуугуйгөөр* `без звука, молча`.

Таким образом, общая типология СП должна складываться из трех составляющих: *конкретной, типовой и суммарной*. Каждый тип СП имеет собственный набор релевантных признаков, если для ТСП характерны частеречная принадлежность и принадлежность к лексико-семантической группе, если словообразовательной грозди (КСП) к данным признакам примыкают семантическая структура и/или сочетаемость, частотность, нейтральность или стилистическая маркированность и др., то для ССП главное — частеречная принадлежность [Красильникова, 2003]. Интерпретация словообразовательной парадигмы как типовой или суммарной происходит, в отличие от грозди (КСП), в отвлечении от словообразовательного гнезда и не зависит от семантики производящего.

Сравнение словообразовательных парадигм разных частей речи и разных семантических групп бурятского языка демонстрирует различия в словопорождающих способностях разных классов лексических единиц, т. е. сопоставительный анализ гроздей кодериватов позволяет выявить универсальный набор словообразовательных значений в рамках одной части речи или лексико-семантической группы.

3.1.1 Суммарная словообразовательная парадигма бурятского языка (на примере отглагольной деривации)

Объектом анализа может стать любой тип СП, хотя подходы к их изучению должны быть различны. В этом случае следует учитывать неодинаковую словообразовательную активность различных лексико-семантических групп, а также степень продуктивности производящих слов разных частей речи. Сравнение СП разных частей речи и разных семантических групп позволит выявить сходства и различия в словопорождающих способностях разных классов лексических единиц. В результате исследо-

вания должен быть выявлен специфический набор деривационных значений и «семантических» мест, формирующих состав той или иной словообразовательной парадигмы. Такому роду исследований должно предшествовать подробное описание «от-частеречного» словообразования с полной инвентаризацией словообразовательных средств и значений. В данном случае речь идет о суммарной словообразовательной парадигме, которая строится на признаке регулярной реализации словообразовательных значений в конкретных словообразовательных типах, различающихся по степени продуктивности и регулярности. Анализ суммарных СП, ограниченных рамками одной части речи, позволит выявить универсальный и специфический набор словообразовательных значений, характерных для бурятского языка. Каждое из этих значений, в зависимости от семантики и морфонологических особенностей производящей базы, потенциально реализуется в типовых и конкретных СП, а также в тех или иных словообразовательных гнездах.

Д. А. Сусеевой описаны словообразовательные парадигмы трех тыс. слов монгольского языка и около двух тыс. слов калмыцкого языка, которые послужили основой для выделения 27 лексико-семантических групп (из них 12 тематических групп имен существительных, 5 — прилагательных, 10 — глагола). При выделении конкретных и типовых парадигм Д. А. Сусеева выделяет словообразовательную парадигму конкретной части речи, которая представляет собой совокупность словообразовательных категорий, присущих производным словам, образованным от слов данной части речи. Словообразовательная категория, как известно, представляет собой семантическую единицу, которая обобщает семантические отношения между производящими и производными словами. Выявлено и описано 72 словообразовательные категории калмыцких существительных, прилагательных и глаголов, которые входят в состав словообразовательных парадигм трех частей речи: существительных, прилагательных, глаголов. Например, от прилагательных образуются следующие словообразовательные категории: блок существительных, блок прилагательных, блок глаголов, блок наречий.

Анализ дериватологических работ показал противоречивость позиций лингвистов по поводу рассмотрения словообразовательных категорий (СК). По мнению одних ученых, в рамках СК следует рассматривать дериваты одной частеречной принадлежности (этой точки зрения придерживается Д. А. Сусева), другие же считают подобные требования лишними. Мы разделяем вторую точку зрения, полагая, что подобный подход, допускающий отнесение к одной СК дериватов, представляющих собой факты альтернативных мотивировок, позволит рассмотреть все особенности словопроизводства дериватов с тождественным СЗ.

В русистике существует ряд работ, посвященных изучению ТСП с исходным словом, относящимся к той или иной части речи [Клубукова, 1982; Морозова, 1980; Фатхутдинова, 2005; и др.]. Глагол в бурятском языке также выступает как база для внутриглагольного, субстантивного, адъективного, адвербиального образования. ССП бурятского глагола включает в себя производные глаголы; производные существительные с мутационными значениями лица — носителя процессуального признака, предмета, и транспозиционным значением «имя отвлеченного действия»; производные прилагательные и причастия с мутационным значением «активный и пассивный процессуальный признак»; производные наречия с мутационным значением «процессуальный признак признака» и т. д.

Специфической областью бурятского языка является внутриглагольное словообразование, характеризующееся залогообразованием, которое относится к сфере деривации. Особенностью бурятского глагола является то, что на следующем же узле от базового глагола разворачивается суффиксация, связанная с образованием залоговых глаголов. Гроздь глагола первого яруса данного гнезда *дуугарха* образуют побудительный глагол *дуугаруулха* `говорить, не давая другому слова сказать`, глагол взаимного залога *дуугаралсаха* `разговорить (о многих) с кем-то`, еще один дериват взаимного залога *дуугаралдаха* `разговаривать, издавать звуки (напр. гоготать о гусях)`. В свою очередь *дуугаралсаха* образует свою небольшую конкретную гроздь, где

имеется глагол страдательного залога *дуугаралсагдаха* 'быть предметом беседы, разговора'. Следует заметить, такая картина наблюдается во всех гроздьях глагольных слов исследуемого словообразовательного гнезда. Словообразовательное значение в данном случае можно сформулировать как «действие, связанное с отношением к предмету».

В бурятском языке от глагольных основ образуются существительные, характеризующиеся большим разнообразием и занимающие различные семантические места: «имя действующего лица», «предмет действия», «процесс действия», «результат действия» и «имя предмета, на который направлено действие», «название места и орудий действия» [Дондуков, 1964: 28–36]. В гнезде с вершиной *дуун* почти в каждой грозди глагола присутствуют отглагольные существительные: от *дуулаха* (в первом значении) образованы кодериваты *дуулалга* 'слушание', *дуулбари* '1. слышимость, резонанс; 2. слух, слухи, молва', *дууласа* 'слышимость', от *дуулаха* (во 2-м значении) образован дериват *дуулалга* 'пение'; от глагола взаимного залога 2-й степени деривации *дуулалдаха* в значении 'петь хором' образовано *дуулалдаан* 'пение хором'. От глагола первого узла деривации *дуугарха*, помимо вышеназванных образованных залоговых глаголов, образуются кодериваты: *дуугаралга* в значении 'разговор', *дуугарса* в значении 'способность говорить или издавать звуки'; далее, от глагола взаимного залога *дуугаралсаха* в значении 'разговаривать о многих' образуется *дуугаралсаан* 'беседа, разговор'.

Примерно та же картина деривационных образований наблюдается и с производящей базой — глаголом первого же яруса *дуудаха* 'звать, вызывать': отвлеченные существительные *дуудан* 'призыв, зов', *дуудалга* '1. вызов, 2. призыв, 3. шам. начало, зачин призывания духов, вступительный мотив'. Данные примеры свидетельствуют о том, что глагол является не просто базой субстантивного образования, но и образует синтаксические дериваты — отвлеченные имена действия, обладающие абстрактным словообразовательным значением, свойственным отглагольным существительным. Словообразовательное значение в данном

случае можно сформулировать как «предмет, характеризваемый по действию, названному производящим глаголом». Заметим, что некоторые отглагольные существительные одной грозди являются синонимами.

По наблюдениям дериватологов-русистов, падение деривационного потенциала и уменьшение словообразовательной активности связаны с удаленностью производных слов от вершины гнезда. Дериваты от ступени к ступени усложняются в семантическом и структурном отношении, т. е. чем дальше находится производное слово в цепочке от исходного слова, тем сложнее словообразовательная структура. Следовательно, считается, что в русском языке деривационный потенциал падает в зависимости от увеличения структурной и семантической сложности. В работах, посвященных СП русского языка, речь идет о парадигмах первой ступени, она признается самым крупным, системно организованным и целостным подразделением словообразовательного гнезда. Наибольшее количество производных в словообразовательном гнезде образуется именно на первой ступени деривации, на последующих ступенях (второй, третьей, четвертой и т. д.) наблюдается увеличение числа парадигм при уменьшении количественного состава дериватов. Словообразовательный потенциал дериватов понижается по мере удаления от вершины гнезда, соответственно словообразовательные возможности производных слов значительно ниже, чем деривационные возможности непродеривированных слов. Данную особенность связывают с тем, что непродеривированные слова структурно и семантически проще, потому более активны в словопроизводстве. Поэтому в русском языке важно различать словообразовательные парадигмы производных и непродеривированных слов, а также слов, образуемых на различных ступенях словообразования и отличающихся по своей структурной сложности.

В бурятском языке наблюдается несколько иная картина, нежели в русском языке: независимо от семантической и структурной сложности глагольное слово старается дать обширную гроздь дериватов. Например, гроздь существительного *дуун* '1. звук; 2. песня, голос', являющегося вершиной словообразо-

вательного гнезда, формируется глаголами: *дуулаха* `слышать, слушать от 1-го значения`, `петь от 2-го значения`, *дуугарха* `1. говорить, разговаривать, 2. издавать звуки, 3. раздаваться, звучать от 1-го значения`, *дуудаха* `1. звать, вызывать, 2. громко читать, 3. прославлять (скакуна), 4. кричать (об изюбре) от 1-го значения`. Это неполный список производных первого яруса (для бурятского языка применимо понятие яруса вместо ступени), вместе с тем по сравнению со вторым ярусом данного гнезда в количественном отношении он значительно меньше. Например, гроздь вершины гнезда существительного *дуун* в значении `песня, голос` насчитывает всего три деривата. Зато базовое слово первой ступени — глагол *дуулаха* — дает обширную парадигму, насчитывающую свыше десяти дериватов. Примерно такое же количество дериватов дают и другие дериваты первого яруса: глаголы *дуугарха* `1. говорить, разговаривать; 2. издавать звуки; 3. раздаваться, звучать`, *дуудаха* `звать, вызывать; 2. зап. громко читать; 3. прославлять; 4. громко кричать`. Итак, на втором ярусе словообразовательное «оживление» происходит за счет глагола, поэтому потенциал данного яруса выше первого.

Глагол побудительного залога третьей ступени *дуугаруулха* образует гроздь дериватов, где присутствуют дериваты отрицания *дуугаруулхагүй* и *дуугаргуулхагүй* со значением `не давать говорить` (кстати, аффикс *-гүй* легко образует глаголы со значением отрицания на любом ярусе деривации), а глагол взаимного залога того же третьего яруса *дуугаралсаха* образует словообразовательную гроздь из отвлеченного существительного *дуугаралсаан* `беседа`, глагола страдательного залога *дуугаралсагдаха* `быть предметом беседы (или разговора)`, отрицательного глагола *дуугаралсахагүй*. Отсюда вытекает важное свойство бурятского производного слова: словообразовательный потенциал слов зависит не от семантической и структурной сложности, а от частеречной принадлежности слов. Таким образом, количественная наполняемость бурятских СП не зависит от ступени производства, т. е. в бурятском языке, как и во всех монгольских, мы наблюдаем активность глагольного слова на любом ярусе (ступени) словообразовательного гнезда.

Итак, глагол бурятского языка в деривационном отношении является самой продуктивной частью речи, у него богаче потенциальные возможности. Из этого наблюдения возможен единственный, на наш взгляд, вывод, что словопорождающие способности слова зависят от частеречной принадлежности.

Таким образом, для выявления потенциальности лексемы в бурятском языке информативной является не только первая ступень с кодериватами (или гроздь дериватов первого яруса), находящаяся с вершиной гнезда в отношениях непосредственной мотивации. Также в данном случае явно прослеживается закономерность, связанная с оппозицией деривационных возможностей основных частей речи, глагол в бурятском языке обладает более высокими потенциальными возможностями, нежели существительное *дуу(н)*, являющееся вершиной исследуемого гнезда.

На примере грозди кодериватов словообразовательного гнезда вырисовывается картина ССП глаголов, демонстрирующая деривационные возможности глагольного слова и целый ряд специфических признаков. Несомненно, выделение ССП в отдельный тип позволит сравнить словообразовательные парадигмы различных частей речи, разных семантических групп, выявит различия в словопорождающих способностях разных классов бурятских лексических единиц, прежде всего между именем и глаголом. Исследования такого рода будут способствовать дальнейшему углублению наших знаний о системном строении производной лексики и словообразования бурятского языка в целом.

Итак, в бурятском языке выявляется следующая закономерность: глагольные парадигмы обладают полным набором кодериватов, которые, в свою очередь, образуют свои грозди дериватов. Увеличение словообразовательной активности глаголов, естественно, влияет и на структуру их СП, набор возможных словообразовательных типов в структуре парадигмы, что определяет специфику СП производящих слов различных ярусов производства в бурятском словообразовательном гнезде.

На всех ярусах словообразования ведущими являются глагольные блоки, затем по количественному составу — субстан-

тивные блоки, блоки имен прилагательных. Глагольный блок может активизироваться на любой ступени словопроизводства, так как на следующем же узле от глагола разворачивается суффиксация, связанная с залогообразованием.

Особенностью СП глаголов бурятского языка является образование глаголов при помощи сложения залоговых аффиксов на одном деривационном шаге. К одной и той же производящей глагольной основе можно присоединить одновременно суффиксы двух или более разных залогов, в данном случае в одной грозди побудительного глагола *оруул* 'вести' могут оказаться дериваты побудительно-страдательного (например, *оруулагда* — 'быть введенным' при помощи залогового суффикса *-гда*) и побудительно-страдательно-побудительного залога (например, *оруулагдуул* — 'быть легко введенным' при помощи двух аффиксов одновременно *-гда* и *-уул*). Таким же образом образуются дериваты совместно-побудительного, побудительно-совместного, взаимно-страдательного, совместно-взаимного, взаимно-совместного, совместно-страдательного и т. д. залогов. При этом значение каждого из залогов сохраняется, залог определяется последним из них [Бадмаева, 2006: 96].

Реализуемый отчастеречный подход позволяет выявить зависимость словообразовательной и семантической структуры производного слова от категориальной принадлежности его производящей основы. Благодаря подходу «части речи как база для словообразования» выявляются общие и специфические СЗ и средства их выражения, формирующие инвариант суммарной СП для бурятского языка.

3.1.1.1 Категория залога в бурятском языке (словообразовательная или формообразующая категория)

Ядро предикатной лексики в бурятском языке составляет глагол, который отличается сложностью своего содержания и характеризуется разнообразием категорий и форм, богатством парадигматических и синтагматических связей. Описание глагола занимает значительное место в изучении языковой системы

бурятского языка, поскольку особенности его грамматического строя прежде всего определяются категориальными признаками данного разряда слов. «Глагол в монгольских языках, в том числе и в бурятском, — наиболее употребительная часть речи. Принимая первостепенное значение глагола в бурятском языке, необходимо внимательно отнестись к выявлению и разбору его грамматических категорий и происшедших в них изменений» [Цыдендамбаев, 1979: 79]. Написание параграфа предопределено проблемами квалификации категории залога: словоизменяемой или словообразовательной.

Слово *залог* является калькой с греческого слова *диатеза*, которое имеет значение `распределение, размещение`. Данная грамматическая категория указывает на то, что в грамматической структуре предложения между подлежащим и прямым дополнением распределяется выражение субъектно-объектного окружения глагола. На семантическом уровне залог включает три компонента: *действие, объект* и *субъект*.

Категория залога — одна из наиболее сложных в теоретическом отношении грамматических категорий. В понятие залога разными исследователями вкладывается разнообразное и противоречивое содержание, вследствие этого существует несколько концепций залога.

По одной из теорий, универсально-типологической концепции, залог определяется как «грамматически маркированная в глаголе диатеза» [Холодович, 1970: 17]. Понятие диатезы рассматривается как исходное понятие залоговых отношений, как схема соответствия между единицами синтаксического уровня и единицами семантического уровня. Единицы семантического уровня — субъект, объект, инструмент, единицы синтаксического уровня — подлежащее, прямое дополнение, косвенное дополнение. В основе данной теории лежит положение, согласно которому глагольная лексема в функции предиката определяет лексикографическое толкование глагола, имеющего постоянный комплект аргументов. Каждому синтаксическому употреблению лексемы в позиции сказуемого соответствует определенная конструкция предложения, включающая тот или

иной набор иерархически упорядоченных по синтаксическим весам синтаксических переменных. Таким образом, каждая глагольная конструкция является реализацией специфических соответствий семантических и синтаксических переменных, называемых диатезой. При этом количество возможных диатез любой глагольной лексемы можно вычислить. В данной теории активная конструкция принимается за исходную, все остальные конструкции — за производные [Холодович, 1970].

По мнению А. В. Бондарко, подобный анализ залоговых отношений имеет ряд недостатков, которые проявляются при переносе исходных теоретических положений на конкретный языковой материал. «Семантика рассматривается здесь недифференцированно, в то время как в ней различаются разные уровни и аспекты» [Бондарко, 1996: 24].

Т. А. Кильдибекова пишет по этому поводу, что активные и пассивные конструкции типа «*План составляет дирекция*» и «*План составляется дирекцией*» не отличаются друг от друга с точки зрения понятийного смысла. Рассматриваемая концепция не может в своих понятиях и терминах определить семантическое различие между актантом и пассивом, она позволяет фиксировать лишь различия в соответствии семантических актантов — в данном случае субъекта и объекта — и членов предложения (синтаксических актантов). Поскольку это различие заключается в языковых грамматических значениях при тождестве смысла, данная теория вообще «не занимается определением значений актива и пассива и, как правило, обходит этот вопрос» [Кильдибекова, 1985: 46]. Иными словами, интерпретация залога не характеризует семантически сам залог и обозначаемое им действие, так как в основу описания положена идея соотношения актантов глагола и членов предложения. Таким образом, понятие «диатезы» используется в данной концепции залоговых отношений лишь для характеристики преобразований единичной глагольной лексемы, в то время как теория залога в первую очередь предполагает выявление системных регулярных отношений между определенными семантическими классами глаголов» [Кильдибекова, 1985: 45].

В. М. Надеяев дает свое видение системы залоговости (системы залоговых значений с их формальным выражением) в алтайских языках, в частности тувинском. По его мнению, залоговость реализуется только в синтаксических конструкциях с вербальными компонентами [Надеяев, 1985: 15].

При всем многообразии концепций сущность категории залога как в русском, так и в бурятском языках раскрывается определением залога как грамматической категории глагола, опирающейся на определенную систему грамматических форм (морфологических/синтаксических). При этом понятие залога двояко, его можно рассматривать в узком и широком смысле. В широком — залог охватывает круг явлений, связанных, во-первых, с соотношением пассива — актива, т. е. действия, направленного на субъект, с действием, у которого нет указания на такую направленность, во-вторых, с переходностью/непереходностью глагола, в-третьих, с возвратностью глагола. В узком — это собственно залог или соотношение пассива — актива [РГ: 350].

В русском языке понятие залога рассматривается в широком смысле слова, наряду с морфолого-синтаксическим явлением (оппозицией действительного и страдательного залогов) выделяются две другие оппозиции: лексико-морфологическая оппозиция возвратности — невозвратности и соотношенная с ней лексико-синтаксическая оппозиция переходности — непереходности. В бурятском же языке понятие залога трактуется в узком смысле, но и в этом аспекте в него вкладывается разнообразное и противоречивое содержание.

Есть мнение, что «категория залога относится к наиболее изученным в бурятском языке» [Егодурова, 2003: 114]. Изученность данного вопроса не исключает спорности, так как системная организация категории залога и семантика залоговых глаголов представляют собой сложное явление в бурятском языке. В монголоведении проблема залога не решена окончательно, в бурятоведении также не существует единого мнения по поводу статуса категории залога — отнесения к словоизменительным и словообразовательным категориям, спорными остаются вопросы классификации и количества залогов.

Наиболее распространенной является концепция пяти залогов, в своих истоках связанная с именем Г. Д. Санжеева. В соответствии с этой теорией залог является словообразовательной пятичленной категорией, которую имеют и переходные, и непеходные глаголы. Споры возникают насчет прямого залога, введенного Г. Д. Санжеевым [ГБЯ, 1962: 200]. По его мнению, «основа прямого залога всегда является первичной основой любого залога <...>. В морфологическом плане его можно определить как основной залог» [ГБЯ, 1962: 201; Афанасьева, 2006: 28]. Ц. Б. Цыдендамбаев считает, что такого залога не существует ввиду его морфологической неформленности [Цыдендамбаев, 1979: 84]. Нет единого мнения и по взаимному залого (реципрок), и совместному залого (социатив): за выделение как отдельных видов залоговой классификации — Г. Д. Санжеев, С. Галсан, Ц. Б. Цыдендамбаев, П. П. Дамбуева, как один вид залоговой системы — Д. Д. Амоголонов. Мнения о выделении или невыделении прямого залога, об объединении или разъединении взаимно-совместного залога идут в одном русле.

Свою концепцию, основанную на двухчастной модели, предлагает В. М. Егодурова, где категория залога глагола — формообразовательная категория, представленная противопоставлением действительного и страдательного залогов, понимание категории залога сформулировано с точки зрения русистики. В конструкциях с действительным оборотом речи употребляются глаголы собственно действительного залога, глаголы действительного залога с побудительным значением, глаголы действительного залога с взаимно-возвратным значением, глаголы действительного залога с совместно-взаимным значением. В конструкциях со страдательным оборотом речи употребляются глаголы собственно страдательного залога и глаголы страдательного залога с побудительным значением. По мнению В. М. Егодуровой, категория залога в бурятском языке относится не к сфере деривации, а к словоизменительным категориям, противопоставляющим формы одной лексемы [Егодурова, 2003: 62].

Таким образом, обзор имеющихся трактовок залоговости в бурятском языке показывает, что системная организация категории залога представляет собой сложное явление.

Мнение В. С. Храковского, что «в тюркологии термин «залог» используется для объединения разнородных семантических явлений, которые не сводятся к общему знаменателю и не являются частными значениями одной грамматической категории» [Храковский, 1981], применимо и к бурятскому языку. Семантические особенности бурятских глагольных лексем как особого класса слов, характеризующих признаки предметов, их отношений, позволяют считать, что наиболее полно понятие залога выявляет концепция о функционально-семантическом поле залоговости (ФСП залоговости). ФСП определяется «как система разноуровневых средств данного языка (морфологических, синтаксических, словообразовательных, лексических, а также комбинированных – лексико-синтаксических и т. д.), объединенных на основе общности и взаимодействия их семантических функций» [Бондарко, 2006: 210].

В функционально-семантическом поле залоговости не обладают особой значимостью отношения между формами актива и пассива. В данном случае нам представляется важным, что в бурятском языке данные отношения не имеют непосредственного отношения к категории залога [ГБЯ, 1962: 199]. Что касается категории переходности/непереходности в бурятском языке, то здесь наблюдается та же картина. Если в русском языке категория залога связана с переходностью/непереходностью, то в бурятском языке глагол страдательного залога может быть переходным, т. е. может управлять прямым дополнением [ГБЯ: 198, 235]. К прямому (или основному) залогу относятся как переходные, так и непереходные глаголы, не имеющие каких-либо морфологических показателей. Глаголы данного вида залога являются исходными основами для остальных четырех залогов (побудительный, страдательный, взаимный, совместный). На наш взгляд, в основе категории залога в бурятском языке лежит неопозитивное различие.

Так, «неопозитивное различие заключено в содержательной структуре категории залога в тех языках, где эта категория не ограничивается оппозицией актива и пассива, а выступает как сложное многочленное соотношение, в котором так или иначе представлены естественные классы, выходящие за пределы единого основания членения» [Бондарко, 1996: 37]. Таким образом, для бурятского языка функционально-семантическая категория залога представляет собой специфическую область деривационно-грамматической семантики, выражаемой пятью рядами форм прямого, побудительного, страдательного, совместного и взаимного залогов, т. е. неопозитивным многочленным соотношением. Представляется, что категория залога в бурятском языке больше семантическая категория.

Соответственно, одним из основных вопросов является: это формообразование или словообразование? Правомерность описания залогообразования при исследовании деривационного механизма бурятского языка большинством бурятоведов не оспаривалась, превалирующей считалась точка зрения Г. Д. Санжеева, что в бурятском языке «залоговые основы должны рассматриваться в плане словообразования, так как они не могут быть формами одного и того же глагола» [Санжеев, 1958: 4]. Кстати, далее в работе залоговые глаголы называются формами глаголов [Санжеев, 1958: 201, 206]. К сожалению, путаница в терминологии наблюдается также в работах Ц. Б. Цыдендамбаева, У. Ж.-Ш. Дондукова и других монголоведов. У.-Ж. Ш. Дондуков вслед за Г. Д. Санжеевым ставит под сомнение формообразовательные значения залоговых аффиксов, считая залоговые глаголы «вполне самостоятельными и совершенно независимыми основами» [Дондуков, 1964: 144].

Глаголы с залоговыми аффиксами имеют самостоятельное значение, отличное от семантики производящего. «Морфологические показатели залога являются одновременно лексическими показателями, посредством которых образуются новые глаголы с новыми значениями; глагольные основы могут сочетаться с несколькими аффиксами залогообразования, поскольку являются словообразовательными аффиксами» [Дондуков, 1964: 232].

Например, суффикс побудительного залога *-уул* способен присоединяться к показателям взаимного, совместного залогов: *абалсаха* `получить вместе` (взаимный залог) — *абалсуулха* `дать возможность получить` (побудительный залог), *барилдаха* `бороться` (совм. залог) — *барилдуулха* `заставлять бороться` (побуд. залог).

Кроме того, залоговые суффиксы в бурятском языке исторически имели словообразовательное значение, в результате опрощения граница морфемного шва исчезла в образованных ими глагольных основах, залоговые суффиксы тесно и органически срослись с производящими основами. Например, потеряны деривационные связи между *оршуул-* `переводить` и *оршо-* `поворачиваться, околачиваться, вертеться`, *суглуул-* `собирать` и *сугла-* `собираться`.

Таким образом, аффиксы залогообразования выступают не в качестве формального показателя деривационного преобразования «глагол — глагол», они являются семантически необходимыми для преобразования смысла «глагольное действие — другое глагольное действие». Данная точка зрения подтверждается способностью залоговых аффиксов образовывать глаголы от именных основ, например: *шааса* `один удар кулаком` → *шаасалдаха* `боксироваться`, *боосо* `пари` → *босолдо* `спорить, держать пари`, *нюрган* `спина` → *нюргалдаха* `поворачиваться спиной`.

Для бурятского языка характерна высокая упорядоченность аффиксов, при которой все элементы взаимозаменяемы при одной и той же константе (корневой морфеме). Для такой организации применимо понятие парадигматического порядка. Данным признаком обладают словоизменительные аффиксы падежей, притяжания. Словообразовательные аффиксы, присоединение которых влияет на лексическое значение корня, составляют единицы непарадигматического порядка [Кузьменков, 1983]. Проиллюстрируем это на дериватах словообразовательного гнезда с вершиной *буудаха* `стрелять`: глаголы побудительного залога *буудуул* — `заставить стрелять`, страдательного залога *буудагда* — `быть подстреленным`, совместного залога *буудалса* — `стре-

лять вместе с кем-либо`, взаимного залога *буудалда* — `перестреливаться`. Как видим, при помощи аффиксов образуются совершенно самостоятельные слова с самостоятельным значением. Таким образом, в парадигму глагольного слова обязательно входят глаголы, образованные при помощи залоговых аффиксов, т. е. глагол в своей грозди дериватов дает прогнозируемый веер залоговых глаголов. Распределение слов в грозди данной части речи также высвечивает и другую закономерность, связанную со словообразующими способностями лексем: глагол прежде всего образует глагольные слова.

Итак, специфической областью бурятского языка является внутриглагольное словообразование, характеризующееся залогообразованием, которое относится к сфере деривации. В связи с этим неправомерно употребление понятия «форма» и «залоговые формы» применительно к залоговым глаголам.

3.2 Последовательная производность как универсальное свойство словообразовательной системы бурятского языка

В современной дериватологии понятие словообразовательной цепи (на раннем этапе изучения данного языкового явления более употребительным был термин «цепочка») стало активно внедряться в метаязык лингвистики в связи с изучением словообразовательного гнезда, хотя последовательная производность слов была обнаружена лингвистами уже в конце XIX в. «Мы видим, что появление данного слова предполагает существование предыдущего, это, в свою очередь, возникает из другого и т. д. Пока остановимся на этом наблюдении, хотя оно не может нас удовлетворить, так как невозможно допустить, не впадая в мистицизм, чтобы ряды слов продолжались до бесконечности и чтобы язык не имел начала» [Потебня, 1968: 21]. Таким образом, А. А. Потебня предвосхитил изучение такого важного феномена словообразования, как отношения последовательного подчинения.

В современной дериватологии словообразовательная цепь (СЦ), как и парадигма, является одним из способов объединения производных слов на основе корневой общности. В отличие от словообразовательной грозди, где слова находятся в отношениях равной производности, отношения в СЦ предполагают выводимость каждого последующего слова из предшествующего. Наряду с СП словообразовательные цепи выступают важными структурными компонентами словообразовательного гнезда, определяющими его мощностность и глубину.

Следует отметить, что последовательная производность — это языковой феномен особого рода, напрямую связанный с типологическими особенностями морфологической системы языка. В СЦ усложнение словообразовательной структуры происходит за счет включения форманта предшествующего компонента в мотивирующую базу последующего звена, формант при этом меняется за счет новых поступлений единиц из морфемного и морфонологического арсенала языка. Словообразовательная цепь характеризуется сложными формальными и смысловыми отношениями слов, представляющих все ее звенья. Данное разнообразие строения словообразовательных цепей создается также комбинацией слов разных частей речи в ее составе.

Определения словообразовательной цепи отражают различные аспекты изучения данного языкового явления. В самом общем виде под словообразовательной цепочкой понимается «ряд однокоренных слов, связанных между собой отношениями последовательной производности» [Тихонов, 1985: 41]. Другая точка зрения связана с мнением, что «словообразовательная цепь — развернутое в обратном направлении в виде отдельных слов многоморфемное производное» [Дашченко, 1985: 49].

Мы придерживаемся традиционной точки зрения, что словообразовательная цепь образует ряд дериватов, где мотиваторная часть последующего производного усложняется за счет формантной части предыдущего, при этом выделяются качественные и функциональные различия между ее звеньями. Наибольшей противопоставленностью характеризуются исходные и конечные звенья: исходное — производное, произво-

дящее, а конечное — производное, непродводящее; срединные звенья обладают функцией исходного (предыдущего) и качеством конечного (последующего) звена цепочки; в протяженной (распространенной) цепочке от звена к звену происходит приращение качества и уменьшение способности быть производящим. Конечное звено может входить только в одну словообразовательную цепочку, исходные же обычно входят в более чем одну [Головин, 1985: 213–214].

Для понимания сущности словообразовательной цепи важно определить характер отношений между звеньями, поскольку «в последующем слове заключено вовсе не предшествующее, а лишь отношение к нему» [Потебня, 1958: 27]. В настоящее время считается общепринятым, что словообразовательная цепь являет собой отражение синтагматических отношений в словообразовательной системе языка. С точки зрения Е. А. Земской, именно словообразовательные цепи реализуют синтагматические связи слов в гнезде; включая производные разных ступеней словообразования, они выявляют ступенчатый характер структуры гнезда [Земская, 1978а: 29].

Согласно этой точке зрения, одним из существенных признаков словообразовательной цепи в пространственной организации гнезда является ее линейный характер. Так, Г. П. Нешименко трактует словообразовательную цепь как линейное развертывание деривационного акта. По ее мнению, словообразовательная цепь — это горизонтальная фиксация последовательных деривационных шагов, завершающихся соответствующей деривационной фазой (функциональной ячейкой деривационной цепи, ассоциирующейся с определенным категориальным словообразовательным значением), численность и последовательность которых может варьироваться. Набор деривационных фаз, считает автор, охватывает все допустимые словообразовательные трансформации исходной лексемы, численность которых зависит от ряда факторов, в том числе от фонетико-морфологических особенностей основ, ее семантико-словообразовательной характеристики [Нешименко, 1987: 226].

Другие исследователи линейный характер словообразовательной цепи объясняют влиянием чисто внешних впечатлений: «цепочки, как правило, изображаются горизонтально, что создает впечатление о линейных, т. е. синтагматических, отношениях» [Гейгер, 1987: 306]. Данное замечание существенно для понимания словообразовательной цепи бурятского языка, ведь последовательная производность — это языковой феномен особого рода, напрямую связанный с морфологической структурой языка и инвентарем его словообразовательных средств. Не обязательно линейная последовательность предполагает горизонтальное построение. Представляется, что в бурятском языке последовательная производность характеризуется развертыванием по вертикали, цепочечное образование можно представить как некое нанизывание дериватов на узелки по одной вертикальной деривационной линии. Например:

Убэл `зима`
 ↓
 убэлжэ `зимовать`
 ↓
 убэлжөө `зимовка`
 ↓
 убэлжөөшэ `зимовщик`

На самом деле отношения между членами словообразовательной цепи являются парадигматическими, поскольку цепь представляет собой совокупность словообразовательных пар (убэл `зима` → убэлжэ `зимовать`; убэлжэ `зимовать` → убэлжөө `зимовка`; убэлжөө `зимовка` → убэлжөөшэ `зимовщик`), в которой каждый второй член предыдущей пары является первым членом последующей пары. Члены словообразовательных пар включают в себя общий идентифицирующий компонент «мотивирующее» (в данном случае — убэл `зима`), по которому идет сопоставление, и дифференцирующий компонент — дериватор (аффиксы), по которому происходит противопоставление. Следовательно, «это дает основание квалифицировать отношения в словообразовательных парах

(и в цепочке в целом) как парадигматические, ассоциативные» [Гейгер, 1987: 307].

Если принять во внимание, что арсенал словообразовательных средств в бурятском языке достаточно специфичен, то можно предположить, что анализ СЦ бурятского языка будет свидетельствовать о структурной организации словообразовательного гнезда в вертикальной проекции. Итак, словообразовательная цепь, как и словообразовательная парадигма, является парадигмальной единицей в структуре гнезда.

Следует отметить, что для бурятского языка характерна короткая протяженность СЦ, достаточно часто она может быть равна словообразовательной паре, но такие случаи не могут служить обоснованием для утверждения о тождественности понятий пары и цепи. Наличие двухузловой словообразовательной цепи отражает особенности морфологического строя языка и своеобразие деривационного механизма, поскольку, соответствуя по своей структуре словообразовательной паре, данные единицы просто подтверждают наличие или отсутствие словообразовательного процесса.

Что касается особенностей формирования бурятской СЦ, хотелось бы выделить еще одну его характерную черту, обусловленную агглютинативностью. Деривационный механизм характеризуется тем, что от глаголов побудительного залога в некоторых случаях образуются глаголы побудительного же залога, в свою очередь, данные дериваты образуют глаголы этого же залога, т. е. словообразовательная цепочка от основ глаголов может состоять из глаголов побудительного залога трех узлов образования, в таком случае производящим является глагол побудительного залога, образованный при помощи суффиксов *-га, -лга, -ха, -аа*: *угаа-* 'мыть' → *угаалга-* 'заставить мыть, отдавать в стирку' → *угаалгуул-* 'заставить или позволить кому-либо мыть себя или свою вещь', *нэгэд-* 'объединиться' → *нэгэдхэ-* 'заставить объединиться, т. е. объединить' → *нэгэдхүүл-* 'заставить объединить' [ГБЯ: 208–209]. Иногда глаголы побудительного залога первого или второго узла могут быть синонимами, например, глагол первого узла *үмэдхэхэ* (побуд. от *үмэдэхэ*), гла-

голы второго узла *үмэдхөөхэ* и *үмэдхүүлхэ* (побуд. от *үмэдхэхэ*) имеют одно значение 'одевать кого-л.; надевать что-л. на кого-л.'

Большое внимание дериватологи уделяют и семантической структуре словообразовательных цепей. С точки зрения А. Н. Тихонова, разная последовательность частей речи и их комбинация в словообразовательных цепочках — это и разная последовательность смыслов в их звеньях [Тихонов, 1985: 44]. Бурятская словообразовательная цепь при всем многообразии смысловых связей между однокоренными словами характеризуется ясностью и отчетливостью лексических связей, значения могут передаваться от узла к узлу по словообразовательной цепи, начиная с исходного слова и завершая последним компонентом: *аба* 'брат' → *абалга* 'прием' → *абалгаша* 'приемщик, сборщик, перен. взяточник'; *бэлэдхэ* 'приготовить' → *бэлэдхэл* 'приготовление' → *бэлэдхэлиэ* 'заготовитель'. В случаях, если исходное слово является многозначным, через всю словообразовательную цепь нередко проходит несколько его значений (в том числе и переносных). Например, от слова *дуун* '1. звук; 2. песня, голос' развивается словообразовательная цепочка *дуун* → *дуулаха* '1. слушать, слышать; 2. петь' → *дуулалга* '1. слушание; 2. пение'.

Словообразовательная цепь наглядно отражает не только формальные, но и семантические приращения в акте словообразования, т. е. последовательность передачи смыслов от деривата к деривату по цепи может прерваться. У производных слов, относящихся к различным узлам одной вертикальной линии деривации, могут развиваться свои значения, дающие жизнь новой мотивационной цепи. Новые значения могут возникнуть на любом узле цепи словообразования, включая и замыкающее слово словообразовательной цепи. Например, *дуун* → *дуулаха* '1. слушать, слышать' → *дуулбари* '1. слышимость; 2. слухи, молва' → *дуулбарида* 'по слухам'.

Такого рода семантические сдвиги типичны для бурятского языка, данное явление служит наглядной иллюстрацией образности языка. Переносные значения исходных слов, как и прямые их значения, могут передаваться от производящего к производ-

ному как эстафетная палочка, связывая все компоненты словообразовательной цепи: *муу* `плохой, дурной, скверный` → *муухай* `перен. злой` → *муухайгаар* `плохо, злобно`. Попутно отметим, что производящее *муухай* в значении `перен. злой` дает гроздь дериватов, помимо *муухайгаар* — *муухайрха* `замышлять худое`, *муухайса* `1. плохо, скверно; 2. злобно`.

Анализ формально-семантической структуры словообразовательных цепочек и, в частности, всех типов переносных значений, возникающих в ее звеньях на определенной ступени деривации, дает представление о развитии деривационных связей в бурятском языке. Слова в бурятском языке многозначны, многие из них обладают возможностью переосмысления, каждое слово стремится дать рождение как можно большему количеству дериватов. Развитие слова идет как бы вширь, веером, что дает возможность создавать грозди кодериватов и короткие по протяженности словообразовательные цепи. Минимально словообразовательная цепь состоит из одной словообразовательной пары, максимально — из семи пар. По мнению Д. А. Сусеевой, для монгольского языка характерны цепи из трех-четырёх звеньев [Сусеева, 1997]. Данное мнение основано на материале монгольского и калмыцкого языков, исследование деривационного развития слов в бурятском языке также подтверждает данное суждение. Более того, трехузелковость превалирует, при этом для бурятского языка типичны и двухузелковые цепи, хотя цепи из шести и семи компонентов также не являются редкостью. В обширном словообразовательном гнезде с вершиной *дуун*⁵, имеющем более семидесяти дериватов, насчитывается шестнадцать трехузелковых цепей, семнадцать — двухузелковых, четырехузелковых же всего пять. В целом следует отметить, что количественная составляющая дериватов данного гнезда формируется за счет многочисленности цепочек.

Появление у дериватов словообразовательных значений, отсутствующих у слов, относящихся к предыдущим узлам, иногда влечет за собой ослабление смысловых связей между ком-

---

⁵ Данное гнездо в качестве примера приводится в параграфе «Структурно-иерархическая организация словообразовательного гнезда».

понентами цепи. Нередко это ведет к потере прямой семантической соотносительности или к семантической декорреляции таких производных с исходным словом и со словами предшествующих звеньев словообразовательной цепи.

При анализе словообразовательной цепочки бурятского языка нами выявлены факты, когда отсутствие структурно-семантического соответствия между их звеньями объясняется не только специфическим набором деривационных средств, но и идиоэтническим характером номинации того или иного объекта действительности. Так, в бурятском языке от *эльгэн* 'печень' образуются словообразовательные цепочки, семантическая структура которых отличается национально-специфическим своеобразием. Исходное слово *эльгэн* в бурятском языке образует следующие группы последовательно производных номинаций: 1. *эльгэн* 'печень' → перен. *эльгэсэхэ* 'сочувствовать' → *эльгэсэнги* 'сочувственный' → *эльгэсэнгээр* 'сочувственно'; 2. *эльгэн* 'печень' → *эльгэлхэ* задушевно поговорить (или побеседовать) с кем-л.; 3. привязаться; 3. получить моральное удовлетворение (или успокоение); 3. *эльгэн* 'печень' → *эльгэтэй* 'неравнодушный кому-л.', затем от *эльгэтэй* → несколько ответвлений – цепей, равных словообразовательной паре: *буруу эльгэтэй* 'не свой, не свойский, чужой'; *хара эльгэтэй* 'чужой, досл. с черной печенью', *эхэнэр эльгэтэй (хүн)* 'ловелас, досл. человек с женской печенью', *мал эльгэтэй* 'любящий животных'.

Таким образом, анализ словообразовательной цепи в бурятском языке позволяет утверждать, что последовательная производность является универсальным свойством словообразовательной системы, наглядно отражающим основные тенденции ее развития, и свидетельствует как об общем, так и специфическом характере деривационных средств при номинации окружающей действительности. Словообразовательная цепь бурятского языка характеризуется двух- или трехузелковостью, т. е. в плане протяженности (развертывания, нанизывания дериватов) они считаются короткими. Между тем последовательность дериватов не означает горизонтальности, данное видение условно. Развитие последовательных отношений более близко к пониманию пара-

дигмальности. Анализ словообразовательной цепи в бурятском языке является подтверждением данного суждения, последовательная производность характеризует бурятский деривационный механизм в вертикальной проекции.

3.3 Словообразовательное гнездо как системная организация производной лексики

В терминологическом аппарате словообразования сложилась система метафорических терминов, отражающих природу словообразовательного процесса и в целом, и в частности. Так, наибольшее распространение получает термин «словообразовательное гнездо», использовавшееся в лингвистической литературе в значении «группа, объединение однокоренных слов» еще до начала специальных исследований в области словообразования. Так, О. С. Ахманова в словарной статье «гнездо» помимо словосочетания *словообразовательное гнездо* приводит целый ряд других использований термина: *гнездо словарное, гнездо лексическое, гнездо этимологическое, гнездо синонимическое*. Важным для методологии явилось также разведение понятий *словообразовательное гнездо* и *этимологическое гнездо* [В. В. Виноградов], *корневое гнездо*.

Метафорическое название гнезда подтверждается концентрацией объемов производных и средств их выражения. Конструктивные элементы гнезда также получили выразительные термины-метафоры (например, *цепь*, в бурятском — *ветвь*), в качестве конститuentов гнезда используются помимо термина *цепь, ветвь* такие метафорические термины, как *звенья, шаги, ступени*, в бурятском — *узел, ярус*. Разумеется, в словообразовании широко используются не только метафорические термины, но также термины, свободные от образных ассоциаций: *производящее, дериват, кодериваты* и т. д.

Развитие теории словообразовательного гнезда принадлежит русистам и связано с именами В. В. Виноградова, Г. О. Винокура, В. В. Лопатина, А. Н. Тихонова, Е. А. Земской, Е. Л. Гинзбурга,

В. Н. Немченко, И. А. Ширшова и др. Наибольший вклад в развитие теории гнезда, безусловно, внесли труды А. Н. Тихонова и его учеников [Тихонов, 1971; 1974; 1985; и др.]. Выход в свет двух лексикографических изданий А. Н. Тихонова, сначала «Школьного словообразовательного словаря русского языка» [Тихонов, 1978], а затем «Словообразовательного словаря русского языка» в двух томах [Тихонов, 1985] инициировал целое направление в русле теоретических установок выдающегося дериватолога. Гнездовое расположение производных слов используется и в монголоведении: концепция гнезда в работах Д. А. Сусеевой логически соотносится с теорией А. Н. Тихонова.

Словообразовательное гнездо (СГ) занимает одно из главных мест среди различных форм организации и упорядочения производных слов и играет значимую роль в системной организации словообразовательного уровня языка. Объединение производных слов в словообразовательных гнездах признается «наиболее сложной и наиболее завершенной формой организации производных» [Гинзбург, 1979: 156] или одной из форм «организации и обобщения словообразовательного материала» [Моисеев, 1987: 175].

При конструировании гнезд одной из важнейших задач является необходимость определить отношения подчинения и структурно-смысловой выводимости. В данном случае нам представляется важным выделение такого признака, как строго определенная структурированность и упорядоченность, в гнезде каждый дериват занимает предусмотренное системой языка и закрепленное в норме место. Насчет критерия упорядоченности существует и другая точка зрения. А. И. Моисеев считает «излишне жестким» в определении гнезда критерий упорядоченности, поскольку считает, что «совокупность слов одного корня без упорядочения составляет гнездо» [Моисеев, 1987: 173]. С этим утверждением трудно согласиться, так как форма организации гнезда предполагает отражение объективно существующих связей в языке, а конструирование гнезд — определение отношений подчинения и структурно-смысловой выводимости.

Итак, словообразовательное гнездо представляет собой системную организацию однокоренных слов, имеющую структурную и смысловую упорядоченность: у каждого деривата свое определенное системой и отношениями производности местоположение в гнезде. Элементами словообразовательного гнезда, объективирующими его смысловые и формальные стороны, выступают такие единицы, как словообразовательная пара, СЦ и СП.

С проблемой формальной организации гнезд и принципами размещения гнездовых слов в словообразовательных парадигмах и словообразовательных цепях переплетается вопрос об отношениях, объективируемых в гнезде. Устоявшаяся точка зрения о том, что в словообразовательном гнезде выражаются парадигматические, синтагматические и иерархические отношения, связана в русистике с именами А. Н. Тихонова и Е. А. Земской, в монголоведении — Д. А. Сусеевой, считающих, что парадигматический план словообразовательного гнезда представлен в словообразовательной парадигме, синтагматический план гнезда соотносится со словообразовательной цепью [Сусеева, 1997: 26].

Безусловно, отношения между элементами в гнезде не исчерпываются исключительно отношениями формальной и семантической выводимости, тем более что для словообразовательного гнезда системность связывается с возможностью иерархического классифицирования его элементов. Вероятно, что основание для такого языкового объединения, как гнездо, следует искать и за пределами языковой системы — в ассоциативном характере человеческого мышления.

Грамматический подход предполагает включение производных слов в качестве элемента определенной части речи в разные по степени обобщенности лексико-грамматические и семантические общности. Частеречный статус признается базовым, высшим в иерархии категорий, которые приобретает производное слово [Кубрякова, 1988: 156].

Системность словообразования исходит из взаимодействия категориальных значений слов — отношений между словами различных частей речи, которые пронизывают, связывают, орга-

низируют лексический состав языка. Появление в языке нового слова — морфологическим способом или путем заимствования — почти неизбежно влечет за собой появление словообразовательного гнезда, сформированного регулярными и, по сути, обязательными моделями для данного класса слов. Так, существительные в бурятском языке вызывают появление глаголов, прилагательных и существительных, глаголы — глаголов и существительных, прилагательные — существительных и наречий. Веер дериватов, представляющих собой определенные части речи, может быть на порядок шире. Такая предопределенность новых лексем языка служит базой для образования слов других классов — свидетельство продуктивности работы деривационного механизма и системности словообразования в целом, одного из самых творческих уровней языка. Однако это творчество, т. е. создание новых единиц любого порядка — узуальных, потенциальных, окказиональных, осуществляется в пределах, которые диктуются грамматикой и системой частей речи.

3.3.1 Структурно-иерархическая организация словообразовательного гнезда

Первые описания словообразовательных гнезд при изучении словообразовательной системы появились у сторонников структурной лингвистики [Соболева, 1968; Гинзбург, 1967]. Деривационная система предстает на двух уровнях — логических конструкторов (аппликативная порождающая модель) и естественного языка.

В рамках аппликативной порождающей модели словообразовательные гнезда отнесены к грамматическим единицам, а словообразовательные значения описываются как результат взаимодействия одних категориальных значений с другими. Методика аппликативного моделирования гнезда, проблема реальности словообразовательного гнезда и тождества производных лексем обсуждаются в работах Е. Л. Гинзбурга [Гинзбург, 1972, 1974], П. А. Соболевой [Соболева, 1974, 1980]; проблема типологии словообразовательного гнезда в аспекте аппликативного мо-

делирования — в работах И. В. Альтмана [Альтман, 1972, 1974]; проблема соотношения универсальных и уникальных словообразовательных гнезд в системе конкретного языка и языковой группы — в работах И. В. Альтмана, П. А. Соболевой, В. Н. Шевчука [Альтман и др., 1972] и др.

Деривационная система русского языка основана на способности слова к поступенчатому развертыванию. В словообразовательном гнезде отношения производности организует ступенчатый принцип подачи лексического материала, фиксируя положение деривата в цепи. Известно, что ступенчатость организации гнезда — понятие относительное, ведь существует понятие чересступенчатого словообразования, непрямой и неединственной мотивации [Виноградов, 1947, 1970; Винокур, 1959; Янко-Триницкая, 1963; Тихонов, 1985; Улуханов, 2005, 2007], понятие эллиптических моделей [Арутюнова, 1961: 142].

Несомненно, что изначально ступенчатый принцип организации гнезда осознавался как чисто практический прием. И. Калайдович, разрабатывая методику структурирования словарной статьи «словопроизводного словаря» (гнездового типа), предложил ступенчатый принцип организации гнезда. «Надлежит строго соблюдать последовательный порядок произвождения слов. Для сего, во-первых, нужно помнить, что как от коренного слова происходят производные, так и сии, в свою очередь, делаются корнями для производных, от которых опять рождаются новые производные. Назовем сии поколения слов ступенями <...>, расположив производные 1-й степени по старшинству частей речи и по азбучному порядку, должно располагать таким же образом производные 2-й степени» [Цит. по: Осадчий, 2008, со ссылкой Калайдович, 1824: 346].

Теоретическое осмысление ступенчатого принципа в русистике связано прежде всего с именем А. Н. Тихонова, создавшего «Словообразовательный словарь русского языка» [Тихонов, 1885].

В монголоведении описание словообразовательной системы гнездовым способом представлено в «Словообразовательном словаре калмыцкого языка» (сост. Д. А. Сусеева), где использо-

ван опыт составления «Школьного словообразовательного словаря русского языка» А. Н. Тихонова. В основе калмыцкого словообразовательного гнезда положен ступенчатый принцип: дериваты, образованные непосредственно от вершины гнезда, находятся на первой ступени, производные от них — на второй ступени и т. д. Автор четко придерживается основных постулатов гнезда: строго определенной структурированности и упорядоченности. Например, словообразовательное гнездо с вершиной *oph/x* [Сусеева, 1997: 188]:

<p>калм. oph/x <i>сбежать,</i> <i>убежать</i></p>	<p>oph-гд/x <i>страд.</i> <i>сбежать, дезертировать</i> oph-ул/x <i>побуд.</i> <i>позволять убежать</i> oph-дул <i>беглец</i> oph-лһн <i>бегство, дезертирство</i></p>	<p>ophул-лһн <i>побег</i> ophдул-ч <i>беглец, дезертир</i></p>
--	--	--

Как видим, в основе строения калмыцких гнезд, как и в словообразовательном словаре русского языка, лежит принцип последовательного подчинения одних единиц другим. Разумеется, имеются расхождения в понимании словообразовательного гнезда русского и калмыцкого языков, связанные с разноструктурностью сопоставляемых языков. «Словообразовательные гнезда в монгольских языках наряду с универсальными признаками имеют особенные, связанные с грамматическим строем монгольских языков, и специфические, связанные с национальными чертами каждого конкретного языка» [Сусеева, 1997]. В частности, в калмыцком словообразовательном словаре нередко применяется этимологический критерий и дано более широкое понимание производности по сравнению со «Словообразовательным словарем русского языка» А. Н. Тихонова. Если в словообразовательном словаре русского языка гнезда возглавляют только свободные корневые морфемы, то в калмыцком

словаре статус вершины гнезда имеют и связанные корни, так как данное явление частотно для монгольских языков. Например [Сусеева, 1997: 124]:

Ивт	-ивт – днь `насквозь`	
	-ивт – л(х) `проходить насквозь`, просачиваться	
	-ивт – р(х) `проходить насквозь`	-ивтр-кэ `сквозной, проницаемый`
		-ивт-лһн `сквозное проникновение`

Общепризнано, что одиночные производные слова обычно не рассматриваются как гнезда, хотя существует иная точка зрения, признающая минимальные гнезда из одного слова (Е. Л. Гинзбург), в типологии А. И. Моисеева одиночные слова составляют гнезда – слова. На наш взгляд, само понятие *гнездо* уже предполагает количественное соотношение «не один», поэтому, наверное, не может быть понятия «гнездо-слово» или так называемых «нулевых» гнезд, где вторым членом является потенциальный второй член гнезда, обозначаемый как «нуль». «Обязательными компонентами словообразовательного гнезда являются исходное слово и словообразовательная пара» (под исходным словом понимаем вершину гнезда) [Сусеева, 1997: 25].

Словообразовательное гнездо — это упорядоченная совокупность однокоренных слов в соответствии с их деривационными связями и взаимоотношениями. Словообразовательные гнезда являются важной лингвистической классификацией словарного состава, отражающей объективные характеристики слов — объединения по общей мотивирующей базе [Казак, 2004: 10].

Таким образом, словообразовательное гнездо понимается как строго структурированная иерархическая организация, служащая важной лингвистической классификацией словарного состава, отражающей объективные характеристики слов — объединения по общей мотивирующей базе.

При структурировании бурятских гнезд ступенчатым способом выявляется вытянутость (удлиненность) по вертикали. Проиллюстрируем это на примере бурятского словообразовательного гнезда с вершиной *дуун*:

1. Дуун «песня, голос»	дуула/ха (петь)	дуула-гда/ха (воспеваться)		
		дуула/лга (пение)		
		дуула-лда/ха (петь хором)	дуулалд-аа(н) (пение хором)	
		дуула-лса/ха (петь вместе)	дуулалсаан	
		дуулаа-ша (поющий человек, певец)		
	дуу-хан (песенка, частушка)			
дуу-шан				
ябаган дуун (частушка)				
2. Дуун «звук (старо- монг.)»	дуула/ха (слушать, слышать)	дуул-да/ха (быть слышимым, доноситься (о звуках))	дуулд-уул/ха (донести весточку)	
		дуула-гда/ха (быть выслу- шанным)		
		дуулга/ха (извещать, сообщать)	дуулгаад- хи/ха (сообщить, известить)	
			дуулга-лса/ха (передавать сообщ.,	дуулгал- сажархи- ха

Глава III Словообразовательная система бурятского языка
как совокупность словообразовательных гнезд

			извещать)	дуулгал-саадхиха
		дуула-лга (слушание)		
		дуула-ма (слышимый)	дууламаар (слышимый)	
		дуул-бари (1. слышимость, резонанс; 2. слухи, молва)	дуулбари-да (по слухам)	
		дуула-са (слышимость)		
		заабари дуулаха (выслушивать указание)		
		үгэ дуула/ха (выслушать чьи-либо слова, слушаться)	дуула-мгай (послушный)	дууламгай-гаар (послушно)
			дуулга-баритай	
			үгэ дуулааша	
	дуугар/ха (дуу гара-ха) (1. говорить, разговаривать 2. издавать звук 3. раздаваться, звучать)	дуугара-лга (разговор)		
		дуугархагуй (молчать)		
		хөөрэхэ дуугарха дуугарха бариха (говорить, рассказывать)		
		дуугар-даг звуковой (о кино)		
		дуугар-жархи/ха (сказать, сболтнуть)		
		дуугар-са (способность говорить)	дуугарса-гаа/ха (учащ.)	

			дуугарса-гуй (неразговор- чивый)	
		дуугар-уул/ха (побуд.)	дуугар- гуулха-гүй дуугаруулха- гүй (не давать говорить)	Үгэ дуугар- гуулхагүй Үгэ дууга- руулхагүй
		дуугара-лса/ха (взаимн.)	дуугаралс-аан (беседа, раз- говор)	
			дуугаралса- гда/ха (быть предметом беседы)	
	дуу-гай (тихий)	дуугай-шаг (почти молча)		
		дуугай-хан (уменьш.) (1. молчаливый 2. молчаливо, без звука); дуугайрха (молчать)	дуугайхан- аар (молча, молчком, тихо, молчаливо)	
	дуугүй (молчали- вый, без- молвный)	дуугүйгөөр (без звука, молча)		
	үгэ дуу (парное)	үгэ дуугүй (без слова, молча) үгэ дуутай (с шумом)	үгэ дуугүйгөөр (беспрекослов- но, послушно, молча)	
		дуугүй-хэн (без- ропотный)	дуугүйхэн-өөр (безропотно)	

Глава III Словообразовательная система бурятского языка
как совокупность словообразовательных гнезд

			үгэ ду- угүйхэн-өөр (без звука)	
	дуу-тай (шумный, звучный)			
	дуу-да/ха (1. звать, вызывать 2. громко читать 3. прослав- лять, кричать)	дууда-лга (1. вызов повт. 2. призыв 3. начало, зачин, призывание духов, вступ. мо- тив)	дуудалг-ын (отзывной)	
		дууд-аан (призыв, зов)		
		дууд-уул/ха (по- буд.) (1. велеть позвать 2. вызываться, быть вызванным 3. дать прочесть 4. воспеваться, славиться)		
		дууда-лда/ха (взаимн.) (перекликаться)		
		дууда-ма (зовущий)	нюдэ дуудам (привлекаю- щий взор, привлека- тельный)	
3. Дуун «голос (при вы- борах)»				

Словообразовательное гнездо бурятского языка также расширяется по вертикальным и горизонтальным осям, вместе с тем обратим внимание: при структурировании ступенчатым способом словообразовательные цепи — короткие, а парадигмы — обширные.

На наш взгляд, бурятское словообразовательное гнездо (БСГ) строится на специфических семантических основаниях. Если в русском языке СГ напоминает «ромашку», то татарское СГ построено по принципу «сот», где каждая ячейка спаяна каждой своей стороной с другими ячейками [Аминова, 1995: 43]. Если в русском языке деривационное развитие стержневого слова идет и по горизонтали, и по вертикали, в связи с этим ступенчатый способ наиболее приемлем для структурирования, то в бурятском языке несколько иная картина. БСГ больше напоминает дерево с ветвями и гроздьями.

Выразительный термин «гроздь, гроздевая структура» часто используется синтаксистами, исследующими сложноподчиненные предложения и сложные синтаксические целые. На наш взгляд, этот термин в полной мере применим к бурятскому словообразованию, он используется в некоторых работах В. В. Виноградова.

В качестве примера можно привести фрагмент словообразовательного гнезда с вершиной *дуун*:

ного развития. От ответвления со значением `звук` идут ветви *дуулаха*, *дуугарха*, *дуугай*, *дуугуй*, *дуутай*, *дуудаха*, *үгэ дуу*, от них — отростки, собирающиеся в гроздь дериватов, от деривата в грозди — свои отростки. В зависимости от степени удаленности от ствола (главного, коренного побега) дериваты цепочечно закрепляются по вертикальной оси как ветви, а по горизонтальной оси — как гроздь. Отношения внутри гроздьев — соотношения между кодериватами. Таким образом, результатом развития по вертикали является последовательная производность, когда производные вступают в отношения цепочечной, последовательной производности (ветви), результатом развития по горизонтали является образование гроздей (всеера дериватов) одного яруса.

Гроздь первого яруса от *дуун* `звук` характеризуется глаголами *дуулаха*, *дуугарха*, *дуудаха*, прилагательными *дуугай*, *дуугуй*, *дуутай*, парным словом *үгэ дуу*, каждое из них образует свои гроздь дериватов. Словообразовательную цепочку образуют ответвления по вертикали, например, *дуун* → *дуулаха* → *дуулалдаха* → *дуулалдаан*. Например, *дуугайхан*, *дуугайрха*, *дуугайшаг* — кодериваты узла *дуугай* второго яруса словообразовательного гнезда с вершиной *дуун*. Заметим, парное слово *үгэ дуу*, образованное от комплексного производящего (*үгэ* + *дуу*), находится в грозди первого ответвления, также как и слово *дуугарха*, образованное операционным способом — сращением (*дуу* + *гарха*).

Итак, словообразовательное гнездо бурятского языка — это абстрактная модель построения словообразовательной системы, где словообразовательную цепочку образуют ветви и ответвления, а гроздь образуют кодериваты, производные одного яруса, находящиеся в отношениях равнопроизводности. Таким образом, бурятское словообразовательное гнездо — это структурированная единица, состоящая из словообразовательных гроздей (парадигм) и словообразовательных (ветвей) однокоренных слов, где скрепляющим началом выступает слово, являющееся вершиной гнезда (или стволом дерева, в данном примере — *дуун*). Ствол дерева обладает гнездообразующими потенциями, выступает выразителем структурно-смыслового единства, тем самым

обеспечивая, с одной стороны, стабильность парадигмальной общности, устойчивость гнезда, с другой — динамику и развитие гнезда.

На наш взгляд, гроздевая структура более точно отражает системную организацию бурятских однокоренных слов. Словообразовательное гнездо, как крона дерева, отражает характерное свойство бурятского слова свободно соединяться с аффиксами и расширяться, ветвиться в своих дериватах и объединяться в гроздь по всем частеречным линиям. При этом отметим, что бурятское гнездо ведет себя больше как парадигмальное образование, где парадигматический план представлен обширными гроздьями и короткими цепями (ветвями), развитие идет преимущественно вширь.

При таком понимании словообразовательного гнезда требует своего решения вопрос о его вершине. Ядро синхронной словообразовательной системы формируют гнезда, которые в своем разветвлении восходят к одной вершине. В ранее приведенных примерах гнездо с вершиной *дуун* демонстрирует четкую систему упорядоченных отношений, организованных принципами нормативности, векторности и бинарности. В таких гнездах соотношение формы и смысла производящей основы и производных основывается на правилах, свойственных современному срезу словообразовательной системы. Наряду с отмеченными гнездами существуют и такие, отношения в которых не столь прозрачны. Очевидно, размытость отношений может быть вызвана историческими причинами.

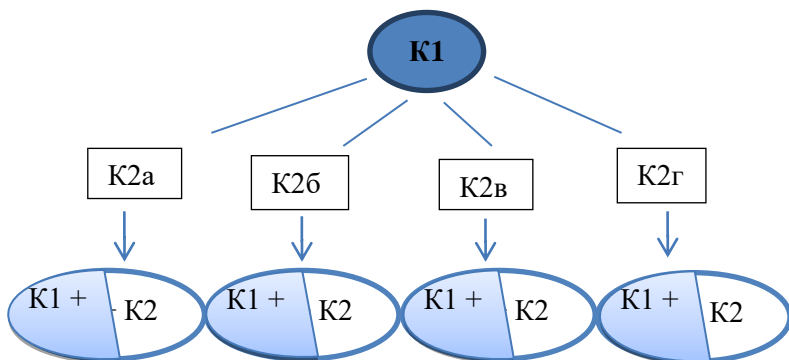
При выделении вершин в бурятских словообразовательных гнездах появляются проблемы, связанные с возникновением новых вершин в гнезде. Как считает И. А. Ширшов, они могут появиться в языке двумя путями: один путь связан с процессом опрощения, а другой — с заимствованием [Ширшов, 1999: 107, 112]. На наш взгляд, в монгольских языках в основе данного явления наряду с этими причинами могут лежать и фонетические процессы. Например (примеры из монгольского и калмыцкого языков приведены из работы Д. А. Сусеевой), в монгольском глагол *уях* в настоящее время характеризуется тремя стержне-

выми значениями: `1. привязывать; завязывать; 2. *перен.* задерживать; 3. выдерживать, тренировать лошадь (перед бегами)`. Идентичный калмыцкий глагол обладает уже двумя стержневыми значениями: `1. шить; 2. привязывать (лошадь)` [Сусеева, 1985]. В бурятском языке глагол *уяха* имеет два значения: `1. вязать, связывать; 2. привязывать (лошадь)`.

В монгольском языке гнездо формируется на основе первого и третьего значений (два ответвления от ствола), в калмыцком — основывается больше на первом значении (одно ответвление), который, кстати, отсутствует в монгольском и бурятском языках. В бурятском языке глагол создал объемное гнездо, используя оба значения, при этом образованы дериваты в переносном значении. Следует отметить, что в этом гнезде имеется только одно производное слово со значением `выдерживать лошадь перед бегом`, которое не образовало свою словообразовательную пару. Особенностью бурятского языка является то, что значение слова `шить` передается словом *оёхо*, которое создало свое словообразовательное гнездо и соответствующий ряд производных. Появление *о* на месте *у* в абсолютном начале слова и в первом слоге слова характерно для бурятского языка, развитие «оканья вместо общебурятского уканья» [Шагдаров, 1968: 156] связывают с монгольским произношением фонемы <у> [Рассадин, 1982: 10–11]. Таким образом, производные от слова *оёхо* входят в состав словообразовательного гнезда с вершиной *уяха*. И. А. Ширшов гнезда такого типа называет двухвершинными: «Если между этимологически родственными словами деривационные отношения разрушены, а семантические отношения живы, то они объединяются в одно гнездо на правах двух вершин, словообразовательно не выводимых одно из другого» [Ширшов, 1999: 43]. К бурятскому словообразовательному гнезду данный термин также применим, если под ним понимать раздвоение ствола (*уяха* и *оёхо*).

3.3.2 Словообразовательное гнездо бурятского языка (на примере словообразовательного гнезда парных слов)

В этом параграфе рассмотрим словообразовательное гнездо бурятского языка с вершиной — парное слово. Если представить гроздь дериватов как пучки слов, выходящие из одного узла, то в случае с фрагментом, где рождается парное слово, узел можно представить только как сочетание *слово + слово*. Деривационный узел, отражающий акт порождения парных слов, выглядит таким образом: $K1 + K2$, где K — компонент, соответственно $K1$ — первый компонент (повторяющийся в однокоренных дериватах), $K2$ — второй компонент, при этом $K1$ может объединяться с другими словами не единожды.

Объединение двух компонентов предполагает, что в структуре составного наименования один из них выделяет и подчеркивает какое-либо свойство-качество, выраженное другим. Сказанное позволяет считать, что при образовании парного слова какой-то из компонентов является основным носителем семы, другой же компонент помогает строить конфигурации смысла данного деривата.

Следует отметить, что особенность бурятского парного слова проявляется в том, что невозможно с точностью сказать, какой из компонентов ($K1$ или $K2$) представляет собой постоянную вели-

чину (является носителем основного значения), а какой — переменную, выполняющую модифицирующую функцию. Вопрос о доминировании компонента в смысловой структуре парного слова ждет своего отдельного исследования. Кстати, в словарных статьях парных слов имеются пометы «с некоторыми сущ. образует парные существительные, переводимые по значению первых сущ.» [БРС, 2006: 77] или же «в парн. переводится по второму члену пары» [БРС, 2008: 547–548]. Видимо, вследствие этого непостоянства компоненты в структуре составного деривата (парного слова) сохраняют значения, присущие им в свободном употреблении, их порядок следования в деривате допускает свободу перемещения компонентов, они могут меняться местами без ущерба семантике: *хул гар* и *гар хул* `конечности`, где *хул* `нога`, а *гар* `рука`, *аба эжы* и *эжы аба* `родители`, где *эжы* `мать`, *аба* `отец`. В некоторых случаях наоборот: перемена мест слагаемых влечет за собой совершенно новую конфигурацию семантики в деривате. Например, при сочетании слов *үүсхэл* `почин, инициатива` + *эдэбхи* `активность, инициатива` рождаются два новых слова: *үүсхэл эдэбхи* `дерзание` и *эдэбхи үүсхэл* `инициатива, инициативность`.

В бурятском языке словообразовательная гроздь из парных слов формирует горизонтальные «ассоциативные» отношения, в ее организации основным выступает постулат тождества/различия в виде стабильной общности K1 как повторяющегося компонента и K2 как дифференциального различающегося компонента в структуре одногроздевых дериватов, вместе с тем дериватор в данном случае неизменный — сложение двух компонентов.

Совершенно очевидно, что парные образования в одной грозди словообразовательного гнезда возникают неслучайно и нехаотично. Рассмотрим одногроздевые парные слова с K1 *абари* `поведение, поступок, нрав, характер`. K1 *абари* + K2a *ааша* → *абари ааша* `а) поведение; б) нрав, характер`, K1 *абари* + K2б *зан* → *абари зан* `а) поведение, поступок; б) нрав, характер, темперамент, натура`, K1 *абари* + K2в *хэбэр* → *абари хэбэр* `поведение, поступки, привычки`.

Каждое новое слово в грозди обладает лексической дифференциацией, получает индивидуальное значение, укладывающееся в общее родовое понятие: *абари* — *абари ааши* — *абари зан* — *абари хэбэр* со значением «поведение», т. е. образуются словообразовательные синонимы, обладающие отчетливо различимыми дифференциальными признаками до едва уловимых оттенков: *поступок, нрав, характер, действие* [подр. о словообразовательных синонимах см.: Харанутова, 2012б: 61–65]. В парных словах-синонимах одной словообразовательной грозди наблюдаются не только различия в плане выражения соответствующего понятия (различные вторые компоненты), но и различия в плане содержания. Следовательно, параллельное функционирование в бурятском языке парных слов-синонимов поддерживается разностью смыслового значения, несхожестью этих слов, различием в оттенках. Такие параллельные образования в целом функционально не противопоставлены, различия часто касаются только коннотативных свойств.

С другой стороны, слова одной грозди с К1 не всегда являются синонимами. Проиллюстрируем данное явление на примере словообразовательной грозди слов с К1 *арга* `средство, возможность, способ, прием; метод, методика; образ действий`. К1 *арга* образует новые слова, такие как *арга хаба* `возможности`, *арга оно* `выход из положения, возможность`, *арга заб* `возможность, досуг`, *арга боломжо* `возможность`, *арга туха* `возможность, ресурсы, способности, потенции, внутренние силы`. Из наблюдения за конфигурацией сем данных слов вытекает предположение, что парные слова-синонимы должны образоваться на основе сочетания слов с близкими по смыслу словами. Тем не менее при исследовании сем К1 и К2 дериватов выясняется, что вторые элементы не всегда являются синонимами не только первому компоненту, но и вторым компонентам образованных парных слов. В данном случае лексема *хаба* `сила, мощь` не синонимизирует со словами *оно* `способ, возможность`, *боломжо* `возможность, шанс`. Та же ситуация со словами *арга мур* `выход, лазейка`, *арга зам* `путь, способы`, *арга мэхэ* `лазейка, увертка`.

Несмотря на помету, что в этой грозди значения слов формируются по первому компоненту, мы наблюдаем разные слова с различными смыслами: *арга ааша* `поступки, поведение, образ действий, тактика`, *арга бааша* `ловкость, изворотливость; увертка, махинация`, *арга дүршэл* `опыт, умение, навык`, *арга онол* `секрет чего-л.`, *арга нүхэсэл* `условие, фактор, основа, предпосылка`, *арга туһаламжа* `помощь`, *арга солоохой* `сознание, соображение`, *арга хүбэ* `уловка, ухищрение, выход (из положения)`, *арга хэмжээ* `средства, меры`, *арга шүүбэри* `смекалка, умение найти выход (из положения)`, *арга шадал* `умение, сила`.

Состав словообразовательной грозди с К1 *арга* демонстрирует нам деривационный потенциал бурятских слов. Как видим, внешне отвечая условиям словообразовательной синонимии (общность одного из компонентов производящего и единство словообразовательной семантики), одногроздевые дериваты не только не склонны к семантическому дублированию, но далеко не всегда могут синонимизироваться, хотя и обладают общим повторяющимся компонентом. Будучи связанными в пределах одной грозди общностью одного из компонентов производящего, они характеризуются нетождественной семантической структурой. Это способствует тому, что парные слова удерживаются в языке не как дублетные, избыточные образования, а как специфические номинации, имеющие свою сферу функционирования в языке.

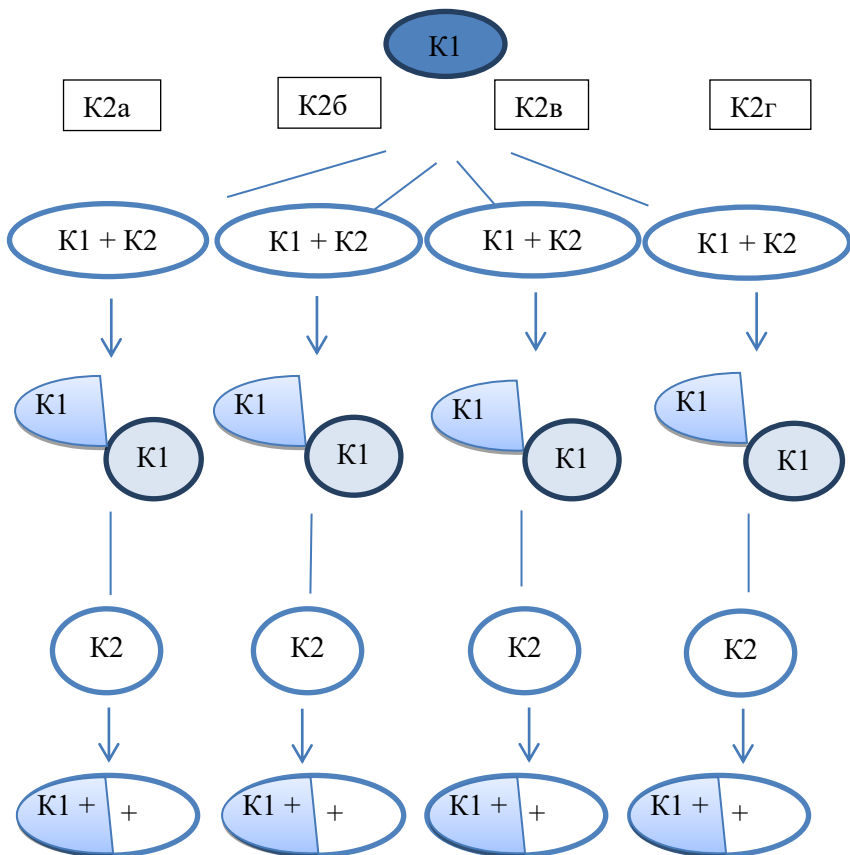
Оба компонента обобщают, соединяют свои семы, в итоге такого обобщения, актуализации возникают слова с новым смыслом. Всеми исследователями отмечается еще одна характерная особенность парных слов: объединяться могут слова-антонимы: *халуун* `1. жара, жар, зной; 2. жаркий, знойный, горячий` + *хүйтэн* `1. холод, мороз, стужа; 2. холодный, остывший, студеный, морозный; низкий (о температуре)` → *халуун хүйтэн* `температура`.

Парные слова по своей сути — новые слова, призванные выразить какую-то новую мысль. В любом случае соединение двух слов дает дополнительную смысловую информацию, при

этом рождаются и совершенно разные слова, и слова-синонимы с различными оттенками.

Далее, парные слова одной словообразовательной грозди обладают общими, пересекающимися компонентами с членами словообразовательной грозди другого гнезда, где в качестве K1 выступает один из K2. Например, *арга ааша* `поступки, поведение, образ действий, тактика` и *абари ааша* `а) поведение; б) нрав, характер` пересекаются между собой по одному признаку — значению «поступок». По-видимому, в силу своей двухкомпонентности парные слова являются членами двух гнезд одновременно.

Представленная точка зрения перекликается с концепцией Г. В. Аликаевой, считающей, что словообразовательную систему можно представить в виде иерархически устроенного упорядоченного множества (аллигатуры), где организованная совокупность гнезд и рядов с общим связующим элементом, в качестве которого выступает сложное слово, входит в состав более крупных словообразовательных единиц (конstellаций) [Аликаева, 1999: 35]. Считаем, в бурятском языке данные взаимоотношения имеют место, только носят несколько другой характер: фрагменты разных словообразовательных гнезд имеют точки соприкосновения в узлах, где они вступают в деривационные отношения с другим словом. К2 превращается в К1 другого слова из грозди чужого гнезда.

Данные фрагменты мы не можем считать расширением одного словообразовательного гнезда. Сказанное позволяет предположить, что в бурятском языке двухкомпонентность парных слов позволяет строить парадигматические отношения со словами других словообразовательных гнезд, соответственно, словообразовательные гнезда вступают в отношения контактирования и соприкосновения друг с другом.

Благодаря парным словам словообразовательные гнезда с разными вершинами связаны между собой конкретными связями. Между ними существуют точки соприкосновения, ветви и узлы «деревьев» сплетены. Вследствие этого словообразовательные гнезда бурятского языка образуют некое единое полотно. Гобелен с причудливым бурятским орнаментом, сотканный при помощи парных слов, демонстрирует неповторимость, особенность бурятского языка. Например, К1 *зугаа* `1. беседа, разговор; 2. пир, увеселение, веселье, гулянье` + К2 *наадан* `1. вечер, вечеринка *разг.*`, сложившись, образуют дериват *зугаа надан* `веселье`. К1 *зугаа* встречается в парном слове *найр зугаа* из другого словообразовательного гнезда уже в качестве второго компонента: К1 *найр* `празднество, пир, веселье` + К2 *зугаа* `1. беседа, разговор; 2. пир, увеселение, веселье, гулянье` → *найрзугаа* `пирушка, вечеринка`. Второй компонент парного слова *зугаа наадан* — *наада* в сочетании с *энеэдэн* `смех, хохот`

образовал дериват *наада энеэдэн* `а) веселье; б) насмешка; в) шутка`. Парные слова *зугаа надан* `веселье`, *найр зугаа* `пирушка, вечеринка`, *наада энеэдэн* `а) веселье; б) насмешка; в) шутка` обозначают разные понятия, относятся к различным словообразовательным гнездам.

Итак, образование парных слов строится на наращивании формальной структуры, усложнении или сужении смысловой структуры слова с помощью добавления еще одного смыслового отрезка — слова. Прибавление слова для создания новой единицы номинации происходит путем установления отношений между двумя концептами и пропозициями в сознании носителя языка. Так, к примеру, слово *залхуу зайдан* `лодырь` образовано от производящих слов *залхуу* `1. ленивый, нерадивый; 2. лентяй, лодырь` и *зайдан* `1. неоседланный, без седла; 2. открытый, голый; 3. пустой; 4. *перен.* холостой`. С другой стороны, дериват был создан путем установления соотношения между двумя пропозициями (концептами), связанными со словами *залхуу* «качество, характеризующее субъект и субъект, характеризуемый по этому качеству» и *зайдан* «субъект, не обладающий чем-либо». Развитие процессов изменения концептов, их слияния остается вне поля нашего зрения, но в результате мы имеем слово *залхуу зайдан* `лодырь`, за которым стоит пропозиция: «субъект как носитель качеств». При объединении слов в одно целое носитель языка выбирает именно эти два слова. Образование парных слов можно представить как собирание пазлов, представляющих собой разные фрагменты действительности. Поэтому при одной сборке мы получаем одну картину, при другой – перед нами совершенно новый фрагмент действительности.

Мы полагаем, что образование дериватов-парных слов продиктовано потребностью обозначить разные сущности: *зугаа надан* `веселье` обозначает абстрактное понятие «беззаботно-радостное настроение, оживленное, радостное времяпровождение» [ТСРЯ, 2010: 76], *найрзугаа* — мероприятие, обозначающее «совокупность действий, объединенных одной общественно значимой задачей» [ТСРЯ, 2010: 351], *наада энеэдэн* — это «то,

что говорится или делается не всерьез, ради развлечения, веселья; слова, не заслуживающие доверия» [ТСРЯ, 2010: 905].

Образование таких дериватов свидетельствует о взаимовлиянии лексической и словообразовательной систем и доказывает, что образование парных слов является следствием определенных словообразовательных процессов. Безусловно, именно через язык человек стремится к наиболее адекватному выражению мысли, реализации ее малейших нюансов. Появление парных слов, в основе которых лежат синонимические, антонимические, ассоциативные отношения, демонстрирует извечное стремление языка наиболее полно обозначить именуемый предмет, явление или процесс. Именно это стремление обуславливает обилие в бурятском языке парных слов.

3.4 О принципах составления бурятского словообразовательного словаря

Современная лексикография располагает значительным по объему и разнообразию материалом, представленным в словообразовательных словарях, построенных по гнездовому принципу, когда определяется производящая основа словообразовательного гнезда, устанавливаются словообразовательные структуры дериватов (производных слов) и демонстрируются их связи с производящими.

В монголоведении создание словообразовательных словарей остается важной теоретической и практической задачей, несмотря на имеющийся «Словообразовательный словарь калмыцкого языка» (составитель Д. А. Сусеева) [Сусеева, 1997]. Автором использован опыт составления «Школьного словообразовательного словаря русского языка» А. Н. Тихонова [Тихонов, 1978], который является автором «Словообразовательного словаря русского языка» [Тихонов, 1985], остающегося одним из авторитетных деривационных словарей.

Калмыцкое словообразовательное гнездо образовано согласно ступенчатому принципу, постулируемому в словообразо-

вательном словаре русского языка: дериваты, образованные непосредственно от вершины гнезда, находятся на первой ступени, производные от них - на второй ступени и т. д.

Несмотря на единый подход к структурированию, имеются значительные расхождения в моделировании гнезд, связанные с разноструктурностью русского и калмыцкого языков, поскольку структурирование словарного фонда языка гнездовым способом предопределяется системным подходом к описанию словообразовательной системы языка. Отсюда и вытекают особенности объединения однокоренной лексики гнездовым способом, в частности, в калмыцком словаре дается более широкое понимание производности, применяется этимологический критерий. В отличие от русского языка калмыцкие словообразовательные гнезда возглавляют не только свободные корневые морфемы, но и связанные, так как данное явление частотно для монгольских языков. Например:

Ивт -ивт – днь `насквозь`
-ивт – л(х) `проходить насквозь`
-ивт – р(х) `проходить насквозь`
-ивтр-кэ `сквозной, пронизаемый`
-ивт-лһн `сквозное проникновение`

[Сусеева, 1997: 129].

Как отмечает Д. А. Сусеева, «словообразовательные гнезда в монгольских языках, наряду с универсальными признаками, имеют особенные, связанные с грамматическим строем монгольских языков, и специфические, связанные с национальными чертами каждого конкретного языка» [Сусеева, 1997: 4]. На наш взгляд, имеющиеся расхождения в понимании словообразовательного гнезда русского и калмыцкого языков не дают возможности полностью развернуться калмыцкому словообразовательному гнезду.

Оценивая значимость калмыцкого словообразовательного словаря, принимая во внимание выдвигаемые Д. А. Сусеевой принципы построения и наполнения калмыцких гнезд, выскажем некоторые соображения по поводу лексикографической подачи материала в бурятском словообразовательном словаре.

Составление словаря такого типа потребовало разработки основных принципов его построения, что оказалось невозможным без тщательного изучения проблем словообразования бурятского языка, имеющих прямое или косвенное отношение к словарю, и специального исследования ряда вопросов, связанных с созданием теоретической базы словаря [Харанутова, 2012, 2014; и др.].

Проблема лексического состава гнезд решена при помощи толковых словарей бурятского языка, в работе над словником используются все издания бурятско-русских словарей, начиная от Бурят-монгольско-русского словаря (составитель К. М. Черемисов) [БРМС, 1951]. В основном лексическая база словаря базируется на Бурятско-русском словаре (составители Л. Д. Шагдаров, К. М. Черемисов) [БРС, 2006, 2008].

Особые трудности при структурировании однокоренных слов вызывают вопросы размещения однокоренных дериватов в гнездах, возглавляемых словами разных частей речи. В качестве вершин словообразовательных гнезд предлагается использовать наиболее употребительные бурятские слова. При выявлении таких слов мы опирались на алфавитно-частотный словарь Г. А. Дырхеевой, где предложен список словоформ, составленный по произведениям классика бурятской литературы Х. Намсараева и сопровождающийся количественными характеристиками (результат морфологического анализа списка словоформ представлен на компакт-диске) [Дырхеева, 2005].

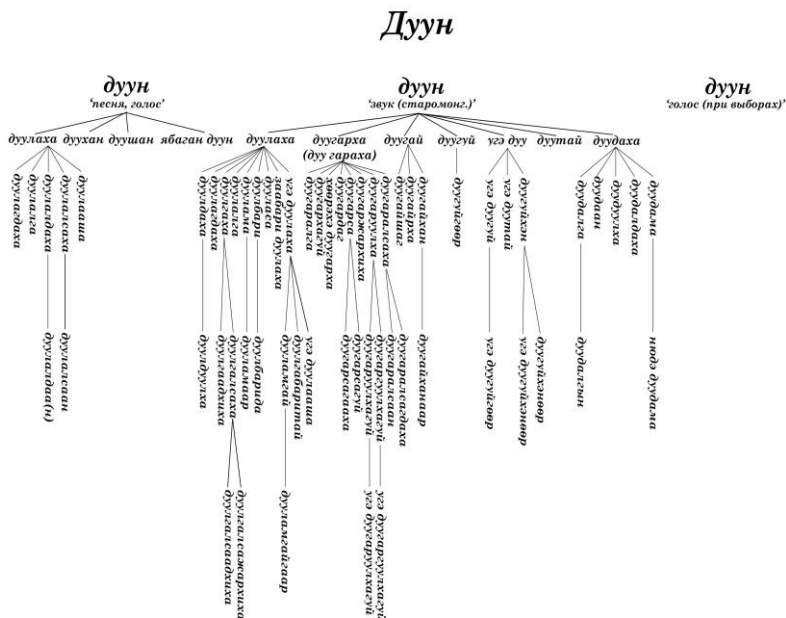
Структурирование однокоренной лексики бурятского языка требует несколько иного подхода, нежели в русском языке, в первую очередь при моделировании словообразовательного гнезда необходимо учитывать, что структурирование дериватов напрямую связано с особенностями словообразовательной системы языка. Известно, что деривационная система русского языка основана на способности слова к поступенчатому развертыванию, хотя понятно, что ступенчатость организации гнезда — понятие относительное, ведь существуют понятие чересступенчатого словообразования, непрямой и неединственной мотивации, понятие «эллиптические модели». По мнению А. А. Ами-

новой, словообразовательное гнездо русского языка напоминает «ромашку» [Аминова, 1995: 43], так как деривационное развитие идет и по горизонтали, и по вертикали, в связи с чем ступенчатый способ наиболее приемлем для структурирования.

При моделировании же бурятских гнезд ступенчатым способом обнаруживается вытянутость (удлиненность) по вертикали, так как бурятские словообразовательные цепи обрываются уже на третьей, реже четвертой ступени, а кодериваты выстраиваются в обширные парадигмы. В отличие от словообразовательной системы русского языка, где вершина гнезда традиционно расположена слева от совокупности своих производных, бурятское словообразовательное гнездо, неравномерно расширяясь по вертикальным и горизонтальным осям, строится на специфических семантических основаниях, имеет гроздевую структуру — напоминает дерево с ветвями и гроздьями [*подр.* Харанутова, 2012: 128–141].

Многозначительный термин «гроздья, гроздевая структура» часто применяется синтаксистами, исследующими сложноподчиненные предложения и сложные синтаксические целые, он используется в некоторых работах В. В. Виноградова. На наш взгляд, этот термин в полной мере применим к бурятскому словообразованию.

Данная особенность бурятского языка была проиллюстрирована нами на примере словообразовательного гнезда *дуун* [Харанутова, 2012: 138].

В нашем случае вершина находится в центре, при моделировании гнезда требуется поворот вокруг оси — вершины словообразовательного гнезда. И тогда все встает на свои места: результатом развития по вертикали является последовательная производность (ветви, в русском языке — цепочки), результатом развития по горизонтали является образование гроздей (веера дериватов, в русском языке — парадигмы) одного яруса.

Графически бурятское словообразовательное гнездо представлено из переплетений словообразовательных гроздей и словообразовательных ветвей однокоренных слов, скрепляющим началом выступает слово, являющееся вершиной гнезда (или стволом дерева), в нашем примере это *дуун*. При этом отметим, что бурятское гнездо ведет себя больше как парадигмальное образование, где парадигматический план представлен обширными гроздьями и развитие идет как бы вширь. То есть в бурятском языке доминирует горизонтальное построение, структура гнезда имеет тенденцию к расширению (на одном ярусе оказы-

ваются дериваты из одной или нескольких гроздей), превалирует двух-, трех- или четырехърусность.

Соответственно, способ подачи словообразовательных гнезд бурятского языка будет несколько иной, чем в словаре А. Н. Тихонова. За основу берется алфавитный порядок (начально-алфавитный): словарные статьи в соответствии с вершинами словообразовательных гнезд должны располагаться строго по алфавиту.

Вершина словообразовательного гнезда (исходное слово словообразовательного гнезда) выделяется полужирным курсивом, в нашем случае — **дуун**. Следует отметить, что в бурятском словообразовательном словаре переводом на русский язык снабжается только вершинное слово⁶.

Если вершинное слово многозначное, значения слов даются под римскими цифрами курсивом без полужирности, например:

Дуун

I. *дуун* `звук`

II. *дуун* `песня, голос`

III. *дуун* `голос (при голосовании на выборах)`

Дериваты гнезда выстраиваются в столбик. Слова, образованные непосредственно от вершины гнезда, пишутся с прописной буквы и будут иметь одиночную нумерацию (1, 2, 3, 4 и т. д.), например: I.1. *дуулаха*, I.2. *дуухан*, I.3. *дуушан*, I.4. *ябаган дуун*; II.1. *дуулаха*, II.2. *дуугарха*, II.3. *дуугай*, II.4. *дуугүй*, II.5. *дуутай*, II.6. *дуудаха*, II.7. *үгэ дуу*.

Дериваты, образованные от слов с одиночной нумерацией, становятся обладателями дробной нумерации (1.1., 1.2, 1.3.; 4.1., 4.2., 4.3. и т. д.), при этом в деривате каждого узелка выделяется производящая основа для последующего деривата. Например:

I. *дуу(н)*

I.1. *дуу/ла/-ха*

I.1.1. *дуула/гда/-ха*

I.1.2. *дуула/лга/*

I.1.3. *дуула/лда/-ха*

---

⁶ Планируется снабдить переводами каждый дериват в «Словаре лексико-словообразовательных гнезд бурятского языка».

I.1.3.1. дуулалд/аан/

I.1.4. дуула/лса/-ха

I.1.4.1. дуулалс/аан/

Или

II.2. дуугар-ха

II.2.1. дуугар/уул/-ха

II.2.1.1. дуугаруул-ха/гуй/

Дериватор, при помощи которого образуется производное слово, отмечается в словообразовательной структуре слова косыми линиями «/».

В связи с агглютинативностью бурятского языка на одном деривационном шаге могут присоединяться два и более однотипных аффикса, что не характерно для русского языка. Поэтому в словаре применяется знак «-», являющийся показателем того, что слово образовано коалицией суффиксов (на одном деривационном шаге присоединилось несколько суффиксов одновременно). Например:

I.1. дуулаха

I.1.9. үгэ дуулаха

I.1.9.2. (үгэ) дуул/га-бери-тай/

В словарной статье представлен ход образования нового слова. Предлагается *графически-формантный* способ, который позволит графически выразить все элементы, при помощи которых образуются слова. Такой способ подачи позволит легко ориентироваться и запоминать особенности деривационного процесса. В словаре каждый дериватор (формант словообразования, средство, при помощи которого образовано слово) имеет свое обозначение.

Приведем некоторые из них:

Аффиксальный способ — ^

Неаффиксальные способы:

+ — сложение слов, основ

// — контаминация

= — лексико-семантический.

Такой способ представления позволит легко ориентироваться и запоминать способ словообразования деривата. Например:

Дуун

I. дуу(н)

^ I.1. дуу/ла/-ха

^ I.1.1. дуула/гда/-ха

^ I.1.2. дуула/лга/

^ I.1.3. дуула/лда/-ха

^ I.1.3.1. дуулалд/аан/

^ I.1.4. дуула/лса/-ха

^ I.1.4.1. дуулалс/аан/

Или

^ I.1. дуулаха

+ I.1.9. Үгэ дуулаха

^ I.1.9.2. (үгэ) дуул/га+бари+тай/

На наш взгляд, эта система подачи словарной статьи одно-коренных дериватов бурятского языка удобна, понятна для пользователя. С другой стороны, графически-формантный способ подачи словарной статьи позволит с максимальной полнотой отобразить словообразовательную активность бурятских слов, парадигмальность бурятского словообразовательного гнезда, воспроизвести деривационную выводимость вторичных образований, показать непрерывность бурятского деривационного механизма.

ГЛАВА IV

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА: ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ, ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЙ И КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТЫ

Написание данной главы продиктовано проблемой межуровневого взаимодействия языковых единиц, предпринята попытка взглянуть на словообразовательную систему бурятского языка как интегрирующую сущность. При изучении состава и строения словообразовательной системы бурятского языка представляется важным установить точки пересечения и зоны взаимопроникновения двух уровней языка — словообразовательного, лексического.

В данной главе лексические отношения (прежде всего полисемия и синонимия) рассматриваются на фоне словообразовательных отношений, частично определяемых ими. Безусловно, что и моделирование словообразовательной структуры гнезда происходит с учетом его лексико-семантической организации в соответствии с лексико-семантическими вариантами производящего и лексическими свойствами производных.

Написание данной главы также продиктовано необходимостью освещения некоторых вопросов, свидетельствующих о правомерности исследования единиц словообразовательного уровня в плане синонимических отношений.

4.1 Бурятское словообразование: лексико-семантический аспект

Решение проблем семантического анализа мотивированных единиц, исследование принципов семантической организации системы словообразования имеют большое значение для изучения словообразовательной системы языка в целом. Идея о необходимости и целесообразности изучения системных семантиче-

ских отношений в словообразовательной системе была впервые обоснована Г. О. Винокуром [Винокур, 1959]. «Живой интерес, проявляемый <...> к проблемам семантики, объясняется тем, что значение «приводит в движение» весь механизм словообразования, определяет особенности его функционирования, лежит в основе всех словообразовательных процессов» [Тихонов, 1971: 7–8].

Рассматривая проблему системности лексики, Д. Н. Шмелев указывает на важную роль словообразования в ее системной организации. Он пишет, что «внутриязыковые отношения двусторонних единиц не исчерпываются их линейными (синтагматическими) и ассоциативными (парадигматическими) связями», которые «определяют собственную значимость каждой единицы языка» [Шмелев, 1973: 191]. По его мнению, существенным является третий вид отношений между двусторонними единицами лексики, которые он назвал эпидигматическими, или деривационными (в широком смысле слова). Раскрывая суть данных отношений, Д. Н. Шмелев приходит к выводу, что производные имеют «связанное» в деривационном отношении значение, само же исходное слово — относительно «свободное». Аналогичные отношения существуют между самими значениями многозначного слова. Когда какие-то значения квалифицируются в словарях как «переносные», это свидетельствует о том, что они воспринимаются в связи с какими-то другими значениями, то есть являются деривационно «связанными».

Итак, каждое производное слово находится не только в парадигматических и синтагматических, но и деривационных отношениях с другими словами, что в первую очередь характеризует и определяет его лексическое значение.

Рассматривая роль словообразования в системной организации лексики, А. Н. Тихонов писал: «Отражая лексические отношения производящих слов и производных, словообразование в этом случае трудится на благо лексики, выполняет системообразующую функцию в области производной лексики». Далее он заключает, что «производные слова <...> являются дважды си-

стемными: выступают как элементы лексической и словообразовательной систем языка» [Тихонов, 1989: 140].

Богатство разнообразных аффиксов, наличие среди них близких и противоположных по значению и функции определяют неизбежность параллельных образований в языке, каковыми, например, являются синонимы и антонимы.

Антонимические противопоставления и синонимические отношения широко распространены в бурятском языке и носят устойчивый характер. В словообразовательных синонимах и антонимах, возникающих в результате деривации, близкое или противоположное значение вносят словообразовательные форманты. Например, в бурятском словообразовательном гнезде при образовании словообразовательных антонимов наблюдается определенная закономерность, например: если в парадигме появляется дериват с *-гуй* `не имеющий, не обладающий` (данный аффикс этимологически восходит к отрицанию *угы* `нет`), то автоматически появляется производное слово с *-тай* в значении `имеющий, обладающий`: *нэрэгуй* `безмянный, анонимный` и *нэрэтэй* `с именем`. Или же, наоборот, стоит только в парадигме появиться деривату с *-тай*, то тут же появляется прилагательное с *-гуй*. Дериваты с противоположным значением `обладающий чем-либо` могут также образовываться при помощи аффикса *-лиг*: *мяхалиг* `мясистый, дородный` от *мяхан* `мясо`, при этом в словообразовательной парадигме присутствует антоним *мяхагуй* `худой`. Однако значение суффикса *-лиг* несколько иное: *яһалиг* `костлявый, костистый`, например, *яһалиг гар* `костистая рука` [РБС: 323]. В данном случае целесообразно говорить о предсказуемости наполнения лексико-семантических гнезд, о лакунарности гнезда.

К словообразованию прямое отношение имеет так называемая отраженная антонимия. Понятие отражения в системе производной лексики было введено В. В. Виноградовым. Семантическое отражение понимается как распространение и специальное развитие (воспроизведение) семантики противоположности исходных слов в производных дериватах. В словообразовательной антонимии преобладает отраженная антонимия

(антонимия однокоренных слов), «которые сами по себе не выражают антонимических отношений и являются антонимами, потому что антонимическими значениями обладают их производящие» [Тихонов, Пардаев, 1989]. Заимствуя антонимические значения у своих производящих, они как бы отражают их в своей семантической структуре. Если это однокоренные антонимы, то, безусловно, отраженная антонимия носит гнездовой характер.

Для бурятского языка характерен парный способ образования дериватов при помощи построения антонимических отношений словами различных частей речи: существительными — *абали үгэли* `оборот (денег, товаров)`, где *абали* `кредит`, а *үгэли* `дебет`; прилагательными — *муу һайн* `плохой, дурной, скверный`, где *муу* `плохой`, а *һайн* `хороший, добрый`. По мнению У.-Ж. Ш. Дондукова, данная особенность наиболее «ярко проявляется в именах прилагательных. Этому способствует широта семантического диапазона прилагательных, разнообразие оттенков их значений» [Дондуков, 1993: 137].

В основе антонимических и синонимических отношений кроется уникальная философская сущность самого явления, отражающего диалектическую природу ментально-языковых процессов. Проблемы антонимии и синонимии, изучение сущности, особенностей данных отношений между словами решаемы в пределах философской категории «тождество — различие». Безусловно, отношения различия и тождества становятся базовыми, организующими антонимические и синонимические связи. «Сопряжение тождества и различия эксплицирует динамическое развитие языка и его систематизацию, проявляющуюся в таких категориях, как род/вид, полисемия, синонимия, антонимия, взаимно связанных между собой, являются не просто результатом познавательной деятельности, а видятся как сам процесс познания, упорядочивания, классификации действительности, облекающей ее в языковую форму» [Шумилова, 2010: 37].

*4.1.1 Синонимические отношения
в словообразовательной системе
(на примере девербативов бурятского языка)*

Одним из проявлений системных отношений в лексике и словообразовании являются синонимические отношения однокорневых дериватов с общим словообразовательным значением, когда производные единицы вступают в деривационные отношения не только с производящими, но и параллельными образованиями.

Вопрос о таких дериватах неоднозначно решается в лингвистике. Одна из точек зрения представлена мнением ряда лингвистов, считающих данные слова словообразовательными вариантами одного и того же слова и предлагающих вывести их за пределы синонимии. Правда, в зависимости от степени семантической самостоятельности предлагается различать среди них, с одной стороны, разные слова-синонимы, с другой — словообразовательные синонимы [Ахманова, 2009; Бережан, 1967; Гречко, 1964]. Нечеткость критерия разграничения близости и тождества семантики однокоренных слов делает данный подход уязвимым. Более убедительной представляется другая точка зрения, предлагающая квалифицировать однокоренные синонимы как самостоятельные слова и отличать их от фонетических, акцентологических и формально-грамматических вариантов.

Вопрос о словообразовательных синонимах переключается с вопросом о различении собственно синонимов (т. е. слов по своему значению и употреблению не вполне тождественных) и слов-дублетов, совпадающих как по значению, так и употреблению. В этом вопросе также не существует единого мнения. Если С. Г. Бережан [Бережан, 1964, 1967] считает целесообразным отличать синонимы от слов-дублетов, то З. А. Мирошникова придерживается противоположного мнения и полагает, что изложенная точка зрения несколько сужает сферу синонимии из-за вывода дублетности из круга синонимических явлений [Мирошникова, 2001: 118].

Существующее разноречие в определении понятий «синоним», «дублет», «вариант» и их взаимоотношений связано с общим подходом к проблеме синонимии, так как определение синонима связывается либо с тождеством, либо с близостью значений. В данной работе мы придерживаемся определения синонимов как слов, близких и тождественных по значению. Дублетность же рассматриваем как идеальное выражение сущности синонимии, «как кульминационную точку в развитии синонимических взаимоотношений семантически сближенных единиц» [Мирошникова, 2001: 119]. Также мы принципиально исходим из признания статуса синонимов за однокоренными производными, т. е. допускаем их самостоятельность и полноправность в номинативной сфере. Однокоренные слова, оформленные разными аффиксами, являются лексически отдельными, самостоятельными единицами.

Следует различать однокоренные слова с различной морфологической структурой (разные производящие и разные форманты, но тождественное значение) и однокоренные слова, имеющие одно производящее, но отличающиеся разными аффиксами с тождественными значениями. Первую разновидность слов можно безоговорочно отнести к лексическим синонимам, так как в основе образования данных дериватов лежат разные производящие. Например, синонимы *дуугаралга* `разговор` и *дуугаралсаан* `беседа, разговор` не только построены по разным словообразовательным типам, но и в основе их номинации лежат разные мотивирующие признаки. Одну и ту же ситуацию называют *дуугаралга* и *дуугаралсаан*, но в первом случае значение «разговор» осмысливается вне зависимости от участников данной ситуации, а во втором случае данная сема связана со значением совместности и участия в этом акте. Производящим для *дуугаралсаан* `беседа, разговор` является глагол взаимного залога *дуугаралсах* `разговаривать о многих`, для *дуугаралга* — *дуугарха* `говорить, разговаривать`. Та же картина наблюдается в случае образования дериватов *дуулалга* `пение` и *дуулалдаан* `пение хором`: если в основе *дуулалга* `пение` лежит сам процесс отвлеченного действия, то в основе *дуулалдаан* лежит про-

цесс совместного пения. Итак, это однокоренные синонимы, но не словообразовательные, так как имеют разные производящие: *дуулаха* `петь` → *дуулалга* `пение`, *дуулалдаха* `петь хором` → *дуулалдаан* `пение хором`.

Вторую группу слов составляют словообразовательные синонимы, являющиеся разновидностью синонимов. При словообразовательной синонимии происходит создание нового слова при тождестве производящего и прибавления синонимических аффиксов. Проиллюстрируем данное явление на примере словообразовательных синонимов *дуулбари* `1. слышимость, резонанс; 2. слухи, молва` и *дууласа* `слышимость`. Во-первых, это дериваты одной грозди, образованные при помощи синонимичных отглагольных аффиксов *-бари* и *-са*, во-вторых, они характеризуются близостью лексического и словообразовательного значений. Между тем тождественности значения между этими дериватами не наблюдается, так как аффикс *-са* образует от глагола *дуулаха* (в первом значении `слышать`) отвлеченное существительное со значением процесса действия — *дууласа* `слышимость`. Аффикс *-бари* при образовании деривата *дуулбари* вносит значение результата действия, это не просто *слышимость*, это *резонанс*, при этом в деривате получило развитие переносное значение производящего *дуулаха*, связанное с еще одним участником речевой ситуации: *слушать кого-то* или *слышать что-то*. Существующая асимметрия между означаемым и означающим, когда одно и то же деривационное значение может быть выражено с помощью разных аффиксов, не означает, что словообразовательная синонимичность возникает чисто механическим путем: от присоединения к одной и той же основе различных, хотя и синонимичных формантов. Огромное значение при образовании параллельных номинаций имеет семантика производящего. Общность материальной части — корневой морфемы, с одной стороны, предопределяет понятийное тождество рассматриваемых единиц, с другой — вносит различие в означаемое. Безусловно, «синонимичность всей словоформы возникает не только при совпадении значений разных суффиксов, сколько при взаимодействии семантики основы с семантикой

суффикса» [Чареков, 1999: 97]. Таким образом, при словообразовательной синонимии рождаются новые слова с различными оттенками значений.

Явления словообразовательной синонимии наиболее полно раскрываются на примере отглагольных существительных (девербативов), так как в бурятской языковой системе глагол занимает особое место, многие явления в языке непосредственно связаны с семантикой глагола и его грамматическими свойствами. Вопрос о словообразовательных возможностях глагольных основ в плане данной деривации решался в русистике многими исследователями (Г. О. Винокур, А. А. Потебня, В. В. Виноградов, З. А. Мирошникова и др.), в монголоведении — С. Л. Чарековым, У.-Ж. Ш. Дондуковым.

Чем же обусловлено появление параллельных производных имен действия при одной глагольной основе? Следует ли рассматривать такие факты, как «издержки» словообразования, как словообразовательную избыточность, приводящую к появлению в языке абсолютных синонимов, дублетов? Позволим объединить словообразовательные синонимы-девербативы в деривационные ряды. Мы рассматриваем деривационный ряд (вслед за З. А. Мирошниковой) как объединение разноаффиксальных дериватов одной грозди с общим словообразовательным значением [Мирошникова, 2001]. Словообразовательные ряды отвлеченных существительных со значением действия-состояния представлены в бурятском языке различными структурными типами.

Двучленные деривационные ряды:

1. $V \rightarrow S$ (-лга/-лгэ/-лго) — S (-л):

булимтара- → *булимтаралга* — *булимтарал* `захват, агрессия`
зүбишөө- → *зүбишөөлгэ* — *зүбишөөл* `одобрение, согласие, разрешение`

гашуда- → *гашудалга* — *гашудал* `горесть, печаль, тоска`
дэмнэ- → *дэмнэлгэ* — *дэмнэл* `поддержка, помощь, содействие`.

2. $V \rightarrow S$ (-лта/-лтэ/-лто) — S (-аан):

нэрье- → *нэрьелтэ* — *нэрьеэн* `грохот, шум`
дэби- → *дэбилтэ* — *дэбээн* `взмах крыльями`
дүрье- → *дүрьелтэ* — *дүрьеэн* `галдеж, шумиха`

3. $V \rightarrow S$ (-лга/-лгэ/-лго) — S (-бари):

мүихэ- → *мүихэлгэ* — *мүихэбэри* `следствие, допрос, дознание`

угаа- → *угаалга* — *угаабари* `мытьё, обмывание, стирка`

угта- → *угталга* — *угтабари* `встреча`.

Трехчленные деривационные ряды:

4. $V \rightarrow S$ (-лга/-лгэ/-лго) — S (-лта/-лтэ/-лто) — S (-л):

аша- `выючить, навьючивать, грузить, нагружать, наваливать, взваливать` → *ашалга* `1. погрузка; 2. обложение налогом` -*ашалта* `1. погрузка; 2. груз, тяжесть, поклажа; 3. перен. задание, поручение` -*ашал* `плата, воздаяние (ирон.)`

5. $V \rightarrow S$ (-лга/-лгэ/-лго) — S (-лта/-лтэ/-лто) — S (-л):

заһа- → *заһалга* — *заһалта* — *заһал* `исправление, поправка, ремонт`

Нэхэ- → *нэхэлгэ* — *нэхэлтэ* — *нэхэл* `прибавление, увеличение`.

6. $V \rightarrow S$ (-лга/-лгэ/-лго) — S (-лта/-лтэ/-лто) — S (-бари):

түлэ- → *түлэлгэ* — *түлэлтэ* — *түлбэри* `плата, оплата, платеж`

жэшиээ- → *жэшиээлгэ* — *жэшиээлтэ* — *жэшиээлбэри* `сопоставление, сравнение`

заһа- → *заһалга* — *заһалта* — *заһабари* `поправка, исправление, ремонт`.

Четырехчленные деривационные ряды:

7. $V \rightarrow S$ (-лга/-лгэ/-лго) — S (-лта/-лтэ/-лто) — S (-бари) — S (-дал):

асуу- `спрашивать, задавать вопрос` → *асуулга* `опрос` — *асуулта* `вопрос, запрос; опрос; допрос` — *асуулбари* `редко вопрос` — *асуудал* `вопрос`.

Итак, словообразовательное развертывание исходных глагольных основ обобщенно можно представить в виде следующей схемы:

1. $V \rightarrow S$

2. $V \rightarrow SI \rightarrow S2$

3. $V \rightarrow SI \rightarrow S2 \rightarrow S3$

4. $V \rightarrow SI \rightarrow S2 \rightarrow S3 \rightarrow S4$.

Схема отражает словообразовательные возможности глагольных основ, служащих производящими для девербативов (*асууха* → *асуулга* — *асуулта* — *асуулбари* — *асуудал*), для образования которых используются синонимичные аффиксы, выражающие словообразовательное значение «отвлеченное действие/состояние». Установленные структурные типы иллюстрируют характер семантического взаимодействия параллельных производных имен действия одной словообразовательной грозди (словообразовательных синонимов), образующих деривационные ряды однофункциональных единиц.

Сведенные в такие ряды производные единицы образуют микросистемы, в которых элементы не противопоставляются друг другу в функциональном плане. При этом комбинация структурных элементов производных единиц, сочетательные свойства производящих основ, их взаимодействие с деривационными формантами обнаруживают себя не как случайные явления, а как определенные закономерности, структурные же ограничения со стороны производящих основ незначительны.

Исследование показывает, что параллельные образования в одной грозди возникают неслучайно и нехаотично. Появление и существование разноформленных производных с общим словообразовательным значением отвлеченного действия/состояния закономерно и обусловлено рядом причин. Во-первых, в бурятском языке параллельное функционирование разносUFFIXальных форм девербативов поддерживается многозначностью мотивирующих глаголов, например, полисемант *асуу* `спрашивать, задавать вопрос` образует четырехчленный ряд синонимов-девербативов: *асуулта* `вопрос, запрос; опрос; допрос`, *асуулга* `опрос`, *арад бугэдын асуулга* `всенародный опрос, референдум`, *асуулбари* `редко вопрос`, *асуудал* `вопрос`. Каждый девербатив обладает лексической дифференциацией, получает индивидуальное значение, укладываемое в общее родовое понятие⁷.

---

⁷ В русском языке появление различных словообразовательных форм связывают с потребностью дифференциации «видовых оттенков» производящего глагола (*блестеть* — *блеск*: *блистать* — *блистание*) [Винокур, 1928: 82].

Во-вторых, девербативы одной грозди различаются в лексическом плане. Исходная глагольная основа реализуется в словообразовательных синонимах, обладающих отчетливо различимыми дифференциальными признаками до едва уловимых оттенков: *заһалга* 1) `исправление, починка; 2) вычитка; 3) приготовление к выдаче замуж; 4) кастрация, кастрирование` — *заһалта* `1) исправление, поправка; 2) починка, ремонт; 3) надрезанная кожа (на бараньей голове)` — *заһал* `исправление, поправка; починка; 2) снаряжение; убор, убранство, украшение, наряд; 3) *старом.* лечение, терапия; молебен для выздоровления больных; 5) повторный обряд; 6) *будд.* обряд для устранения нежелательных явлений; 7) приданое`.

В-третьих, параллельными образованиями осуществляется дифференцированная реализация словообразовательной семантики, объединяющей разносуффиксальные производные в рамках одного словообразовательного ряда: *ашаха* → *ашалга* «отвлеченное действие по глаголу» — имя действия и *ашалта* — имя результата, то же самое *нэмэхэ* → *нэмэлгэ* «отвлеченное действие по глаголу» — имя действия и *нэмэлтэ* — имя результата.

Таким образом, у девербативов наблюдаются не только различия в плане выражения соответствующего понятия, но и различия в плане содержания и функций. Однако параллельные образования в целом функционально не противопоставлены, различия часто касаются коннотативных свойств. Это и определяет эквивалентный, синонимический характер внутрипарадигматических отношений (внутри каждой грозди глагольных слов) на словообразовательном уровне в данной области деривации.

Внешне отвечая условиям словообразовательной синонимии (общность корневой морфемы и единство словообразовательной семантики), параллельные девербативы не только не склонны к семантическому дублированию, но далеко не всегда могут синонимизироваться. Будучи связанными в пределах деривационного ряда общностью производящей основы и ядерной части словообразовательной семантики (что обуславливает их семантическое единство), параллельные имена действия характеризуются нетождественной семантической структурой и специ-

фической валентностью [Чареков, 1999: 96–103]. Это способствует тому, что словообразовательные синонимы удерживаются в языке не как дублетные, избыточные образования, а как специфические номинации, имеющие свою сферу функционирования в языке.

Существуют также ограничения, которые определяют нерегулярность образования девербативов с тем или иным аффиксом. Появление разноаффиксальных типов отглагольных имен вызвано прежде всего особенностями условий словопроизводства в процессе транспозиции глагольных основ в именной класс слов.

Ограничения носят как экстралингвистический характер, так и лингвистический. Несомненно, что проблемы ограничений при образовании синонимов, взаимодействие семантики основы и семантики дериватора и другие требуют дальнейшего исследования.

Образование таких дериватов свидетельствует о взаимовлиянии лексической и словообразовательной систем и доказывает, что образование синонимов является следствием определенных словообразовательных процессов. Безусловно, именно через язык человек стремится к наиболее адекватному выражению мысли, реализации ее малейших нюансов. Появление словообразовательных синонимов демонстрирует извечное стремление языка наиболее полно обозначить именуемый предмет, явление или процесс. Именно это стремление обуславливает обилие в бурятском языке однокоренных синонимов с очень тонкими оттеночными (смысловыми) и стилистическими различиями. Мы полностью разделяем мнение Л. А. Араевой, считающей, что «данный языковой феномен можно рассматривать как один из показателей динамики языка» [Араева, 1994: 147]. Считаем, что наличие синонимов (лексических, среди которых различаем однокоренные и разнокоренные, и словообразовательных) свидетельствует о богатстве языка. В выявленной способности фиксировать разными единицами один и тот же фрагмент внеязыковой действительности обнаруживается вариативный характер бурятского языка. Думается, это явление можно рассматривать как конкретное проявление потенциальных возможностей развития языка.

---

*4.1.1.1 Типы деривационных рядов параллельных
имен действия*

В бурятской языковой системе глагол занимает особое место, многие явления в языке непосредственно связаны с семантикой глагола и его грамматических свойств, соответственно, работу деривационного механизма целесообразно описывать на примере глагольных слов. В связи с этим явления словообразовательной синонимии наиболее полно раскрываются на примере отглагольных существительных (девербативов). Вопрос о словообразовательных возможностях глагольных основ в плане данной деривации решался в русистике многими исследователями (Г. О. Винокур, А. А. Потебня, В. В. Виноградов, З. Мирошникова и т. д.), в монголоведении — С. Л. Чариковым, У.-Ж. Ш. Дондуковым.

В данном параграфе ставится задача установления структурных типов и характера семантического взаимодействия параллельных производных имен действия одной словообразовательной грозди (словообразовательных синонимов), образующих деривационные ряды однофункциональных единиц.

Перейдем к рассмотрению вопроса о том, чем обусловлено появление параллельных производных имен действия при одной глагольной основе. Следует ли рассматривать такие факты, «издержки» словообразования, как словообразовательную избыточность, приводящую к появлению в языке абсолютных синонимов, дублетов, как утверждают многие исследователи.

Вслед за З. А. Мирошниковой, деривационный ряд определяется как набор деривационных моделей, свойственных для той или иной производящей основы, включающий все ее допустимые словообразовательные модификации [Мирошникова, 2001]. Деривационный ряд характеризуется как объединение разноаффиксальных дериватов одной грозди с общим словообразовательным значением. Сведенные в деривационные ряды производные единицы образуют микросистемы, в которых элементы не противопоставляются друг другу в функциональном плане. При этом комбинация структурных элементов производ-

ных единиц, сочетательные свойства производящих основ, их взаимодействие с деривационными формантами обнаруживают себя не как случайные явления, а как определенные закономерности, структурные же ограничения со стороны производящих основ незначительны.

Явление активизации параллельных типов имен действия было отмечено Г. О. Винокуром, который утверждал, что появление различных словообразовательных форм связано с потребностью дифференциации «видовых оттенков» производящего глагола, например: *блестеть* — *блеск*: *блистать* — *блистание* [Винокур, 1928: 82].

Словообразовательные ряды отвлеченных существительных со значением действия–состояния представлены в бурятском языке различными структурными типами. Параллельные имена действия объединяются в ряды на основании двух признаков: общности мотивирующей основы и общности словообразовательной семантики. Рассмотрим данное явление на выведенных структурных типах. Критерием общности словообразовательной семантики является взаимозаменяемость в тождественном контексте, а также совпадение лексических связей.

Двучленные деривационные ряды:

8. $V \rightarrow S$ (-лга/-лгэ/-лго) — S (-л):

булимтара- → *булимтаралга* — *булимтарал* `захват, агрессия`
зүбишөө- → *зүбишөөлгэ* — *зүбишөөл* `одобрение, согласие, разрешение`

гашууда- → *гашуудалга* — *гашуудал* `горесть, печаль, тоска`
дэмнэ- → *дэмнэлгэ* — *дэмнэл* `поддержка, помощь, содействие`.

9. $V \rightarrow S$ (-лта/-лтэ/-лто) — S (-аан):

нэрье- → *нэрьелтэ* — *нэрьеэн* `грохот, шум`
дэби- → *дэбилтэ* — *дэбеэн* `взмах крыльями`
дүрье- → *дүрьелтэ* — *дүрьеэн* `галдеж, шумиха`

10. $V \rightarrow S$ (-лга/-лгэ/-лго) — S (-бари):

мүихэ- → *мүихэлгэ* — *мүихэбэри* `следствие, допрос, дознание`

угаа- → *угаалга* — *угаабари* `мытьё, обмывание, стирка`

угта- → *угталга* — *угтабари* `встреча`.

Трёхчленные деривационные ряды:

11.V→S (-лга/-лгэ/-лго) — S (-лта/-лтэ/-лто) — S (-л):

аша- → *ашалга* — *ашалта* — *ашал*

ашаха `выючить, навьючивать, грузить, нагружать, наваливать, взваливать`.

ашалга `1) погрузка; 2) обложение налогом`.

ашалта `1) погрузка; 2) груз, тяжесть, поклажа; 3) *перен.* задание, поручение`.

ашал `плата, воздаяние (ирон.)`.

12.V→S (-лга/-лгэ/-лго) — S (-лта/-лтэ/-лто) — S (-л):

заһа- → *заһалга* — *заһалта* — *заһал* `исправление, поправка, ремонт`

нэхэ- → *нэхэлгэ* — *нэхэлтэ* — *нэхэлэл* `прибавление, увеличение`.

13.V→S (-лга/-лгэ/-лго) — S (-лта/-лтэ/-лто) — S (-бари):

түлэ- → *түлэлгэ* — *түлэлтэ* — *түлбэри* `плата, оплата, платеж`

жэшиээ- → *жэшиээлгэ* — *жэшиээлтэ* — *жэшиээлбэри* `сопоставление, сравнение`

заһа- → *заһалга* — *заһалта* — *заһабари* `поправка, исправление, ремонт`.

Четырёхчленные деривационные ряды:

14.V→S (-лга/-лгэ/-лго) — S (-лта/-лтэ/-лто) — S (-бари) — S (-дал):

асуу- → *асуулга* — *асуулта* — *асуулбари* — *асуудал*;

асууха `спрашивать, задавать вопрос`;

асуулта `вопрос, запрос; опрос; допрос`;

асуулга `опрос`, *арад бүгэдын асуулга* `всенародный опрос, референдум`;

асуулбари `редко вопрос`;

асуудал `вопрос`.

Итак, словообразовательное развертывание исходных глагольных основ обобщенно можно представить в виде следующей схемы:

5. $V \rightarrow S$
6. $V \rightarrow SI \rightarrow S_2$
7. $V \rightarrow SI \rightarrow S_2 \rightarrow S_3$
8. $V \rightarrow SI \rightarrow S_2 \rightarrow S_3 \rightarrow S_4$.

Схема отражает словообразовательные возможности глагольных основ, служащих производящими для девербативов: *асууха* → *асуулга* — *асуулта* — *асуулбари* — *асуудал*. Для образования девербативов используются синонимичные аффиксы, выражающие словообразовательное значение «отвлеченного действия/состояния».

По мнению С. Л. Чарекова, каждое сочетание морфем способно давать различные наборы синонимичных и несинонимичных словоформ, способных к самостоятельному развитию, заключающемуся в возникновении семантических сдвигов, развитию переносных значений и т. п. Существует асимметрия между означаемым и означающим: одно и то же деривационное значение может быть выражено с помощью разных аффиксов. При описании семантической близости прилагательных С. Л. Чареков обобщает, что «синонимичность всей словоформы возникает не только при совпадении значений разных суффиксов, сколько при взаимодействии семантики основы с семантикой суффикса» [Чареков, 1999: 97]. Таким образом, синонимичность не возникает чисто механическим путем от присоединения к одной и той же основе различных, хотя и синонимичных по своим значениям формантов.

Исследование показывает, что параллельные образования в одной грозди возникают неслучайно и нехаотично. Появление и существование разноформленных производных с общим словообразовательным значением отвлеченного действия/состояния закономерно и обусловлено рядом причин.

Во-первых, параллельное функционирование в бурятском языке разносуффиксальных форм девербативов поддерживается многозначностью мотивирующих глаголов, например, полисемант *асуу-* `спрашивать, задавать вопрос` образует четырехчленный ряд синонимов-девербативов: *асуулта* `вопрос, запрос; опрос; допрос`, *асуулга* `опрос`, *арад бугэдын асуулга* `всена-

родный опрос, референдум`, *асуулбари`редко* вопрос`, *асуудал`* вопрос`. Каждый девербатив обладает лексической дифференциацией, получает индивидуальное значение, укладываемое в общее родовое понятие.

Во-вторых, девербативы одной грозди различаются в лексическом плане. Исходная глагольная основа реализуется в словообразовательных синонимах, обладающих отчетливо различимыми дифференциальными признаками до едва уловимых оттенков: *заһалга* — *заһалта* — *заһал`* исправление, поправка, ремонт`.

В-третьих, параллельными образованиями осуществляется дифференцированная реализация словообразовательной семантики, объединяющей разносуффиксальные производные в рамках одного словообразовательного ряда: *ашаха* → *ашалга* «отвлеченное действие по глаголу» — имя действия и *ашалта* — имя результата, то же самое *нэмэхэ* → *нэмэлгэ* «отвлеченное действие по глаголу» — имя действия и *нэмэлтэ* — имя результата.

Таким образом, у девербативов наблюдаются не только различия в плане выражения соответствующего понятия, но и различия в плане содержания и функций. Однако параллельные образования в целом функционально не противопоставлены, различия часто касаются коннотативных свойств. Это и определяет эквивалентный, синонимический характер внутрипарадигматических отношений (внутри каждой грозди глагольных слов) на словообразовательном уровне в данной области деривации.

Внешне отвечая условиям словообразовательной синонимии (общность корневой морфемы и единство словообразовательной семантики), параллельные девербативы не только не склонны к семантическому дублированию, но далеко не всегда могут синонимизироваться.

Будучи связанными в пределах деривационного ряда общностью производящей основы и ядерной части словообразовательной семантики (что обуславливает их семантическое единство), параллельные имена действия характеризуются нетождественной семантической структурой и специфической валентностью [Чареков, 1999: 96–103]. Это способствует тому,

что словообразовательные синонимы удерживаются в языке не как дублетные, избыточные образования, а как специфические номинации, имеющие свою сферу функционирования в языке.

Существуют также ограничения, которые определяют нерегулярность образования deverbatивов с тем или иным аффиксом. Появление разноаффиксальных типов отглагольных имен вызвано прежде всего особенностями условий словопроизводства в процессе транспозиции глагольных основ в именной класс слов. Ограничения носят как экстралингвистический характер, так и лингвистический. Несомненно, что проблемы ограничений при образовании синонимов, взаимодействие семантики основы и семантики дериватора и другие требуют дальнейшего исследования.

Образование таких дериватов свидетельствует о взаимовлиянии лексической и словообразовательной систем и доказывает, что образование синонимов является следствием определенных словообразовательных процессов. Безусловно, именно через язык человек стремится к наиболее адекватному выражению мысли, реализации ее малейших нюансов. Появление словообразовательных синонимов в гнезде, производных, в основе которых лежат синонимические отношения, демонстрирует извечное стремление языка наиболее полно обозначить именуемый предмет, явление или процесс. Именно это стремление обуславливает обилие в бурятском языке однокоренных синонимов с очень тонкими оттеночными (смысловыми) и стилистическими различиями. Мы полностью разделяем мнение Л. А. Араевой, считающей, что «данный языковой феномен можно рассматривать как один из показателей динамики языка» [Араева, 1994: 147]. Считаем, что наличие синонимов (лексических, среди которых различаем однокоренные и разнокоренные, и словообразовательных) свидетельствует о богатстве языка. В выявленной способности фиксировать разными единицами один и тот же фрагмент внеязыковой действительности обнаруживается вариативный характер бурятского языка. Думается, это явление можно рассматривать как конкретное проявление потенциальных возможностей развития языка.

4.1.2 Словообразовательное гнездо как лексическая микросистема

На начальном этапе своего изучения словообразовательное гнездо в отечественном словообразовании рассматривалось как структурное образование, затем как структурно-семантическое, при этом приоритетными считались вопросы словообразовательной семантики. Поворот к содержательной стороне диктует подход «от значения» к форме, содержательная сторона процессов деривации является приоритетной, поэтому актуальной становится проблема словообразовательного гнезда в его отношении к лексической семантике. Лексический, или лексико-семантический, подход к исследованию гнезд базируется на том, что в объединениях однокоренных слов сосредоточена вся информация о законах «сложения смыслов» [Ким, 1987: 76].

Лексико-семантическая линия в изучении гнезда однокоренных слов является традиционно ведущей в отечественной лингвистике. В рамках данного направления решаются вопросы корреляции элементов словообразовательной и лексической системности, их взаимного влияния, при этом гнездо однокоренных слов понимается как пространство пересечения лексических и словообразовательных системных тенденций в их нераздельности и слитности. Основным для рассматриваемого направления является то, что «при моделировании гнезда однокоренных слов учитывается не только словообразовательное значение (с захватом более высоких уровней семантической абстракции — например, категориальной), но и более глубокие уровни семантики, вплоть до индивидуально-лексического значения» [Осадчий, 2008: 20].

Как известно, семантическую структуру производного слова составляют не только словообразовательно мотивированные значения, но и категориальные, лексико-грамматические, определяющие правила вхождения слов в речь. Вместе с тем основным носителем лексической семантики в структуре слова, условно говоря, в монгольских языках является корневая морфема (в агглютинативных языках под корневой морфемой под-

разумеается слово), поэтому лексическое значение производного слова в рамках словообразовательного гнезда формируется с учетом всех указанных компонентов. Безусловно, дериваты одного словообразовательного гнезда являются лексическими единицами, а словообразовательное гнездо занимает особое место в лексико-семантической системе языка. Семантическая структура деривата определяется его словообразовательным и лексическим значениями, данные понятия глубоко взаимосвязанные: «членение слова на значимые части есть выделение в его лексическом значении семантических компонентов, выражаемых его частями» [Улуханов, 2007: 83].

Таким образом, роль и место производного слова, а соответственно, и словообразовательного гнезда в лексико-семантической системе языка неразрывно связаны с проблемой соотношения лексического и словообразовательного значений. Л. В. Щерба считал словообразовательное гнездо одной из составляющих лексико-семантической системы языка: «при последовательном проведении принципа живых словообразовательных гнезд могут получаться интересные словари, выявляющие часть той системы, которую образует лексика каждого языка» [Щерба, 1958: 77].

По определению О. П. Ермаковой, определенные типы лексических значений свойственны и определенным словообразовательным структурам, а понятия «прямое» и «переносное» значения получают разное содержание в применении к производным и непроизводным словам. Следовательно, лексическая семантика производных слов имеет свои особенности, которые не свойственны значениям непроизводных слов, поэтому производное слово выступает в лексике как особый системообразующий фактор, и эта функция обусловлена спецификой его лексического значения [Ермакова, 1984: 4].

Поскольку гнезда более других подразделений металингвистики приближаются к образу живой лексической системы, так как именно в них отражены все лексические категории: синонимия, антонимия, омонимия, конверсия, в данном разделе мы поднимаем вопросы, касающиеся и многозначности производ-

ного слова и синонимических отношений в бурятском языке. Словообразовательное гнездо, как и любая другая языковая сущность, является двусторонней единицей: имеет план содержания и план выражения. В плане содержания оно представляет собой систему словообразовательных и лексических значений слов, в плане выражения — упорядоченную совокупность одно-корневых словообразовательных структур с разными аффиксами.

Системный характер словообразовательного гнезда подтверждается однородным характером его взаимообусловленных элементов — производных слов с идентичными корневыми морфемами, которые структурируются в словообразовательные цепи и парадигмы, на основе общности корневой морфемы происходит интеграция элементов этой микросистемы в единое целое.

С точки зрения А. И. Моисеева, словообразовательные и лексические уровни взаимосвязаны, связь между ними взаимообусловленная и двунаправленная: слова «входят» в словообразование как его производящие и «выходят» из словообразования как производные [Моисеев, 1991: 88–95]. Становится очевидным, что словообразовательное гнездо нужно рассматривать как совокупность лексических единиц.

Сказанное позволяет предположить, что гнездо представляет собой систему семантической и словообразовательной деривации, так как анализ структуры и семантики словообразовательных гнезд невозможен без описания словообразовательных и лексических значений их составляющих. И. А. Ширшовым для этого типа гнезд введено понятие *лексико-словообразовательное гнездо*, где словообразовательное гнездо опирается на лексическое. По его мнению, все мотивированное в лексическом гнезде должно найти отражение в плане формальной выводимости в словообразовательном гнезде. Разумеется, это не просто соединение или наложение двух гнезд: лексического и словообразовательного. «В данном случае гнездо предстает как структурно-семантическое целое, в котором смысловые отношения между словами представлены на фоне их структурных связей, а семантический и деривационный аспекты сливаются неразрывно» [Ширшов, 1999: 14–22].

Таким образом, лексико-словообразовательное гнездо — это упорядоченная совокупность однокоренных слов, связанных мотивационными и деривационными отношениями. Гнездо указанного типа демонстрирует разветвленную систему дериватов, группирующихся вокруг вершинного слова, являющегося смысловым центром, образует связанное между собой сложное целое, в котором обнаруживаются и синонимические, и вариативные, и антонимические отношения. В целом представляется возможным рассматривать данную тенденцию как проявление симметричных потенциалов языка, как вечное его стремление наиболее полно обозначить именуемую вещь.

Таким образом, именно лексико-словообразовательное гнездо дает возможность представить гнездо как совокупность однокоренных слов в их лексических и словообразовательных связях. Гнездо указанного типа — единое структурно-семантическое целое, в котором мотивационные и деривационные отношения дополняют друг друга, и семантика производного слова представляется как синтез словообразовательного и лексического значений.

4.1.3 Лексико-словообразовательное гнездо бурятского языка: лексикографический аспект

В монголоведении описание словообразовательной системы гнездовым способом представлено «Словообразовательным словарем калмыцкого языка», составленным Д. А. Сусевой [Сусева, 1997]. При создании указанного словаря использован опыт составления «Школьного словообразовательного словаря русского языка» А. Н. Тихонова. Калмыцкое словообразовательное гнездо представлено согласно ступенчатому принципу: дериваты, образованные непосредственно от вершины гнезда, находятся на первой ступени, производные от них — на второй ступени и т. д. При таком способе отмечается словообразовательная структура производного (мотиватор и дериватор). Например, словообразовательное гнездо с вершиной **керч/х`** [Сусева, 1997: 142] представлено следующим образом:

<p>калм керч/х <i>мелко</i> <i>резать</i></p>	<p>керч-гд/х <i>страд.</i> <i>обрезаться;</i> керч -эч <i>резальщик;</i> керч -үр <i>резак, секач;</i> керч -лһн <i>нарезание;</i> керч-мр <i>отрезок;</i> керч-м <i>отрезок, кусок;</i> керч-этэ <i>надрезанный,</i> <i>подрезанный,</i> <i>нарезанный;</i> керч-мл <i>нарезанный, от-</i> <i>резанный;</i> керч-сн <i>надрезанный, от-</i> <i>резанный;</i> +керч-э</p>	<p>керчгд-лһн <i>нарезание</i></p> <p>керчэ-сн <i>разрез,</i> <i>вырез,</i> <i>надрез,</i> <i>зарубка</i></p>	<p>керчэс-тэ <i>надрезанный;</i></p> <p>керчэс-л(х) <i>делать надрез</i></p>
---	---	---	--

Как видим, в основе строения калмыцких гнезд, как и в словообразовательном словаре русского языка, лежит принцип последовательного подчинения одних единиц другим.

В словообразовательном гнезде трудно отразить мотивационные отношения между производным и производящим, главным является отражение формальной выводимости одного слова из другого. Наглядный пример — словообразовательное гнездо с вершиной *керч(х)*. В предисловии к калмыцкому словообразо-

вательному словарю указывается, что дериват *керчэтэ* может иметь в качестве мотивирующих два слова — *керч(х)* `мелко резать` и *керчэн* `надрез, зарубка`. «В связи с этим производное слово *керчэтэ* может получить двойное осмысление и двойное членение с точки зрения словообразования: 1) *керч(х)* `мелко резать` → *керч-этэ* `нарезанный` и 2) *керч(х)* `делать зарубки, надрезы` → *керч-эн* `надрез. зарубка` → *керчэ-тэ* `имеющий зарубку, надрез; с надрезом`» [Сусеева, 1997: 14]. Далее, на странице 9 дается фрагмент данного словообразовательного гнезда, где *керчэтэ* размещается на разных ступенях словопроизводства с разной словообразовательной структурой, обозначаются эти дериваты при помощи римских цифр I, II. К сожалению, в словарной статье *керч(х)* данные мотивационные связи не удается зафиксировать, производному *керчэтэ* дается толкование `нарезанный, подрезанный, нарезанный` [Сусеева, 1997: 142]. И. А. Ширшов случаи подобного рода понимает как явление поликоррелятивности [Ширшов, 1999: 23], когда слово в разных значениях имеет свое производящее, в каждом своем значении оно имеет свою словообразовательную структуру (*керчэ-тэ* и *керч-этэ*).

Как известно, одним из основополагающих понятий теоретического словообразования является понятие словообразовательной структуры производного слова. Словообразовательная структура — это соотношение двух компонентов в строении производного слова: мотиватора (компонента, представляющего в производном слове производящее) и дериватора (компонента, являющегося словообразовательным формантом или средством словообразования). Колебания в определении словообразовательной структуры и производящего для *керчэтэ* происходят из-за невозможности в словообразовательном гнезде отразить мотивационные отношения, поскольку в гнезде указанного типа основным является выявление механизма рождения одного слова на основе другого.

Примеров подобного типа в бурятском языке достаточно, чтобы говорить о том, что явление *поликоррелятивности* — довольно частое явление. Например, *тэмээшэлхэ* `1) пасти вер-

блюдов; 2) становится на четвереньки, ходить на четвереньках` образовано от разных производящих: *тэмээшэн* `верблюдовед` и *тэмэн* `верблюд`; *гүрөөһэшэлхэ* `1) охотиться на диких коз; 2) занятие охотников на диких коз`. Специфика данных слов состоит в том, что полисемия в данных словах развилась в словообразовательном акте от разных производящих. Дериват *гүрөөһэшэлхэ* в первом значении образован от существительного *гүрөөһэн* `дикая коза` при помощи сложного аффикса *-шал* (возникшего при сращении двух аффиксов: субстантивного суффикса со значением лица *-шан* и глагольного суффикса *-л*), словообразовательная структура в данном случае будет выглядеть следующим образом [*гүрөөһэ-шэл/хэ*]. Во втором случае слово образовалось от *гүрөөһэшэн* `охотник на диких коз` при помощи суффикса *-л*; словообразовательная структура при этом, естественно, будет другой: [*гүрөөһэшэ-л/хэ*]. Очевидно, что словообразовательные ветви (цепи) различаются, во втором случае она длиннее на один компонент, этим звеном является дериват *гүрөөһэшэн* `охотник на диких коз`, производящим для которого является *гүрөөһэн* `дикая коза`. Итак, особенность образования слов типа *гүрөөһэшэлхэ* `охотиться на диких коз` и *гүрөөһэшэлхэ* `занятие охотников на диких коз` в бурятском и *керчэтэ* `имеющий зарубку, надрез; с надрезом` и *керч-этэ* `нарезанный` в калмыцком заключается в том, что указанные дериваты относятся к разным конкретным словообразовательным парадигмам одного и того же гнезда, но распада на омонимы не происходит, так как значения объединены семантикой одной корневой морфемы.

Специфику данных производных слов можно отразить в лексико-словообразовательном гнезде, где каждое из значений подается со своей словообразовательной структурой, ср.:

гүрөөһэшэлхэ 1) [*гүрөөһэ(н)* -> *гүрөөһэ-шэл/хэ*]. Охотиться на диких коз; 2) [*гүрөөһэшэ(н)* -> *гүрөөһэшэ-л/хэ*]. Занятие охотников на диких коз.

В лексико-словообразовательном гнезде находит свое отражение не только явление поликоррелятивности, но и полимотивированности, случаи семантических сдвигов в словообразовательном акте, проблема соотнесенности разных значений

многозначных производящих (полисемантов) и производных. Обозначенные выше проблемы не находят своего отражения в словообразовательном гнезде, так как описание деривационного механизма носит формальный характер. В словаре калмыцкого языка имеются попытки описать словообразовательное гнездо на лексическом уровне, так как «в каждом производном слове выражено его формально-семантическое отношение к своему производящему» [Сусеева, 1997: 13]. В частности, в данном словаре даются толкования всех производных (лексические значения слов переданы на русском языке).

Итак, лексико-словообразовательное гнездо — цельно-оформленная единица, демонстрирующая словопроизводственный процесс, в которой обозначена словообразовательная структура слова, выражены мотивационные связи слов. На наш взгляд, следуя принципу наглядности, в гнезде для слов каждой парадигмы необходимо установить свой отступ от позиции вершины гнезда. В связи с тем, что гнездо лексико-словообразовательное, к каждому значению производного слова подбирается пример. Например, лексико-словообразовательное гнездо с вершиной *бата* выглядит таким образом:

Бата: 1) твердый, крепкий, прочный. Б. *бэетэй хүн* `человек атлетического телосложения, *досл.* человек крепкого телосложения`; 2) надежный, верный, постоянный. Б. *үгэ* `правдивое слово`.

Батадаха [бата > бата-да/ха]: 1) быть слишком крепким (или прочным); 2) упрочиваться, укрепляться, утверждаться (к *бата* в 1-м знач.).

Батадхал [батад(а)ха > батадха-л]: 1) упрочение, укрепление (к *батадаха* во 2-м знач.); 2) утверждение (к *батадаха* во 2-м знач.).

Батадхаха [батад(а)ха > батадха-ха] — упрочивать, укреплять (к *батадаха* во 2-м знач.).

Батажаха [бата > бата-жа/ха]. 1) упрочиваться, укрепляться, приобретать силу; 2) утверждаться, обретать устойчивость (или долговечность) (к *бата* в 1-м знач.).

Батажуула [батаж(а-ха) > батаж-уул/ха] — *побуд.* упрочивать, укреплять (к *батажаха* в 1-м знач.).

Батажуулга [батаж(а-ха) > батаж-(уу)лга] — упрочение, укрепление (к *батажаха* во 2-м знач.).

Батажал [батажа(ха) > батажа-л]: 1) упрочение, укрепление (к *батажаха* в 1-м знач.); 2) крепость, монолитность (к *батажаха* во 2-м знач.).

Батажанхай [батажа(ха) > батажа-нхай]: крепкий, *перен.* ставший на ноги (к *батажаха* во 2-м знач.).

Баталха [бата > бата-лха]: 1) подтверждать, утверждать; 2) удостоверяться, проверять; *Лабынь* Б. `выяснить достоверность чего-л.`; 3) ратифицировать; *Эсэслэн* Б. `окончательно утверждать; ратифицировать`; 4) гарантировать, заверять; 5) показывать (всем своим видом); 6) демонстрировать; 7) укреплять, скреплять.

Баталамжа [батал(ха) > батала-мжа]: 1) утверждение (к *баталха* в 1 знач.); 2) санкция, ратификация (к *баталха* в 3-м знач.). *Прокуророй баталамжатайгаар* `с санкции прокурора`; 3) выяснение (к *баталха* во 2-м знач.).

Баталагдаха [батал(ха) > батала-гда/ха] — быть утвержденным (или принятым); *страд.* утверждаться, приниматься (к *баталха* в 1-м знач.). *Тогтоомжо нэгэн дуугаар баталагдаба* `решение принято (или утверждено) единогласно`.

Баталалга [батал(ха) > батала-лга]: 1) утверждение, подтверждение. *Баталалгада табиха* `ставить на утверждение`; 2) удостоверение, выяснение.

Баталалта [батал(ха) > батала-лта]: 1) утверждение, подтверждение; 2) удостоверение, выяснение.

Баталалгагай [баталалга > баталалга-гай] — *будд.* штатный. Б. *лама* `штатный лама`.

Батаар [бата > бат-аар]. 1) твердо, крепко, прочно (к *бата* в 1-м знач.); 2) надежно (к *бата* во 2-м знач.).

Бата бүхэ [бата > бата бүхэ] — *парн.* крепкий, твердый, прочный (к *бата* в 1-м знач.). Б. *уяха* `крепко связывать`.

Бата бэхи [бата > бата бэхи] — *парн.* крепкий, твердый, прочный (к *бата* в 1-м знач.). Б. *болгохо* `укреплять, упрочивать, усиливать`.

Бата нэгэдэл [бата > бата нэгэдэл] — единение, единство (к *бата* в 1-м знач.).

Бата одон [бата > бата одон] — неподвижная звезда *астр.*

Производные внутри гнезда расположены без фиксации их словообразовательной структуры, потому что вслед за каждым заглавным словом в квадратных скобках дается словообразовательная пара в направлении от производящего к производному, например, при описании производного слова *баталамжа* указывается словообразовательная пара *батал(ха) → батала-мжа*. У производящего указываются грамматические морфемы, отсеченные сегменты (они даются в круглых скобках), показаны морфонологические явления на морфемном шве, направление словопроизводственного процесса обозначается стрелочкой. При описании производного слова *баталамжа* при помощи словообразовательной пары *батал(ха) → батала-мжа* раскрывается деривационный акт образования указанного деривата, при этом продемонстрированы мотивационные связи: дериват *баталамжа* в значении 'утверждение' образован от *баталха* в 1-м значении 'подтверждать, утверждать'; *баталамжа* в значении 'санкция, ратификация' образован от производящего *баталха* в 3-м значении 'ратифицировать'; *баталамжа* 'выяснение' образован от *баталха* во 2-м значении 'удостоверяться, проверять'. В данном случае мы наблюдаем поливариантную связь, при которой лексико-семантические варианты деривата связаны с несколькими значениями исходного многозначного слова [Шеляховская, 1987: 214].

В лексико-словообразовательном гнезде описание лексического значения слова опирается на его словообразовательные связи. Каждое производное получает семантическую (мотивированное лексическое значение слова) и словообразовательную (механизм порождения слова) характеристики. Вершина и дериваты гнезда представлены как система лексико-семантических вариантов. Например, прилагательное *бата*, являющееся вершиной гнезда, обладает двумя лексико-семантическими вариантами, образованный от него глагол *баталха* включает уже семь значений.

Производные *батадаха* и *батажалха* обладают наибольшей словообразовательной активностью в указанном гнезде, что является еще одним подтверждением более высокого дериваци-

онного потенциала бурятского глагольного слова в сравнении с именным.

Одной из проблем составления толково-словообразовательного словаря является проблема способа фиксации словообразовательной пары и словообразовательной структуры сложного слова. И. А. Ширшов подробно разобрал три варианта описания сложных слов в русском толково-словообразовательном словаре [Ширшов, 1999: 65–77]:

1-й вариант: сложное слово описывается в двух гнездах (в зависимости от компонентов); принцип алфавитно-опорный;

2-й вариант: сложное слово описывается в одном гнезде (в зависимости от второго компонента, являющегося опорным); принцип опорного слова.

3-й вариант: сложное слово описывается в одном гнезде (в зависимости от первого компонента), алфавитный принцип.

И. А. Ширшов отдает предпочтение последнему варианту, при котором недостаток данного способа, проявляемого в расчленении гнезда, компенсируется прямыми отсылками к гнездам с опорными компонентами (отсылка к гнезду с первым компонентом не понадобится).

При описании лексико-словообразовательного гнезда бурятского языка вопрос усложняется, поскольку в бурятском языке огромное количество слов образовано парным способом (разновидность словосложения). Парные слова возникают путем сложения двух самостоятельных лексем, типа *аба эжы* `родители, досл. *отец и мать*`, *хуби заяан* `доля, судьба, удел`, где *хуби*: `1) часть, доля; 2) пай, доля, акционерный капитал, акции; 3) *перен.* доля, участь, судьба`, *заяан*: `1) *будд.* судьба, рок, предопределение, перерождение; 2 а) судьба, будущее, доля; б) судьба (стечение обстоятельств, не зависящее от воли человека)`. Вопрос возникает по поводу того, какой вариант приемлем в таких случаях. В примере с *аба эжы* оба компонента опорные, поэтому их перестановка (*эжы аба*) не влечет изменения значения. Так, в каком гнезде должно быть описание данного слова? По нашему мнению, оно должно быть описано в обоих гнездах, т. е. парное слово описывается в двух гнездах (в зависимости от

компонентов), следуя алфавитно-опорному принципу: и с вершиной *аба*, и с вершиной *эжы*. Безусловно, данный способ описания не экономен, так как повторные словарные статьи займут много места. Зато при таком подходе будет соблюдена системность языка, каждый элемент займёт предназначенное системой место.

Что касается случаев типа *хуби заяан* `доля, судьба, удел`, то здесь наблюдается несколько иная картина. Обе лексемы только на первый взгляд равнозначны, хотя порядок следования компонентов не допускает перестановки слов. В данном случае считаем, что слово должно быть помещено в гнездо с вершиной *заяан*, так как первый компонент *хуби* образует парное слово только в третьем значении (переносном) — `доля, участь, судьба` (работает принцип опорного слова).

При составлении словарной статьи сложных слов, образованных на основе словосочетаний, нужно исходить от способа словообразования. Если слово образовано аффиксальным способом — принцип алфавитный, например, от *мори унаа* `лошадь (как *транспорт*)` образованы составное прилагательное *мори унаагүй* `безлошадный`, существительное со значением лица *мори унааша* `верховой (всадник)`; от *мори урилдааха* `состязаться в конном беге` образован дериват *мори урилдаан* `конные скачки`.

Если же при образовании слов применялся операционный способ, нужно исходить от разновидности производящего. Производящее — атрибутивное словосочетание — требует принципа опорного слова: *амитадай хэлэн* `язык животных`, *нютаг хэлэн* `лингв. говор`, *үндэһэн хэлэн* `национальный язык` и т. д.

Считаем, что для лексикографической практики в бурятском языке приемлемы все три принципа.

4.2 Словообразовательная система бурятского языка: ономасиологический и когнитивный аспекты

В последние десятилетия отмечается выдвижение когнитивизма на роль ведущего методологического принципа, продолжающего традицию исследования языка в его связи с мышлением и логикой. Исследование познавательных процессов, восприятия и мышления человека, членение им универсума происходит через обращение к производному слову, так как именно во внутренней форме деривата отражаются результаты концептуализации мира. Преобладание когнитивно-дискурсивного подхода к анализу языковых форм предполагает объединение системно-структурного и функционально-семантического анализа с анализом прагматическим и, шире, семиотическим, при котором во главу угла ставится личность говорящего.

Словообразовательная система является неотъемлемой частью номинативной системы языка, а основной функцией словообразования — создание нового наименования, новой номинативной единицы. Исследование словообразовательной системы бурятского языка в ономасиологическом и когнитивном аспектах поможет выявить специфичность языковой категоризации действительности в бурятском языке.

Как известно, разные семантические группы слов, как, собственно, и части речи, обладают разным деривационным потенциалом и в качестве мотивирующих основ образуют разные словообразовательные структуры. В этой связи именно ономасиологический подход позволяет выявить наиболее крупные тематические объединения слов, активно продуцирующих деривационные процессы. Для любого носителя языка значимыми являются, например, такие тематические группы слов, как прилагательные – цветообозначения, названия лиц, наименования натурфактов и артефактов и т. д. «В тематических группах отражается (в каждом языке своеобразно и в значительной степени субъективно) чтение реалий в самой объективной действительности. Поэтому сопоставление и сравнительное их изучение может способствовать выяснению различий в познании и сег-

ментации разными языками одного и того же кусочка действительности, равно как и различий в культуре народов, материальной и духовной» [Шайхулов, 2002: 55].

Одной из основных задач теории номинации является построение структурно-семантической типологии номинативных единиц разного уровня, в том числе и словообразовательного. «Именно в производных словах выступает природа их мотивации, исследование словообразовательных процессов позволяет углубить наши представления о формировании значений словесных знаков, о связях предметного ряда с названиями их составляющих, о роли непосредственных ассоциаций в актах называния, о выборе того или иного признака предмета в процессе его обозначения [Языковая номинация, 1977: 73]. В связи с этим словообразовательное гнездо и его составляющие являются в первую очередь совокупностью номинативных единиц, в которых происходит деривационное развитие одного и того же обозначающего.

Определяя задачи когнитивного словообразования, Е. С. Кубрякова указала на необходимость переосмысления таких традиционных и фундаментальных проблем классического словообразования, как моделирование производности в ономаσιологическом аспекте, синхронная реконструкция словообразовательного акта. При этом ключевой единицей осмысления системности словообразовательного уровня по-прежнему остается производное слово: «Именно способность производного слова объективировать пропозициональные структуры и затем служить их простому угадыванию, способность служить такой единицей номинации, которая удобна для упаковки информации и использования ее в речевой деятельности, и характеризует производное слово как особую когнитивно-дискурсивную структуру. Попадая в разряд единиц, служащих обозначению одной и той же пропозициональной структуры, а значит одной и той же ситуации, объекта, процесса или признака, производное слово становится тем самым объектом когнитивной семантики» [Кубрякова, 2004: 394]. Словообразовательные гнезда могут стать источником национально-культурной и концептуальной

информации, углубляя наши представления о языковом сознании бурят, ведь словообразовательный процесс представляет собой особый акт номинации, а производное слово — «вторичное мотивированное наименование с двучленной ономаσιологической структурой» [Языковая номинация, 1977: 72]. При этом акт номинации словообразовательного характера предполагает движение деривационного механизма на один деривационный шаг, обязательно использование определенной формальной операции или формального средства, выбор которого подчинен смысловому заданию этого акта и в этом отношении вполне закономерен. Ономаσιологическое направление позволяет рассматривать словообразовательные гнезда как совокупности номинативных единиц (функционирующих новых наименований), возникающих в ходе словообразовательного акта как процедуры, имеющей свои формальные и семантические отличия. Описание отличительных черт словообразования от номинации любого другого свойства дано в работе Е. С. Кубряковой [Кубрякова, 1975: 50–51].

Поэтому важной задачей деривационной ономаσιологии является установление правил, диктующих использование определенного способа словообразования при необходимости выразить то или иное категориальное значение или отнести вновь обозначаемый предмет к одной из знакомых (ономаσιологических) категорий данного языка. Известно, что существование в языке определенных традиций, продуктивных и длительно бытующих в языке моделей оказывает свое влияние на то, как именуется новое явление и как оно фиксируется в уме человека. Таким образом, существование определенных словообразовательных моделей облегчает выбор того, что должно получить отдельное название в окружающей нас действительности. Определение того, что подлежит называнию, диктуется практическими нуждами человека, его социальным опытом. С другой стороны, неотъемлемой чертой этого опыта является и знание логико-понятийных основ расчленения мира, принятых его языком (оно может быть осознанным и неосознанным).

Итак, благодаря существованию в конкретном языке определенных ономаσιологических категорий (особенно находящихся в этом языке четкое формальное выражение) новые наименования образуются в русле привычных категорий по образцу и подобию бытующих в языке единиц.

Разумеется, анализ номинативных единиц в составе словообразовательного гнезда можно проводить, предварительно разделив производные по частеречному принципу, выявляя ономаσιологические категории предметности, процессуальности и атрибутивности. Данный аспект позволит установить внутриязыковые межкатегориальные связи, например, представить, как статический признак видоизменяется в признак динамический, протекающий во времени и пространстве: от *баян* `богатый` образуется дериват *баяшарха* `радоваться своему богатству`, от *бата* `крепкий, прочный` — *батажаха* `упрочиваться, приобретать силу`; или как процессуальные признаки, мыслящиеся протяженными и протекающими во времени и пространстве, преобразуются в обозначения субстанциональных объектов: от *тулихэ* `топить печь` образуется *тулээн* `дрова`; или как процессуальный признак превращается в абстрактный признак (имена отвлеченного значения): от *дуугаралсаха* `взаимн. разговаривать о многих` → *дуугаралсаан* `беседа, разговор`, от *дуугарха* `говорить, разговаривать` → *дуугаралга* `разговор`.

Появление слова в языке всегда сопровождается его мгновенным обрастанием производными. Мотивационные возможности у слов разные, но каждое слово готово стать мотивирующим и дать возможность появиться новому слову. С другой стороны, безусловно, деривационные возможности различных слов неодинаковы на разных этапах их существования в языке.

Между единицами, функционирующими в пределах одного гнезда, устанавливаются системные мотивационные отношения. Так, мотивирующие единицы способны порождать производные слова определенной семантики, что влияет на формирование семантической специфики гнезда.

Рассмотрим в этом аспекте лексико-словообразовательное гнездо с вершиной *дуун* `песня`. В мотивирующем пространстве

анализируемого ранее в других аспектах гнезда с вершиной *дуу(н)* объединяются мотиваторы нескольких тематических групп, определяющие смысловой потенциал мотивирующего пространства. Тематическое своеобразие мотиваторов можно рассматривать сквозь призму антропоцентричности восприятия мира. Вершина гнезда *дуу(н)* в значении 'пение' актуализирует в смысловой структуре дериватов следующие ситуации: ситуацию, когда поют — *дуулаха* 'петь', поют хором — *дуулалдаха* 'петь хором', *дуулалдаа(н)* 'пение хором', поют вместе — *дуулалсаха* 'петь вместе', ситуацию, когда человек поет — *дуулааша* 'поющий (человек)', ситуацию, когда человек занимается пением профессионально — *дуушан* 'певец'. Первичное же значение данной вершины *дуу(н)* 'звук' мотивирует другие, более обширные грозди дериватов. Звук можно не только произносить — *дуугарха*, но и слышать — *дуулаха*, при помощи звуков и голоса можно звать — *дуудаха*, можно общаться, разговаривать, вести беседу. В этом же гнезде функционируют дериваты с переносным значением, типа *үгэ дуулаха* 'слушаться (кого-либо)', *дуулгалсаха* 'извещать (кого-то о чем-либо)', дериваты, дающие характеристику лицу, например: *дуугүйхэн* 'безропотный', *дуугарсагүй* 'неразговорчивый', *дууламгай* 'послушный' и т. д.

Данная способность слов в бурятском языке мотивировать новые смыслы, умение репрезентировать заложенный в них смысловой потенциал дает возможность им бесконечно развиваться и взаимодействовать друг с другом, позволяет не только порождать, но и прогнозировать новые смыслы, образовывать смысловое пространство гнезда в целом. В связи с этим представляется возможным говорить о мотивирующем пространстве лексико-словообразовательного гнезда бурятского языка.

4.2.1 Внутренняя форма слова как семантическая основа номинации

В рамках теории деривации специфика языкового мышления тесно связана с понятием внутренней формы слова, понимаемой как выраженный мотивировочный признак, лежащий в ис-

токах образования слова. На основе мотивировочных признаков строятся, как известно, мотивационные отношения слов. Особенность таких отношений, особенно в области полисемии, заключается в том, что признаки, на которых они базируются, «не являются ни дифференциальными семантическими признаками слов, ни вообще конструктивными элементами значений. Это не элементы собственно значения слова, а устойчивые ассоциации, связанные с представлением о явлении, которое обозначает слово» [Шмелев, 1973: 193].

В дериватологии внутренняя форма слова рассматривается как «способ семантической организации значения производного слова, проявляющийся в выдвигании на первый план компонентов, которые получают формальную маркированность, выражаются мотивирующей частью слова» [Янценецкая, 1991: 24]. Внутренняя форма связывает не только содержательную и формальную стороны словесного знака, но и выполняет функцию связующего звена между семантикой мотивирующего слова и значением мотивируемого. Мотивировочный признак слова — средоточие этимологической памяти слова, «метка» первоначального концептуального осмысления его, хранитель изначального представления о нем [Манакин, 2004: 247]. Таким образом, внутренняя форма слова, мотивируя наименование, выступает как основа его концептуального осмысления, ее можно рассматривать в качестве семантической основы номинации. В этом мы видим основание для рассмотрения мотивировочной основы слова в качестве исходной семантической модели.

По мнению Т. И. Вендиной [Вендина, 1998, 1999], «сохраняя свою внутреннюю форму, производное слово... дает возможность понять «привычки сознания», узнать, о чем и как думает тот или иной народ, отсылая его к концептуализации мира. А поскольку та концептуализация носит системный характер, то выбор словообразовательно маркируемых категорий и их объективируемых признаков также не является случайным и тем более хаотичным, а носит системный характер, давая представление о мировидении, мирочувствовании и мирозерцании народа» [Вендина, 1999].

Внутренняя форма любого производного слова несет в себе информацию о цепочке переосмысления начального смысла. Наиболее наглядно данная нить словотворчества наблюдается на материале лексико-словообразовательного гнезда, где производные связаны не только деривационными, но и мотивационными отношениями. Рассмотрим в этом аспекте связь содержательной стороны производных номинаций с внутренней формой слов, отражающей характер логико-семантических процессов при образовании дериватов на примере производных слов, обозначающих руководящее лицо.

В современном бурятском языке для обозначения руководящего лица, начальника, употребляются дериваты-синонимы: *түрүүлэгшэ* `председатель`, *хүтэлбэрилэгшэ* `руководитель`, *хүтэлэгшэ* `вождь, вожак`, *ахалагша* `главарь, вожак`, *удамарша* `вожак, атаман`, *ударидагша* `вождь, руководитель, вожак`, *дахуулагша* `главарь, вожак`, *толгойлогшо* `главарь`, *үүсхэгшэ* `главарь` [РБС]. В Русско-бурятском словаре, из которого мы сделали выборку, приводятся указанные толкования, хотя *толгойлогшо*, *үүсхэгшэ*, *дахуулагша*, *ахалагша* функционируют в бурятском языке не только в значении `главарь` (слово *главарь* в русском языке чаще употребляется для называния лица, правящего в криминальной сфере), но и обозначают главу, человека, главного в каком-либо деле, руководителя.

Из вышеперечисленных слов наибольшей частотностью употребления в этой функции выделяется *түрүүлэгшэ* `председатель`. Данный дериват применяется для обозначения высшего руководства республики, лиц, облеченных государственной властью: *Буряад Республикын президент — Правительствын түрүүлэгшэ* `президент РБ, председатель правительства`, *Буряад Республикын Правительствын түрүүлэгшын орлогшо* `заместитель председателя правительства РБ`, *Буряад Республикын правительствын түрүүлэгшын нэгэдэхи орлогшо* `первый заместитель председателя правительства`, *Арадай Хуралай түрүүлэгшэ* `председатель Народного Хурала` и т. д. Поскольку семантика *түрүүлэгшэ* шире значения `председатель`, так как обозначает должности людей, находящихся во главе любого предприятия,

указывает на административные функции лица, представляется, что более точным будет толкование `руководитель`.

Изначально слово *түрүүлэгшэ*, видимо, имело значение `человек, находящийся впереди войска, предводитель`, о чем свидетельствует деривационная цепочка *түрүү* → *түрүүлхэ* → *түрүүлэгшэ*, отражающая процесс рождения деривата. Исходное слово цепочки *түрүү*: `1) первый, головной, передовой, находиться впереди; 2 а) голова (напр., колонны); б) глава; в) изголовье`, являющееся вершиной лексико-словообразовательного гнезда, развивает две мотивационные линии. Первая связана с семой *нахождения впереди кого-л. или чего-л.* (пространственное видение), вторая — обозначает какой-то временной отрезок «ранее, впервые» (в переносном значении). Первая мотивационная линия *түрүү* имеет продолжение в производном *түрүүлхэ* `быть (или приходиться) первым; быть во главе; опережать`, образованном при помощи суффикса *-л*. Далее образуется причастие *түрүүлэгшэ (хүн)*, где реализуется тот же мотивировочный признак, заданный вершиной гнезда. При субстантивации дериват *түрүүлэгшэ* вбирает в себя значение «лица», сема `быть первым, быть впереди` актуализируется, расширяется, новое значение (переносное) `человек, ведущий за собой людей, предводитель, руководитель` закрепляется. Кстати, однокоренное слово *түрүүшэ*, связанное деривационными отношениями с *түрүү*, ранее употреблялось в значении *тысяцкий* («род выборного, головы, старшины из крестьян» [Даль, 2000: 661]. Теперь лексема в этом значении перешла в статус архаизмов и употребляется только в значении `первый`: *түрүүшэ һамган* `первая жена` и т. д. Второе значение *түрүү*: `1) голова (напр., колонны); 2) глава; 3) изголовье`, также переносное, является результатом переосмысления пространственного видения: `находиться впереди колонны, войска и т. д.`, значит `возглавлять, быть главой, головой`, например, *айлгуур түрүү* `уст. главарь, вожак, атаман`. Этот пример демонстрирует способность языка находить внутреннее соответствие между горизонтальным видением «быть впереди» и вертикальным «возглавлять».

Что касается дериватов *хүтэлбэрилэгшэ* `руководитель` и его производного *хүтэлбэрилэгшэд* `руководство`, они мотивированыемой *вести кого-то за собой*, которая берет начало в вершинном слове лексико-словообразовательного гнезда *хүтэлхэ*: 1) `вести на поводу (напр., лошадь), вести (или водить) за руку; 2) вести, руководить`. Если принять ряд толкований в словарной статье *хүтэлхэ* как процесс преобразования семантики лексемы, то в цепочке семного ряда следующее за первым значение — переносное: `руководить` (*завод хүтэлхэ* `руководить заводом`), заметим, что именно оно прослеживается во всех номинациях данного гнезда. В цепочке *хүтэлхэ* → *хүтэлбэри* → *хүтэлбэрилхэ* наибольшее количество дериватов со значением руководства дает глагол *хүтэлбэрилхэ*: `1) руководить; 2) руководящий`, образовавший производные *хүтэлбэрилэгшэ* `руководитель` (например, *бэрхэ хүтэлбэрилэгшэ* `умелый руководитель`), *хүтэлбэрилгэ* `руководство`, *хүтэлбэрилхы* `ведущий, руководящий` и серию залоговых глаголов: совм. *хүтэлбэрилсэхэ*, побуд. *хүтэлбэрилүүлхэ*, страд. *хүтэлбэрилэгдэхэ*. Примерно такую же гроздь дериватов (речь идет не только о количественном соотношении, но и об образовании взаимооднозначных лексем) образует вершина гнезда *хүтэлхэ*: *хүтэлбэри* `руководство, водительство`, *хүтэлэгшэ* `ведущий, поводырь`, *хүтэлсэхэ* совм., *хүтэлүүлхэ* побуд., *хүтэлэгдэхэ* страд., *хүтэлэлгэ* `ведение, водительство` [БРС: 505]. Что касается толкования последнего слова, то здесь, на наш взгляд, наблюдается та же ситуация, что со словом *түрүүлэгшэ*, т. е. толкование `руководство` будет более точным, тем более далее дается пример *гүрэншэ хүтэлэлгэ* `управление государством`. Таким образом, преобразование семантики мотивирующего имеет одинаковый сценарий со словом *түрүүлэгшэ*. Мотивировочный признак в данных дериватах заложен в вершинном слове, что подтверждает метафорический перенос, наблюдаемый в семной цепочке этого слова.

При структурировании лексико-словообразовательных гнезд проявляются особенности словообразовательной системы, например, такое свойство бурятского языка, как наличие слово-

образовательных синонимов (слов, образованных от одного производящего при помощи синонимичных суффиксов). Деривационный потенциал словообразовательных синонимов *хүтэлбэри* и *хүтэлэлгэ*, образованных при помощи аффиксальных синонимов *-бари* и *-лга*, неодинаков. Именно *хүтэлбэри* (наиболее частотный в употреблении, нежели однокоренной синоним *хүтэлэлгэ*) является производящим для глагола *хүтэлбэрилхэ*, образовавшего гроздь дериватов, в том числе и *хүтэлбэрилэгшэ*.

Далее реконструируем деривационные связи слова *ударидагша* `вождь, руководитель, лидер`, мотивированного глаголом *ударидаха* `руководить, вести за собой` [БРС: 287]. Например, *Светлана Цыдыповна 2002 онһоо хойшо Бурядай багшанарай колледжые шадамар бэрхээр ударидажа ябана* `С 2002 года Светлана Цыдыповна умело руководит бурятским педагогическим колледжем`. *Ударидаха* дает пучок дериватов и синтаксических конструкций с семьей `руководить, вести за собой`, например, оно образует конструкции *жолодоон ударидаха* `руководить, управлять (государством)` или *оройлон (толгойлон) ударидаха* `возглавлять, руководить` или же образует цепочки *ударидаха* → *ударидалга* `руководство, водительство`, *ударидаха* → *ударидахы* `руководящий`, *ударидаха* → *ударидалга* `руководство`. В дальнейшем, глагол *ударидаха* дает набор залоговых глаголов побуд. *ударидуулха*, страд. *ударидагдаха* `быть руководимым, быть под руководством`, последний глагол продолжает деривационное развитие и образует дериват *ударидагдамал* `руководимый`. Необходимо отметить, что в деривате *ударидаха* и синонимах *хүтэлхэ* и *хүтэлбэрилхэ* значение `руководить` имеет небольшое дополнение, уточнение: руководить (направлять), соответственно могут образовываться словосочетания: *хүдэлмэришэнэй хүдэлөөе ударидаха* `руководить рабочим движением`, *кружок хүтэлхэ* `руководить кружком`, *аспирантнуудые хүтэлбэрилхэ* `руководить аспирантами`. Более того в дериватах *хүтэлхэ* и *хүтэлбэрилхэ* происходит расширение семантики деривата, сема `руководить` получает добавочный смысл `управлять, заведовать`, которого нет у *ударидаха*:

эмхи зургаанише хүтэлбэрлхэ `заведовать учреждением`. Появление дополнительных семантических приращений в данных словах, скорее всего, связано с первоначальным значением *хүтэлхэ* `вести лошадь (на поводу), вести кого-то (за руку)`.

Как видим, в дериватах *түрүүлэгшэ* `председатель`, *хүтэлбэрлэгшэ* `руководитель`, *удардагша* `вождь, руководитель` мотивировочный признак заложен в слове, являющемся вершиной гнезда, так как метафорический перенос наблюдается в семной цепочке вершинного слова. Что касается слов *дахуулагша*, *дахуулиша*, *ахалагша*, *удамаришан*, тут наблюдается несколько иная картина. Слово *дахаха*, возглавляющее цепочку *дахаха* → *дахуулха* → *дахуулагша*, имеет значение `следовать за кем-л., сопутствовать кому-л., сопровождать кого-л.` Изменение значения наблюдается в его производном *дахуулха* `побуд.: 1) вести за собой, идти во главе, руководить; 2) брать с собой; 3) покорять, подчинять`, затем значение `вести кого-то за собой` получает развитие у словообразовательных синонимов *дахуулагша* `главарь, вожак` [РБС: 180] и *дахуулиша*: `1) ведущий; 2) вожак (в стаде)` [БРС: 263].

Модель образования анализируемых дериватов, обозначающих руководящее лицо, одна: глагол движения → причастие, затем субстантивация причастия. В акте номинации в данном случае выделяется и актуализируется признак, значимый для языкового сознания бурят, характерный для кочевых народов — «вести за собой мог тот, кто находился впереди» на основании горизонтального видения мира. Не во всех анализируемых дериватах этот мотивировочный признак заложен в слове, являющемся вершиной гнезда, но он обязательно формируется у мотивирующего глагола, от которого образуется субстантивируемое причастие со значением руководящего лица. Именно данный мотивировочный признак, развившийся в результате метафорического переноса, выступает в качестве мотива и основания для семантического переноса.

Необходимо отметить, что бурятское представление о руководстве тесно связано со значением старшинства. Показательно в этом смысле образование деривата *ахалагша*: `1) атр. стар-

ший, главный; старший; 2) старший *суц.*; начальник`, изначально обращенного своей внутренней формой к идее старшинства, заданного вершиной лексико-словообразовательного гнезда *аха*: `1) старший брат; 2) *прил.* старший`. Бурятский язык находит внутреннее соответствие между понятиями старшинства и руководства, наглядно выраженное в образованном от *аха* глаголе *ахалха* `быть старшим над кем-л., начальствовать`, где значение `начальствовать` развилось на основе значения «старший».

В данном лексико-словообразовательном гнезде присутствуют и другие дериваты, где к признаку старшинства добавляется дополнительная сема `руководящий`: ср. *ахалагшад* `собир. начальство; 2. верховод, главарь; 3. *ист.* староста`, *ахамад захирагша* `главнокомандующий`, *ахалалга* `руководство, главенство`, *ахадаха* `быть старшим, иметь старшинство (или первенство), начальствовать`. На наш взгляд, в *ахалагша* и других номинациях данного гнезда, таких как *ахамад захирагша* и *ахадаха*, помимо вышеназванных сем обнаруживается признак «быть впереди, вести за собой других». Думается, что между внутренней формой данных слов существует ассоциативная связь с пространственным горизонтальным видением, ведь *старший* — *мудрее, главнее, он должен быть во главе рода, находиться впереди войска* (например, *ахамад захирагша* `главнокомандующий`), *вести за собой людей*. Данная связь прослеживается и в толковании лексемы *ахадаха* `быть старшим, иметь старшинство (или первенство)`. Представляется, что в сознании носителя бурятского языка существует устойчивая ассоциативная соотнесенность слов со значением руководства с данным признаком.

Образ, лежащий в основе морфологического строения *удамаршан*: 1) `вожак, атаман *перен.*; затейщик, застрельщик; 2) кормчий *перен.*`, не совпадает с существующим в сознании носителей языка кочевых народов мотивировочным признаком. Образование деривата *удамаршан* связано деривационно и мотивационно с лексемой *удам* `редко корень, происхождение, род; наследственность`, являющейся вершиной гнезда. Лексема *удам* является мотивирующей для глагола *удамдаха* `верхово-

дить`, от которого образуются *удамаршан`* `вожак, атаман`, *удамарша`* `предводитель, вожак`. В данном примере базовая ассоциативная связь, существующая между признаком и предметом, в наибольшей степени его выражающем, взаимодействует (но не отождествляется) с существующими в национальном сознании параллельными ассоциациями. Хранимая в памяти ассоциация «руководить людьми может тот, кто впереди и ведет за собой людей» позволяет языку найти внутреннее соответствие между понятиями «возглавлять» и «вести за собой». В Кратком толковом словаре бурятского языка дается толкование *удамарша* как «*түрүүлэн бэшэнээ дахуулжа ябадаг хүн*», т. е. это человек, находящийся впереди остальных, ведущий за собой людей [КТСБЯ: 112]. Кстати, в монгольском лексико-словообразовательном гнезде с вершинным словом *удам* не обнаружены дериваты со значением руководства, в генетически родственном монгольском языке развитие получают семы *родовитости, преемственности, наследственности* [БАМРС III: 311].

Заметим, толкования бурятских слов, образующих лексико-семантическую группу слов, обозначающих руководящее лицо, даются посредством русских слов с основной *голова* (имеется в виду *глава, главенствовать* и т. д.). В русском языке слово *голова*, кстати, употребляемое в старославянском варианте *глава*, обозначает человека, руководящего той или иной группой людей: *глава страны, глава поселка, глава администрации* и т. д. В речи носителей бурятского языка можно услышать *гулбаа* или *гулваа* (фонетические варианты заимствованного русского слова *голова*). Что касается мотивировочного признака адаптированного слова, заимствованные слова, как правило, не обладают им, так как не дают полного представления о словообразовательном процессе. Итак, толкования слов исследуемой тематической группы и употребление заимствованного *гулбаа* или *гулваа* обусловлены влиянием русского языка на бурятский язык.

Необходимо отметить, что образование слова *толгойлогшо*: `1 а) глава (семьи и т. п.); б) главарь; 2) возглавляющий, главенствующий` не связано с влиянием русского языка, так как концепт «голова» — один из универсальных концептов «наивной

анатомии», представленных в любом языке. Как отмечает Ю. Д. Апресян, голова представляет вершину иерархии органов, так как в ней локализуется мышление, интеллектуальная деятельность человека, и, следовательно, именно ей принадлежит ведущая роль в организации поведения человека [Апресян, 1995: 42–43].

Организационная функция головы сознанием говорящих переносится на другие области помимо поведенческой, поэтому концепт расширяется за счет включения в него разнообразных сфер, в которых *голова* представляет организующее начало. Она воплощает руководящее начало в семье, на предприятии, в государстве. В соответствии с этим в лексико-словообразовательном гнезде с вершиной *толгой* присутствуют дериваты со значением руководства: кодериваты (слова, имеющие одно производящее) *толгойлогшо*, *толгойлолго* `возглавление`, *толгойлуулха* `побуд. ставить во главе`. Их производящее *толгойлхо* — многозначное слово: 1) находиться во главе; главенствовать; возглавлять, руководить; 2) вершить *обл. сомоо толгойлхо* `вершить стог`; 3) быть главарем; 4) направляться; 5) *каб.* высовывать голову из воды (о нерпе). Следует отметить, что в конфигурации значений слова *толгойлхо* наряду с семой `верх` представлена сема `вперед`, в семной цепочке данного деривата четвертое значение `направляться`. Пространственная сема проиллюстрирована примером *хонид баруун тээшээ толгойлбо* `овцы направились направо (если человек по отношению к ним стоит лицом на юг)`. При образовании *толгойлогшо* мотивирующим являются первое и третье значения, от первого значения — *толгойлогшо* `глава`, от третьего — *толгойлогшо* `главарь`. Думается, в лексеме *толгойлогшо* также выражено внутреннее соответствие между вертикальным видением `возглавлять` и горизонтальным `быть впереди`.

Попутно отметим, помимо важности деятельности головы не может остаться незамеченным и то, что она является самой верхней частью тела. Верховное положение головы в пространстве переосмысливается в разных языках сходным образом (бурятский — не исключение) — этот признак переносится на дру-

гие предметы: *сэсээй толгой* `цветок`; *хадааһанай толгой* `голова (или шляпка) гвоздя`; *ханьин толгой* `верхние концы решетчатых стенок юрты`; *эрхиин толгой* `самый крупный шарик в чётке`. Безусловно, это «результат антропоцентрического взгляда на мир, приписывающего топологические свойства человека и частей тела неживым предметам и явлениям» [Рахилина, 2000: 253].

Об этом свидетельствует и семный ряд слова *толгой*: `1) а) в прямом и переносном голова; б) парн. к *амин*; в) глава, хозяин, руководитель; г) вершина чего-л., реже верховье реки; д) *перен.* о предметах, чем-л. напоминающих голову; 2) *атр.* употребл. как единица счета, 3) в паратаксисе части и целого, парн. к *үһэн, шэхэн*`. Если ряд толкований принять за семный ряд переосмысления, то можно увидеть, что в качестве семантической основы номинации в данном случае лежат факты метафорического и метонимического переноса.

В связи с этим безынтересно отметить, что переносные значения метафорического характера у слова *толгой* обусловлены актуализацией двух сем: `круглое` и пространственное видение `верх` и `вперед`, при этом пространственные ориентиры переплетаются и своеобразно преломляются, например, в словарной статье лексемы *толгой* дается пример *онгосын толгой* `нос лодки (или судна)`.

Заметим, что в бурятском языке функционирует еще один соматизм *тархи* в значении `1) голова; 2) мозг`. В Словаре-справочнике Д. Д. Санжиной *тархи* подается с пометой *разг.* [Санжина, 2010: 102]. Словообразовательное гнездо с вершиной *тархи* не имеет дериватов со значением руководства, так как в этом слове не актуализируется признак, связанный с организующей деятельностью головы и пространственным видением `верх` и `вперед`. Объединяясь со словами *толгой* и *түрүү*, оно создает парные слова *тархи толгой* `голова`, *тархи түрүү* с этим же значением, где *түрүү* `голова`, изначально имевшее значение `вперед` (о пересечении указанных сем мы писали выше).

Приведенный языковой материал свидетельствует о том, что семантическая модель слов со значением руководства связана с пространственными глаголами *туруулхэ*, *хүтэлбэрилхэ*, *дахуулха*, *ударидаха*. Данная картина наблюдается и при переосмыслении семантики старшинства в глаголах *удамдаха*, *ахалха*, та же модель преобразования продемонстрирована на примере слова *толгойлхо*. Внутренняя форма дериватов *ахалагша*, *удамаршан* и *толгойлогшо*, не связанная с мотивировочным признаком 'быть впереди', преломляется с горизонтальным видением: тот, кто старше, кто стоит во главе рода, находится впереди, ведет за собой остальных.

Итак, апелляция к внутренней форме слов позволила выявить субъективные мотивы, послужившие толчком для словотворчества, и вместе с тем помогла определить общие закономерности мышления носителя бурятского языка, поскольку субъективные мотивы, как правило, репрезентируют более общие объективные закономерности. В бурятском языке при обозначении руководящего лица мотивировочная основа представляет семантический перенос на основании горизонтального видения мира, обусловленный, очевидно, кочевым образом жизни монгольских народов. Наиболее актуальным признаком для наименования руководителя является *положение впереди*, которое позволяет вести за собой людей. Таким образом, данный фрагмент языкового сознания носителя бурятского языка доказывает положение, что означивание реалий в бурятском языке обусловлено в первую очередь экстралингвистическими факторами, в основу мотивировочного признака кладутся прототипические образы, причина возникновения которых лежит в основе образа жизни человека, в его деятельности и связанных с ними отношений.

4.2.2 Словообразовательное гнездо как источник
национально-культурной информации
(на материале русского и бурятского языков)

Особенности национально-культурного мировидения и миропонимания и специфика их отражения в языке наиболее очевидны при сопоставительном описании. Данный аспект изучения словообразовательных гнезд разносистемных языков является способом углубленного познания объектов словообразовательной номинации с точки зрения универсальности и уникальности их семантической структуры и места в системе языка. Сравнительно-ономасиологический анализ однокоренных слов базируется на таком понятии, как «национальная специфика семантики слова». «Национальная специфика семантики какой-либо языковой единицы — это ее отличие по компонентам значения от сходных единиц языка сравнения» [Языковая, 2002: 52].

Состав лексических единиц как номинационных структур следует, на наш взгляд, определять в рамках таких словообразовательных гнезд, исходные слова которых являются семантическими универсалиями, например, слова с семантикой цветообозначения.

В этом параграфе нами поставлена задача дать сравнительную характеристику номинативных единиц бурятского и русского языков, входящих в коррелятивные словообразовательные гнезда с вершиной *хурин* — *коричневый*. Выбор именно этого прилагательного обусловлен его малой изученностью не только со стороны деривационных свойств, но и с точки зрения его места и функционирования в исследуемой лексико-семантической группе. При сравнении явственнее будет проявляться специфический набор производных каждого из гнезд, свидетельствующий о сходстве и различиях словообразовательно маркируемых категорий бурятского и русского языков.

Известно, что в языке существует иерархия цветов, и *коричневый* — *хурин* не относится к цветам основного спектра, каковыми считаются *черный* — *хара*, *белый* — *сагаан*, *красный* — *улаан*, *желтый* — *шара*, *синий* — *хүхэ* и *зеленый* — *ногоон*. При

исследовании чаще обращают внимание на такие цвета, как *белый* — *сагаан* и *черный* — *хара*, образующие обширные словообразовательные гнезда с большим количеством разнообразных по своей семантике дериватов. А прилагательные *коричневый* — *хурин* в обоих языках создали немногочисленные по количеству производных словообразовательные гнезда.

При исследовании названий цвета в десятках разных языков был выявлен ряд универсальных черт в развитии систем цветообозначения. Иерархия цветов предполагает, что прилагательные, обозначающие тона более низкого ранга, были новообразованиями, кальками или заимствованиями в отличие от прилагательных, называющих цвета более высокого ранга.

Американские исследователи Б. Берлин и П. Кей доказали, что одной из основных причин иерархии цветов является разновременность появления цветов. На первой стадии развития существовали всего два слова, отражающие все многообразие цвета: словом *черный* обозначались все темные цвета, *белый* — светлые. Затем, на второй стадии, появилось слово *красный*, обозначающее красный цвет. Таким образом, время появления прилагательных — цветообозначений имеет семь этапов, предпоследняя ступень отведена слову *коричневый*.

В словообразовательных гнездах обоих языков достаточное количество сложных прилагательных. В русском языке словообразовательное гнездо прилагательного *коричневый* фактически состоит из одной парадигмы, куда помимо деминутива *коричневенький* и прилагательного со значением неполноты признака *коричневатый* входят сложные прилагательные, дифференцирующие оттенки и качество коричневого цвета: *коричнево-красный*, *буровато-коричневый*, *красно-коричневый*, *светло-коричневый*, *темно-коричневый* [Тихонов, 1985: 887]. Не все эти сложные прилагательные, так же как и *коричневый*, могут участвовать в описании живых существ, для этого русский язык имеет другие наименования коричневого цвета, входящие в цветоряд «коричневый»: *карий*, *смуглый*, *каштановый*, *бурый*, *гнедой* и т. д. Кроме слова *бурый*, все они имеют узкую сочетаемость: *карими* могут быть глаза, волосы — *каштановыми*,

а прилагательное *смуглый* обозначает темноватую кожу человека. Исследователи связывают эту особенность с более ранним появлением данных прилагательных, нежели *коричневый*.

Возможно, причина кроется в происхождении прилагательного *коричневый*, которое все же образовано от слова *кора*, а не *корица* [Моисеенко, 2003: 317]. Настой или отвар коры любой консистенции использовался в народе для различных целей, имел характерный и узнаваемый коричневый цвет. От слова *кора* также образованы *корявый* `заскорузлый, заскорблый, жесткий, сухой, особ. о коже; морщинчатый и черствый`, *кор(я)жить* `вести, сводить, коробить, корючить, гнуть, ломать` [Даль, 2000: 339].

Также в русском языке существует ряд производных слов, словообразовательные связи которых с точки зрения синхронии с корнями *кор-* фактически нарушены, однако корневые морфемы идентифицируются достаточно отчетливо, например: *коржавина*, *коржевина*, *куржачина* сев. `ржа, ржавчина, налет и окисление или нарост от порчи всякого рода; окалина, гарь в кузницах, железный сок или шлак; кухта, иней, опока; шершавая поверхность, неровности на коре дерева, на мездре кожи` [Даль, 2000: 340]. Возможно, слово *коричневый* ассоциировалось с чем-то болезненным, нехорошим, ведь древней системе цветоименований была присуща иная, архаичная когнитивная модель реагирования на цвет как символ. Наверное, поэтому в словообразовательном гнезде прилагательного *коричневый* нет номинаций, призванных идентифицировать внешность человека (таких как от прилагательного *черный*: чернобородый, черноглазый, черноокий и т. д.), или же характеризующих окраску животных (например, от прилагательного же *черный*: черногривый, черно-пестрый и т. д.)

В языке характерным свойством любого основного цветоименования является его способность образовывать слова. В паре *коричневый* — *бурый* этим свойством обладает *бурый*, от него можно образовать производные со значением процессуального признака: *буреть* `становиться бурым, изменять цвет свой на бурый`, *буреться* `издали виднеться, казаться бурым`, но не-

возможно образовать от прилагательного *коричневый* дериват *коричневеть*. Также от *бурый* образованы зоонимы, такие как *Бурка* или *бурко* — конь бурой масти; иногда кличка бурой собаки, *Бурена*, *-нка*, *-нушка*, *бурешка*, *буреха* — бурая корова [Даль, 2000: 92]. В этом сказывается не только более древнее происхождение слова *бурый*, но и отсутствие семантики негативного, болезненного.

В теории Берлина–Кея центральное место занимает понятие основного цвета одной группы наименований, которые можно условно выстроить в один цветоряд. Роль основного цветоименования для обозначения коричневых оттенков в русском языке долго играло слово *бурый*. Потеря ведущей позиции, вероятно, связана с семантикой данного прилагательного, которое имеет значение эмоционально-экспрессивной оценки, обладает коннотативным оттенком смешанного, нечистого, темновато-грязноватого цвета, низкого качества данного предмета (*бурый* не обладает этим значением при определении масти животных). Ранее употреблялось ироничное сочетание *ни сиво ни буро* в значении *ни то ни се*, в данное время более частотно сочетание *серо-буро-малиновый*. Прилагательное *коричневый* выражает признак цвета не через эталонные объекты, хотя это свойство цветообозначения является одним из основных для включения прилагательных к группе основных цветов, но будучи по значению более абстрактным, лишенным оценочности, оно успешно вытесняет с ведущих позиций слово *бурый* и является «обобщающим» цветовым обозначением для всего «коричневого» ряда цветообозначений.

В бурятском языке несколько иная картина, словообразовательное гнездо с вершиной *хурин* `коричневый` более обширное, чем русское гнездо, и данное прилагательное (по материалам бурятских толковых словарей) может использоваться при описании живых существ [БРС, 1973; БРС, 2006, 2008]. В структуре словообразовательного гнезда прилагательного *хурин* также имеются сложные прилагательные, такие как *хури улаан* `багровый` досл. `коричнево-красный`, *хара хурин* `темно-красный, бурый (о масти)` досл. `черно-коричневый`, *хурин хара* `смуг-

лый` досл. `коричнево-черный`, служащие для описания внешности человека. К прилагательному *хурин* добавляются колоративные прилагательные, обозначающие другие цвета и относящиеся к цветам основного спектра, такие как *шара* `желтый`, *хара* `черный`, *улаан* `красный`. При этом данные прилагательные без добавления *хурин* `коричневый` используются для наименования коричневого цвета, надо заметить, что лексема *хара* `черный` используется чаще других слов. Например, употребительны устойчивые словосочетания *хара хээр* `гнедой`, о цвете глаз — *хара нюдэн* `карие глаза`, о цвете кожи — *хара һамган* `смуглая женщина`, а при описании черно-бурой лисицы используются словосочетание *хара үнэгэн* [БМРС: 549]. И таких примеров достаточно. В бурятском языке *хара* `черный` не имеет коннотативного значения `плохой, отрицательный` [Чагдуров, 1997: 148]. Таким образом, колоративные прилагательные *шара* `желтый`, *хара* `черный`, *улаан* `красный` можно выстроить в коричневый цветоряд.

Хара гүрөөһэн `бурый медведь, букв. черная косуля`; *шара махай* `одинокий и злой медведь-самец, букв. желтый лоб`; *шара шубуун* `филин букв. желтая птица`. Почему *черный* или *желтый медведь*, *желтый филин*, хотя мы осознаем, что эти животные коричневого цвета? Однако белый медведь обозначен точным наименованием *сагаан баабгай*, а коричневый цвет медведя и филина подменяется другим *хара* `черный` или *шара* `желтый`.

Надо заметить, гроздь первого узла данного словообразовательного гнезда характеризуется наибольшим количеством производных, помимо сложных прилагательных представлено несколько прилагательных с градационным значением, выражающим разную степень проявления признака: *хурибтэр*, *хуриншэг*, *хуригшэ(н)*. Прилагательное *хурибтэр* образовано при помощи суффикса *-бтар* (*-бтэр*, *-бтор*), и оно может участвовать в описании внешности человека: *хурибтэр гар* `дословно коричневатые руки`, *хурибтэр нюур* `досл. коричневатое лицо`. В бурятском языке суффикс *-бтар* имеет очень широкое употребление как в литературном языке, так и в разговорной речи, а в некоторых диалектах (аларском, боханском) имеется фоне-

тический вариант этого суффикса *-лтар*. В бурятском языке наряду с суффиксом *-бтар* (*-бтэр*, *-бтор*), выражающим значение смягчения, уменьшения качества цвета, ослабление признака, неполноту качества, распространен суффикс *-шаг* (*-шэг*, *-шог*, *-шиг*) со значением смягчения, уменьшения качества по отношению к тому, что обозначается производящей основой: *хүринишэг* `коричневатый`. Причем, если суффикс *-бтар* передает неполноту качества без каких-либо дополнительных нюансов, то суффикс *-шаг* «указывает на неуверенность в определении признака или на оттенок цвета, похожий на тот, который обозначен в основе, или вообще передает значение сходства» [ГБЯ, 1962: 106]. Дериват *хүригишэ(н)* используется для обозначения масти самок домашних животных, имеет значение `темно-бурая` [БРС, 2008: 497].

Как указано выше, в русском языке значение неполноты признака в значение *коричневого* вносит суффикс *-оват*: *коричневатый*, но дериват *коричневатый*, в отличие от бурятского *хүрибтэр* `коричневатый`, не используется при описании внешности человека. Различия выявляются не только в области предметной номинации, но и глагольной. В русском языке отсутствуют глагольные лексемы, образованные от прилагательного *коричневый*. В бурятском же языке в связи с тем, что слово *хүрин* используется для описания внешности человека, в словообразовательном гнезде наличествует глагол *хүрилхэ* в двух значениях `становиться коричневым` и `загорать`. Второе значение формирует словообразовательную цепь: *хүрин* → *хүрилхэ* → *хүрилишээн* `загорелое (лицо)`, также от *хүрилхэ* образуется глагол интенсивного залога *хүрилишэхэ* `становиться коричневым`.

Можно предположить, что существительное *хүрһэн*, имеющее два значения `почва, грунт` и `вид, цвет, внешность`, образовано от прилагательного *хүрин* (почва, грунт имеет характерный *хүрин* `коричневый` цвет) при помощи суффикса *-һан*. Например, *нюурайнь хүрһэн һайн* `цвет лица у него хороший` [БРС, 2008: 498]. Именно этот аффикс «имеется в некоторых давно застывших формах имен существительных, семантику производящей основы которых сейчас трудно установить, и по-

этому данный аффикс морфологически уже не выделим» [Дондуков, 1964: 28]. В результате опрощения границы между корневой морфемой и словообразовательным аффиксом исчезли.

На современном синхронном срезе слово *хурьһэн* имеет два значения, деривационные связи между ними фактически нарушены, но вариант происхождения *хурьһэн* во втором значении от *хурин* при помощи суффикса *-һан* приемлем, так как цвет кожи у степных народов имел характерный *хурин* цвет, цвет земли. В пользу данной гипотезы работают деривационные связи *хурьһэн*, от него образовано прилагательное *хурьһэлиг* 'здоровый' (о цвете лица), оно сочетается с существительным *шарай* 'лицо', переводится как 'лицо, имеющее здоровый цвет', в словарной статье в скобках рядом с *хурьһэлиг* дается слово *хурин*: *хурьһэлиг (хурин)* 'здоровый' [БРС, 2008: 499]. Дериват *хурьһэлиг* находится на первой ступени парадигмы существительного *хурьһэн*, так же как *хурьһэнэй* 'почвенный, грунтовой', *хурьһэтэ(й)* 'имеющий почву, имеющий покров, поверхность и имеющий хороший здоровый вид, цвет (о лице)'.

Известно, что в бурятском языке в одной грозди находятся слово со значением «имеющий что-то, обладающий чем-то» и его антоним со значением 'не имеющий, не обладающий', поэтому в этой парадигме присутствует и дериват *хурьһэгүй* 'перен. беспочвенный, имеющий плохой цвет лица'. Интересно, что на этой же ступени парадигмы слова *хурьһэн* имеются синонимы *хурьһэлхэ* и *хурьһэжэхэ* 'образовываться (о перегное), покрываться слоем хорошей почвы, покрываться кожей, перен. обветриваться, закаляться (о лице человека)', которые, в свою очередь, образовали глаголы *хурьһэлүүлхэ* 'дать возможность образоваться почве' и *хурьһэжүүлхэ* 'побуд. удобрять почву, дать образоваться почве'. Кстати, во многих словарных статьях *хурьһэн* идет как синоним к слову *газар* 'земля'. На наш взгляд, словообразовательное гнездо *хурин* является двухвершинным, где слово *хурьһэн* образует вторую вершину.

Также, возможно, что слово *хурэнсэг* 'зап. веснушки' образовано от *хурин* и образовало свою парадигму: *хурэнсэгтэй* 'веснушчатый, в веснушках', *хурэнсэггүй* 'без веснушек', *хурэн-*

сэгшэхэ `покрываться веснушками` [БРС, 2008: 500]. Живые деривационные связи потеряны, но наши аргументы в пользу этимологии *хүрэнсэг* от *хурин* связаны с обозначением цвета, веснушки коричневого, доброго, теплого, *хурин* `коричневого` цвета. *Хурьһэлиг* употребляется в значении `здоровый` и сочетается с существительным *шарай* `лицо`, потому что имеет цвет загара, цвет земли и по лицу рассыпаны *хүрэнсэг* `веснушки`.

У древних египтян коричневый цвет символизировал жизнь, так как связывался с почвой. У современных европейцев он и сейчас ассоциируется с ощущением своих «корней», надежностью и здравым смыслом. В бурятском языке слово *хурин* `коричневый` также семантически наполнено и в своем содержании отображает ассоциативную связь с матерью-Землей, дарующей жизнь. Дериваты *хурьһэлиг* `здоровый`, *хурьһэн*: `1) почва, грунт; 2) вид, цвет, внешность`, *хүрэнсэг* `веснушки` связаны одним мотивировочным признаком наименования *хурин* `коричневый`. Таким образом, в бурятском словообразовательном гнезде с исходным словом *хурин* `коричневый` наличествуют производные, семантическая структура которых содержит ярко выраженную концептуальную информацию. В этих номинативных единицах семантика цвета *хурин* выступает как символ жизни, здоровья, красоты, мужественности, теплоты: *хурьһэлиг* (*хурин*) `здоровый`, *хурьһэтэ(й)* `имеющий хороший здоровый вид, цвет (о лице)`, *хурьһэжэхэ* `образовываться (о перегное), покрываться слоем хорошей почвы` и `обветриваться, закаляться (о лице человека)`, *хурьһэтэ алтан дэлхэй* `земля-матушка, одетая в покров`, *хүрюусэгтэй* `веснушчатый, в веснушках`.

Таким образом, деривационные возможности прилагательного цветообозначения *коричневый* — *хурин* в сопоставляемых языках не идентичны, общее и специфическое данных словообразовательных гнезд является отражением системы понятий, выражающих представления человека о цвете и связанных с ними ассоциаций. Приведенный языковой материал свидетельствует о том, что одна из причин межъязыковой ассиметрии в способах представления действительности при номинации од-

них и тех же денотатов кроется в специфике механизма языкового сознания, вычлняющего те или иные признаки и ассоциации, которые кладутся в основу наименования. Анализ однокоренных слов разноструктурных языков позволил раскрыть понятие «национальная специфика семантики слова» на материале бурятского и русского языков.

*4.2.3 Словообразовательное гнездо бурятского языка
как единица языкового сознания
(на примере лексико-словообразовательного гнезда
с вершиной морин)*

При анализе гнезда в когнитивном аспекте необходимо выявить, какие типы знаний фиксируются в производных, как они связаны с семантикой исходного слова, ведь семантические отношения слов в гнезде обусловлены глобальным концептом, предопределяющим все пути развития значения исходного слова. Концепт — это совокупность знаний об объектах и ситуациях во всех связях и взаимоотношениях.

С этой точки зрения словообразовательное гнездо — это носитель концептуальной информации, и анализ гнезда в когнитивном аспекте позволяет установить, как работает механизм языкового сознания при номинации денотатов, какие признаки и ассоциации кладутся в основу наименования различных реалий объективной действительности. Данный подход позволяет подойти с новых позиций к определению корневой морфемы (выше мы писали о том, что в агглютинативных языках под корневой морфемой подразумевается слово, при анализе словообразовательных процессов мы используем термин «производящее» и «основа производящего слова»). Семантика корневой морфемы преобразуется и модифицируется, «в содержательном плане корень слова, с одной стороны, представляет собой стабильное понятие, которое остается неизменным, тождественным в составе однокоренных слов; с другой — это динамичное, подвижное понятие, способное видоизменяться и порождать новые типы знаний» [Кильдибекова, 2000: 167].

Итак, словообразовательное гнездо является единицей языкового сознания, отражающей коммуникативные и номинационные потребности общества. Рассмотрим в этом аспекте словообразовательное гнездо с исходным существительным *мори(н)* 'конь' в бурятском языке.

Известно, что постоянным спутником кочевника-степняка являлся его *мори(н)* 'конь, лошадь', который играл важную роль в хозяйственной, духовной и ратной жизни. Соответственно, словообразовательное гнездо с вершиной *морин* характеризуется национально-специфическим составом своих производных с положительной коннотацией. Для бурятского языкового сознания актуальным является отношение человека к данному животному и его оценка, поэтому в исследуемом словообразовательном гнезде много производных с субъективно-оценочным значением, многочисленны эпитеты и определения, связанные с *морин*: *морин галдан* 'благословенный конь', *морин эрдэни* 'конь-сокровище, драгоценность', *гуурһатай морин* 'пегас, чудо-конь', *агсам морин* 'горячий, ретивый конь', *зантай морин* 'норовистая лошадь' и т. д. Нетрудно заметить, что в словообразовательном гнезде отсутствуют номинации, характеризующие верного спутника негативно. На первой ступени от вершины присутствуют деминутивы, образованные при помощи уменьшительно-ласкательного суффикса *-хон* и *-сор*: *морихон* 'конек, лошадка' и *морисор* 'лошаденка', в деривате *морисор* чувствуется легкая ирония.

Жизнь степняка зависела от коня, поэтому в словообразовательном гнезде много номинаций, семантическая структура которых содержит ярко выраженную концептуальную информацию: *морирхог* 'имеющий много лошадей, заботящийся о своей лошади', *морирхохо* 'хвастаться своей лошадьё', т. е. обладание конем является мерилем благосостояния, богатства. В грозди первого яруса наличествуют антонимы, что является характерной особенностью монгольского словообразовательного гнезда: *моригүй* 'безлошадный' и *моритой* 'имеющий коня, верховой', которые образовали свои производные. В грозди деривата *моригүй* — *моригүйдэхэ* 'не иметь лошади, нуждаться в лошади'

и *моригүйрхэхэ* `говорить про свою безлошадность, отговариваться отсутствием лошади, мучиться из-за неимения лошади`.

Из производных гнезда наиболее употребительными являются дериваты, подвергшиеся переосмыслению и метафоризации, что, несомненно, связано с уменьшением роли коня в жизни бурят.

В данном словообразовательном гнезде наличествует глагольная лексема *мордохо* `садиться на лошадь, отправляться в дорогу, пускаться в путь, уезжать`. В основе номинации лежит ассоциация по результату данного действия, т. е. если сел на коня, значит, куда-то поехал. Несомненно, что для данного глагола значение `садиться верхом, садиться на лошадь` первоначально, затем возникли другие значения, связанные с основным ассоциативными связями: *отправляться в дорогу, пускаться в путь, уезжать*. Таким образом, данная номинация в результате переосмысления стала служить для выражения концепта «отъезд». Затем от *мордохо* образуется ряд производных: *мордолго* `отъезд`, прилагательное *мордолгын урда тээхи* `напутственный досл. перед тем как уехать`, *мордохын мэндэ* `напутственное приветствие`, *мордохо дээрээ* `на прощание`, *мордохуулга* `проводы (в дорогу)`. Далее, данный глагол в результате метафоризации стал служить для выражения особого концепта «уход в мир иной»: *мордохо* `умереть`, т. е. уехать, уйти к предкам, в мир иной, от него образовано прилагательное *мордоһон (хүн)* `умерший, ушедший (человек)`.

Вне сомнения, что и другая глагольная лексема *морилхо* `соизволить, пожаловать`, выражающая концепт «приезд», также связана этимологическими деривационными связями с лексемой *морин* (первоначальное значение *поехать на лошади*) [Дондуков, 1964: 220]. Значение данного непереходного глагола движения образовано при помощи суффикса *-л*, образующего глаголы со значением направления, места, способа передвижения, образа движения. В номинативном поле концепта «приезд» наличествуют выражения: *морилжо ерэхэ* `жаловать куда-либо (приезжать, приходиться)`. *Хаанаһаа хаана хүрэтэр морилжо ябанабта?* `Откуда и куда изволите ехать? досл. Откуда и куда

на коне едете, идете?». В результате развития концепта «приезд» словоформы от лексемы *морилхо* образуют фразеологические сочетания: гостя встречали приветственными словами: *Хоймортто морилыт!* 'Пожалуйте на почетное место', *Морилжо хайрлыт!* 'Добро пожаловать', *Гэртэ морилжо хайрлыт!* 'Пожалуйте в дом!'. Итак, словообразовательная мотивированность *мордохо* и *морилхо* основывается на реконструкции деривационных связей словообразовательного гнезда с вершиной *морин*.

Семантическая структура бурятского словообразовательного гнезда с данным исходным словом характеризуется производным *хиш морин* 'символический (воздушный) конь'. Существует точка зрения, что это калька с тибетского *луунта* 'воздушный конь'. В связи с этим возникает вопрос: вписываются ли кальки в словообразовательную систему бурятского языка или же это элементы лексической системы? Известно, что кальки делятся на семантические и словообразовательные, в данном случае это словообразовательная калька, являющаяся результатом перевода, «усвоения, словообразовательной структуры чужого слова. Иноязычность словообразовательных калек заключается, следовательно, в том, что они возникают по словообразовательному образу и подобию соответствующих по значению иноязычных слов, но этим их иноязычность и ограничивается: корни, аффиксы, т. е. строительный материал, их составляющий, не заимствованный, а свой» [Шанский, 1972: 106]. *Хиш морин* «показывает состояние благополучия человека. С точки зрения буддистов, водружение *хиш морин* — это не только благодеяние, но и магический обряд» [БРС, 2008: 559].

Сложное слово *хиш морин* обладает вторым значением 'вдохновение', от которого образуется прилагательное *хиш моритой хун* 'человек, обладающий небесным (воздушным) конем', «так называют человека талантливого, со светлой душой; это мужская, добрая, благостная сила, не само божество, а добрый посредник между небом и человеком, связанный и с миром людей, и с миром духов» [БРС, 2008: 560].

В бурятском словообразовательном гнезде с исходным словом *морин* есть производные, семантическая структура которых

содержит ярко выраженную концептуальную информацию. В этих номинативных единицах лошадь выступает как символ чего-то огромного, непомерно большого [БРС, 2008: 559]: *морин шоргоолжин* перен. `термит, досл. конь-муравей`, *морин шэл* уст. `бутыль, четверть`. В результате переосмысления у *морин* появляется и переносное значение, например, при переходе в относительное прилагательное *морин* приобретает значение `непомерно большой`: *морин үльгэр* `большая былина`, *морин хонхо* `большой колокол досл. конь-колокол`, *морин самса* уст. `длинная рубаха досл. лошадиная рубаха`.

Таким образом, семантические отношения в словообразовательном гнезде обусловлены концептом, предопределяющим все пути развития значения слова, являющегося вершиной гнезда. В свою очередь, семантика непроизводного слова, являющегося вершиной словообразовательного гнезда, находится в постоянном развитии, происходит сближение прежних значений слова с новым понятием по ассоциативной связи смежных или сходных с ними представлений, что приводит к расширению, сужению или к утрате первоначального значения слова. Итак, словообразовательное гнездо может рассматриваться как носитель концептуальной информации, как отражение определенных пластов знаний, связанных с деятельностью человека и потребностями речевой коммуникации.

ГЛАВА V

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА: СОПОСТАВИТЕЛЬНО-СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Сопоставительное изучение родственных языков представляет собой одно из ведущих направлений современной лингвистической науки.

В настоящей главе нами поставлена задача не только охарактеризовать параметры описания словообразовательной номинации в бурятском языке, но и представить деривационные возможности бурятских слов в сопоставительном аспекте. На примере лексико-словообразовательного гнезда показать, как обозначается один и тот же фрагмент языковой действительности в разноструктурных языках, каковыми являются бурятский и русский языки, и в генетически родственных языках, каковыми являются бурятский, монгольский и калмыцкий языки.

5.1 Словообразовательная система бурятского языка на фоне близкородственных языков

К числу актуальных и недостаточно разработанных проблем в монголоведении относится сопоставительное изучение словообразовательных систем генетически родственных языков, каковыми являются монгольский, калмыцкий и бурятский языки.

Сопоставительный план позволит расширить представление о механизмах взаимодействия близкородственных языков и даст возможность глубже, чем это возможно при монолингвальном исследовании, проникнуть в суть явления расхождения языков, имеющих одну праоснову, вскрыть его специфику.

Одним из направлений современной дериватологии является сопоставление словообразовательных систем близкородственных языков гнездовым способом. Исследование словообразовательных гнезд генетически родственных языков должно осуществляться в рамках основных направлений синхронно-

сопоставительного исследования словарного состава этих языков, а также в рамках типологического анализа лексики. К сожалению, теоретическая разработка идеи сопоставительного изучения словообразовательных гнезд родственных языков, а также ее практическое осуществление не нашли своего окончательного решения. Имеются, например, работы по сопоставительному изучению словообразовательных систем славянских языков [Тихонов, Бурлакова, Николаева, Топоров, Исаченко и др.]. Известны также работы по сопоставительному изучению морфологии родственных языков [Смирницкий, Петрухина и др.]. Однако отсутствует обобщающий труд, где все факты сопоставительного изучения словообразовательных систем родственных языков были бы системно представлены на основе единых критериев отбора языковых фактов и единых подходов к решению этих проблем.

5.1.1 Полисеманты в бурятском и монгольском языках

Процессы, разводящие генетически родственные языки, являются не только на уровне деривационных связей, но и на лексическом уровне. В данном параграфе исследуется механизм формирования значений производного слова в бурятском и монгольском языках. Сопоставительный анализ «сбора» значений полисеманта в близкородственных языках позволит установить сходства и различия в работе механизма языкового сознания при номинации денотатов; выявить, какие признаки и ассоциации первичны для языкового сознания носителей одного языка, а какие вторичны; ответить на вопрос, почему одинаковый знак может реализовывать в родственных языках различные реалии объективной действительности.

В акте номинации, когда человек посредством языка и своего сознания пытается дать название выделенному им объекту, «во-первых, наблюдается концентрация внимания на объекте номинации, изучении его свойств, особенностей, признаков, взаимосвязей, во-вторых, отмечается наведение фокуса — модели образования знака» [Садретдинова, 2007: 377]. Таким обра-

зом, внутренняя структура производного слова представляет собой зависимость знака от возможности человека увидеть сходный с уже существующим предметом признак и приписать его в процессе категоризации к уже существующему объекту, выбранному для номинации на основании его предметных, процессуальных или признаковых свойств. При данной интерпретации производное слово позволяет использовать языковые знаки в процессе познания, означивания и отображения мира посредством метонимических и метафорических ассоциаций — категоризаторов [Араева, 1997].

Производное слово может собирать разные значения, имея одно ономаσιологическое строение, т. е. в структуре многозначного деривата (полисеманта) отображаются знаковые функции объединенных концептуальных пространств. У многозначия деривата обязательно существует первоначальное значение мотивирующего слова, входящее в семантику мотивированного.

Для межъязыкового сопоставительного анализа в этом аспекте взяты фрагменты словообразовательного гнезда с исходным существительным *мори(н)* `конь, лошадь` в бурятском и *морь* `конь` в монгольском языках, а именно, глагольные лексемы, служащие для обозначения пространственной ориентации: *мордохо* // *мордох* и *морилхо* // *морилох* (в бурятском и монгольском языках соответственно)⁸.

Нами не ставится задача анализа словарных дефиниций выбранных дериватов или же исследование основных параметров рассматриваемых концептов, репрезентируемых данными номинациями. Нас интересует процесс осмысления внеязыковой действительности в границах одного слова, взаимосвязь смысловых линий в однокорневых словах родственных языков, характер ассоциаций при вторичном означивании тех или иных предметов, явлений действительности, порядок обрастания семами полисеманта, отражающими логику познавательной деятельности человека.

---

⁸ Лексикографические значения монгольских слов даются по Монгольскому толковому словарю [БАМРС, 2008].

В Бурятско-русском словаре [БРС, 2008: 558] дается несколько толкований деривата *мордохо*: *садиться на лошадь, отправляться в дорогу, пускаться в путь, уезжать*; перен. *умереть*. По данному ряду толкований, представленному в словаре, можно судить о порядке преобразования семантики исходного слова. Несомненно, что для данного глагола первое истолкование является основным, так как *мордохо* в бурятском и *мордо(х)* в монгольском образованы от синтаксической конструкции *мориндоо нууха // мориндоо суух* `садиться на лошадь` при помощи стяжения (данная модель характерна для монгольских языков). Именно данная сема задает траекторию развития ономаσιологического признака, семантизируя мотивирующим *мориндо нууха // мориндоо суух*. Остальные значения в бурятском языке связаны с основным ассоциативными связями: *отправляться в дорогу, пускаться в путь, уезжать*; перен. *умереть*. Выше мы указывали, что данная номинация в результате переосмысления стала служить для выражения концепта «отъезд», значение «уезжать» появилось вследствие устойчивости возникающих ассоциаций, которые сохранялись благодаря повторяющемуся процессу отождествления предикативного признака в сознании членов языкового коллектива.

В концептуализации внешнего мира события играют ведущую роль, поэтому в словообразовательном гнезде фиксируются событийно-ориентированные производные, связанные с функциональным назначением предметов и с типичными ситуациями, в которых они выступают. Объекты выступают в качестве составных компонентов событий, отражающих практическую деятельность носителей языка. События представляют основу наших знаний о внешнем мире, поскольку предметы, реалии получают ценностные качества, функционируют в соответствующих ситуациях.

При опознавании слова вспоминается контекст и «разворачивается» ситуация, заложенная в форме знака, ведь для открытия определенного моделирования, находящегося в памяти, необходимо выявлять скрытые процессы категоризации (то, как картина естественного мира превращается в языковую картину

мира). В данном полисеманте серия ассоциаций, появляющаяся при употреблении слова, увеличивается за счет скрытых концептуальных структур, что способствует развитию многозначности данного деривата. Интерпретации данного действия носят цепочечный характер, конкретизация смыслов происходит на базе метафорических и метонимических ассоциаций. Цепочка нанизывания сем представлена рядом толкований данного деривата и раскрывается его семантическим компонентным составом *`садиться на лошадь, отправляться в дорогу, пускаться в путь, уезжать`* [БРС, 2008: 558]. На наш взгляд, из данных толкований в семантический ряд бурятского полисеманта уже не входит первоначальное значение *садиться на коня*, данная сема представлена в языке при помощи словосочетания *мори унаха* *`сидеться верхом на коня`*.

Кстати, в обоих языках довольно долго данная номинация *мордохо // мордох* употреблялась для выражения значения *`отъезд на войну`*, позднее — *`уход на службу в армии`*, семантика лексемы видоизменилась под воздействием метафоризации. Вследствие этого в монгольском языке возможно сочетание *эх орноо хамгаалахаар мордох* *`встать на защиту родины`*.

В монгольском же языке первоначальное значение остается одним из основных, поэтому компонентный состав данной лексемы несколько шире, *мордох* — это не только садиться на коня, но и сидеть на чем-либо или на ком-либо, оседлав, как коня. В толковом словаре монгольского языка данное значение идет вслед за первоначальным: *хадан дээр мордох* *`сидеть на вершине горы`*, *хашаан дээр мордох* *`сидеть на заборе`*. Внутренняя форма монгольской лексемы отлична от внутренней формы бурятской лексемы, так как в основе означивания названного действия лежит ассоциация по форме — пространственное положение человека, сидящего на коне: *мордох* — *`сесть, свесив ноги по бокам`*. В данном случае осуществляется перенос по смежности от совокупности знаний об объекте, ощущений, образов, представлений и т. д. к одному вербальному компоненту — ономасиологическому признаку слова, т. е. при появлении данной номинации сработал метонимический перенос.

Именно поэтому с данным дериватом в монгольском языке образуются такие фразеологизмы, как *хүзүүн дээр мордох* 'сесть на шею', и частотным является выражение *хүүхэд аав ээжийнхээ хүзүүн дээр мордох* 'дети сели на шею родителям'. В бурятском языке для выражения этого значения используется другое средство номинативной деривации, а именно словосочетание *хүзүүн дээрэ һууха* 'прям. и перен. сидеть на шее кого-либо'. Анализ компонентов этих словосочетаний приводит к выводу о тождестве означаемых в сопоставляемых языках, но выраженных разными лексемами, в бурятском *һууха* 'садиться, сидеть', а в монгольском *мордох*. Что касается значения 'садиться на коня', то в бурятском употребляется словосочетание с глаголом *унаха*: *мори унаха*.

Если принять ряд толкований в словарной статье *мордохо* // *мордох* как процесс преобразования семантики лексемы, то только следующее значение в цепочке семного ряда монгольской лексемы вербализует концепт «отъезд»: после значения 'сидеть на чем-либо или на ком-либо, оседлав как коня' появляется значение 'уезжать' [БАМРС, 2008: 399], т. е. в монгольском полисеманте мотивация, основанная на метафорическом переносе, идет вслед за метонимизацией. В отличие от бурятского, данное значение получает дальнейшее развитие: *эрд мордох* 'выходить замуж' ('досл. уезжать за мужчиной', в данном случае первоначальное значение утрачено, осталось переносное *уезжать*). Более того, в разговорной речи оборот *эр мордох* употребляется в значении 'становиться женщиной', т. е. семантика прощания, отъезда полностью утрачивается. Таким образом, процесс образования значений в структуре многозначного слова предстает как определенная последовательность, но в каждом из сопоставляемых языков она своя.

Интересно проследить, как в бурятском языке работает деривационная цепочка от семы 'уезжать': образуется ряд номинаций, в котором репрезентирована специфика прощания: *мордолго* 'отъезд', *мордолгын урда тээхи* 'напутственный', *досл. перед тем как уехать*, *мордохын мэндэ* 'напутственное приветствие', *мордохо дээрээ* 'на прощание', *мордохуулга* 'проводы

(в дорогу)`, среди них имеются синонимы *мордохуулха* и *мордуулха* в значении `отправлять, провожать, помогать садиться на лошадь`. В монгольском языке деривационный механизм выдает эти же гроздь дериватов, так как именно в данных номинациях прослеживается явная связь с первоначальным значением. В отличие от бурятского, монгольский дериват *мордуулах* (то же что и *мордуулха*) помимо данных значений репрезентирует значение `выдать дочку замуж` (получает свое развитие сема `выходить замуж`). В данном случае многозначие образованного от *мордох* деривата рождает полисемию производного от него слова.

Далее, в сопоставляемых языках глагол *мордохо* // *мордох* в результате метафоризации трактуется в значении `умереть` и служит для выражения особого концепта «смерть». Образование данного концепта, вербализуемого лексемой *мордохо* // *мордох*, связано с обрядом: умершего человека садили на лошадь, он *уезжал*, *уходил к предкам*, *в мир иной*. При смерти происходит разлучение души и тела, наступает конец земной жизни и начинается другая духовная жизнь. Интерпретация данного значения в сопоставляемых языках имеет некоторое различие. В монгольском языке в метафорическом переосмыслении участвует словосочетание *цагаан морь* `конь белой окраски`, где *цагаан* `белый`, так как у монголов белый конь ассоциируется с призраками, существами из неземной жизни. Как видим, данное значение связано с первоначальным: *цаган мориндоо мордох* `умереть, отправиться к предкам, досл. уехать на белом коне, т. е. человек «уходил, уезжал в мир иной на белом коне».

Итак, в обоих языках два различных концепта «отъезд» и «смерть» репрезентированы одной глагольной лексемой *мордохо* // *мордох*. Что касается функционирования данной лексемы, то в бурятском языке современная трактовка данной номинации состоит из двух значений: *уезжать* и *умереть*, в монгольском: *садиться на коня*, *садиться верхом (на что-либо или на кого-либо)*, *уезжать*, *умереть*. Заметим, *мордохо* является мотивирующим для прилагательного *мордохон* (*хүн*) `умерший, ушедший (человек)`.

Что касается *морилох*: 1) соизволить, прийти, пожаловать; 2) отправляться, приезжать, то следует отметить, что в монгольском языке, так же как и в бурятском, антиномия концептов «отъезд» и «приезд» репрезентируется данной лексемой. Эта концептуализация внеязыковой действительности, видимо, характерна для монгольских языков. Так же в результате развития концепта «приезд» словоформы от лексемы *морилох* образуют фразеологические сочетания: гостя встречали приветственными словами: *хойморт морил!* 'пожалуйте на почетное место!', *морилон ормуу!* / *морилж хайрла!* 'добро пожаловать!' [БАМРС, III: 339]. Следует отметить, что в монгольском языке *морилон ирэх* означает приезд высокого, почетного гостя (это может быть человек старше по возрасту, чину). Формы побудительного залога *морилоорой*, *морилоно уу* функционируют в том же значении, что и в бурятском, и все же необходимо подчеркнуть, что более употребительны выражения без слов со значением просительности *хойморт* и *хайрлыт*. Тем не менее при употреблении семантика данных лексем меняется, появляется значение просьбы и это выражение приобретает даже иронично-шутливый оттенок.

Заметим, в диалектах бурятского языка *морилхо*, также как и *мордох*, употребляется в значении 'умереть'. От него образуется прилагательное *морилхон* (*хүн*) 'умерший, ушедший (человек)'.

Сопоставление словообразовательных гнезд генетически родственных языков с идентичными вершинами показывает расхождения в моделировании данных гнезд, это мы наблюдаем при функционировании только небольшого фрагмента данного гнезда, двух ответвлений с дериватами *мордох* // *мордох* и *морилхо* // *морилх*. Различные модификации идентичных слов в родственных языках связаны с семантикой исходного слова (или набором сем исходного слова), «производные слова в сравниваемых идентичных гнездах группируются вокруг разных стержневых значений, что делает родственные языки малопохожими» [Сусеева, 1994: 28].

В пространственной ориентации монгольских народов главным было образное мышление; слова, репрезентирующие

концепты *приезд* и *отъезд*, возникали в процессе образного соотнесения признаков, не выходящих за рамки бытовых ситуаций. Причем подобные производные помогают восстановить в памяти целые ситуации, понять, почему именно эти слова вербализуют данные понятия. Сказанное позволяет предположить, что в монгольских языках в образовании ассоциаций участвуют объекты, входящие в основной круг предметно-практических связей жизнедеятельности человека, в данном случае это верный спутник кочевника *морин* // *морь*. Эти интерпретации дериватов *мордохо* // *мордох* свидетельствуют об огромной роли *коня* в ценностной картине мира монгольских народов, ведь он являлся постоянным спутником кочевника-степняка, и это находит вариативное выражение в языке.

Такие номинации, как *морилхо* и *мордохо*, как и многие употребляемые дериваты данного словообразовательного гнезда, в настоящее время не соответствуют реалиям современной жизни, однако сохраняют свою устойчивость, не меняясь с течением времени. Кстати, из всех производных словообразовательного гнезда *морин* // *морь* в бурятском языке наиболее употребительными остаются исследуемые дериваты, подвергшиеся переосмыслению и метафоризации, в монгольском же языке круг употребляемых дериватов данного гнезда шире. Сказывается то, что коневодство остается одной из важных отраслей сельского хозяйства Монголии.

Таким образом, признаки исходного слова обладают различной степенью активности, что проявляется в потенциальных возможностях одних и тех же слов в родственных языках. Семантика слова находится в постоянном развитии, так как развивается сознание и мышление человека, изменения в окружающей жизни требуют переосмысления слов и формирования новых значений. Происходит сближение прежних значений слова с новым понятием по ассоциативной связи смежных или сходных с ними представлений, что приводит к расширению, сужению или к утрате первоначального значения слова. При сопоставлении выявляется, что и в близкородственных языках изменение семантики слова, «обрастание» его разными семами

происходит индивидуально, как индивидуальные национальные стереотипы наречения тех или иных фрагментов окружающего нас мира.

*5.1.2 Способы представления
лексико-словообразовательных гнезд
в толково-словообразовательном словаре
монгольских языков*

Поскольку для выявления сходства и различия в структуре и семантике словообразовательных гнезд требуется описание словообразовательных и лексических значений их составляющих, считаем, что для межъязыкового сопоставительного исследования словообразовательных систем близкородственных языков наиболее оптимальным представляется сравнение лексико-словообразовательных гнезд.

Иначе говоря, нужен словарь не просто словообразовательный, а толково-словообразовательный, в котором лексика бурятского языка была бы сгруппирована по гнездам, а внутри них каждое слово заняло свое место в системе на основе формально-семантических отношений с другим (другими — при полимотивированности) словом. Теоретические основы такого словаря разработаны И. А. Ширшовым в работе «Принципы составления гнездового толково-словообразовательного словаря современного русского языка». Настоящая концепция лежит в основе проекта «Толково-словообразовательного словаря монгольских языков (монгольского, бурятского и калмыцкого языков)».

Эффективность сравнительно-типологического изучения возрастает за счет того, что в каждом рассматриваемом языке осуществляется построение лексико-словообразовательных гнезд. Это дает возможность сравнивать морфонологические, структурные, семантические, лексические, стилистические и собственно словообразовательные показатели. Данный метод позволяет выявить как общие, так и специфические принципы организации гнезд, а на их примере — организацию словообразовательного уровня генетически родственных языков. Анализ

языковых особенностей родственных языков представлен материалом монгольских языков, а именно монгольского, калмыцкого и бурятского.

Считаем, что принцип размещения дериватов внутри гнезд монгольских языков должен быть структурно-перспективным, как в «Толково-словообразовательном словаре русского языка» (по направлению словообразовательных связей) [Ширшов, 1999]. При использовании данного способа заглавное слово статьи предстает как цельнооформленная единица, продемонстрирован словопроизводственный процесс, обозначена словообразовательная структура слова. Также используемый способ помогает фиксировать явления полимотивированности и поликоррелятивности, обозначить все мотивационные связи слов. Поэтому целесообразно при описании лексико-словообразовательных гнезд в разрабатываемом толково-словообразовательном словаре родственных языков опираться на положения, которые содержатся в концепции И. А. Ширшова.

Для выявления состава единиц, участвующих в системной организации словообразования сравниваемых языков, в словаре будут сопоставляться лексико-словообразовательные гнезда родственных языков с идентичными исходными словами. Идентичные слова в близкородственных языках создают различные модификации (есть одинаковые, есть различные), на то имеются разные причины. Различия в особенностях интерпретации идентичного мыслительного содержания оказываются тем более значимыми, что они «вырастают» из общего начала.

В отношении имеющихся лексикографических изданий заметим, что двуязычные словообразовательные словари, как правило, созданы на материале разноструктурных языков. В монголоведении опыт составления словообразовательного словаря гнездового типа представлен «Словообразовательным словарем калмыцкого языка» [Сусеева, 1997] и двуязычным «Монгольско-калмыцким словообразовательным словарем» [Сусеева, 2016]. Изложение материала опирается на практику описания словообразовательных гнезд в книге «Аффиксальное словообразование калмыцкого и монгольского языков в сопоставительном

освещении» [Сусеева, 2014]. Автором имеющихся в монголоведении словарей Д. А. Сусеевой проделана огромная работа: на основе 1081 гнезд калмыцкого и монгольского языков с общими идентичными вершинами дается описание структуры монгольского словообразовательного гнезда. При подаче сопоставительного материала использован тот же ступенчатый принцип, что и в словообразовательном словаре калмыцкого языка.

Сравниваемые гнезда расположены параллельно: каждая статья словаря начинается с монгольского гнезда, а затем дается калмыцкое гнездо. Например:

Монг.			Калм.		
Угаа/х мыть, обмы- вать; стирать	угаа-лга мытье, промывка, стирка		Уһа/х мыть, про- мы- вать, сти- рать	уһа-гд/х/ <i>страд.</i> быть вымытым, омываться	уһагд-сн умытый; выстиран- ный, стираный
	угаа-г-уур умывальник рукомой- ник			уһа-лһ/х/ <i>побуд.</i> сдавать в стирку	уһалһ-лһн стирка > уһалһ-ата умытый, выстиран- ный
	угаа-л умывание, ванны	угаал- чи/н прачка		уһа-вр умываль- ник	
	угаа-ш белье			уһа-лһн мытье, ку- пание, стирка	
	угаа-да/х/	угаа- да- с/ан помой		уһа-сн умытый	

В монголоведении требуется словообразовательный словарь монгольских языков и толково-словообразовательный словарь монгольских языков. Безусловно, что для сопоставительного трехязычного толково-словообразовательного словаря такой подход не приемлем, так как ступенчатый характер описания не даст возможности развернуть родственные лексико-словообразовательные гнезда с идентичными вершинами с учетом принципа наглядности. Кроме того, гнезда будут слишком громоздкими в связи с тем, что словообразовательное гнездо опирается на лексическое. Объемное гнездо повлечет за собой пространное описание, много места займет толкование каждого деривата. В сопоставительном трехязычном словаре подача материала должна быть несколько иной, нужен другой способ организации словарных статей.

В языкознании высказывалась мысль об объединении двух соотносительных по общей вершине словообразовательных гнезд в одно совмещенное (унифицированное), поскольку в гнездах такого типа нагляднее проявляются все совпадения и несоответствия. Для описания совмещенных словообразовательных гнезд вводится ряд новых обозначений, не используемых в обычных гнездах. Межъязыковое соответствие обозначается скобкой < , отсутствие соответствия знаком – . На наш взгляд, в толково-словообразовательном словаре монгольских языков совмещенное гнездо будет слишком громоздким и объемным.

Существует совершенно иной принцип построения деривационных возможностей языка — абстрактная модель словообразовательного гнезда, предложенная П. А. Соболевой. В рамках словообразовательного гнезда деривационные возможности разных частей речи представлены в виде графов. Так, вертикальное ребро изображает субстантивирующий шаг (образование имен существительных), левонаправленное — глаголообразующий, правонаправленное — адъективирующий (образование прилагательных) и горизонтальное — адвербиализирующий шаг (образование наречий).

Данное описание словообразовательного гнезда предполагает выявление не только реализованных в речи, но и потенциальных единиц, а также закономерностей, обуславливающих возможность их реализации. В принципе можно построить абстрактные модели словообразовательных гнезд родственных языков с идентичными вершинами (отглагольные, отсубстантивные, отадеъективные и т. д.), затем абстрактные гнезда в виде этих схем наложить, используя методику создания унифицированного гнезда. Сказанное позволяет предположить, что для сопоставительного исследования потенциальных возможностей корневых морфем близкородственных языков он приемлем, но в основе данной методики лежит только словообразовательный аспект. Хотя этот способ находится в русле корневого подхода, постулируемого при гнездовом принципе исследования словообразовательных систем, он не подходит для организации толково-словообразовательного словаря родственных языков, так как за пределами зоны анализа остается лексическая семантика производного слова, ее мотивированный характер. Также такая постановка вопроса не решит проблем идиоматичности словообразовательных гнезд, не ответит на вопрос, в чем причина различных модификаций гнезд близкородственных языков, да и морфонологические явления останутся вне поля зрения.

По нашему мнению, при подаче сопоставительного материала обязательно должен работать принцип наглядности. В связи с этим в разрабатываемом трехязычном словаре лексико-словообразовательные гнезда следует располагать параллельно, объединять их должны идентичные вершины. В этом случае нагляднее проявятся все совпадения и несоответствия, четко выявится набор производных, характерных для одного языка и отсутствующих в другом. Приведенные аргументы дают основание утверждать, что принцип размещения производных внутри гнезда должен быть структурно-перспективным (как в словаре И. А. Ширшова), а порядок расположения гнезд с идентичными вершинами — параллельный, такой принцип подачи родственных лексико-словообразовательных гнезд с толкованием на русском языке можно назвать *перспективно-параллельным*.

Например:

Монгольский	Бурятский	Калмыцкий
<p>Бат: 1) твердый, крепкий, прочный; 2) надежный, верный, постоянный.</p> <p>Батгах [бат > бат-га/х]: 1) быть слишком крепким (или прочным); 2) упрочиваться, укрепляться, утверждаться (к <i>бат</i> во 2-м знач.).</p> <p>Батдах [батдах > батда-х] — упрочивать, укреплять (к <i>бат</i> в 1-м знач.).</p> <p>Батжих [бат > бат-жи/х]: 1) упрочиваться, укрепляться, приобретать силу; 2) утверждаться, обретать устойчивость (или долговечность) (к <i>бат</i> во 2-м знач.).</p> <p>Батлах [бат > бат-лах]: 1) утверждать; 2) укреплять.</p> <p>Баталгаа [бат > бата-лгаа] — утверждение (к <i>бата</i>).</p>	<p>Бата: 1) твердый, крепкий, прочный. Б. <i>бэстэй хүн</i> `человек атлетического телосложения, <i>досл.</i> человек крепкого телосложения`; 2) надежный, верный, постоянный. Б. <i>үгэ</i> `правдивое слово`</p> <p>Батадаха [бата > бата-да/ха]: 1) быть слишком крепким (или прочным); 2) упрочиваться, укрепляться, утверждаться (к <i>бата</i> в 1-м знач.).</p> <p>Батадхал [батад(а)ха > батадха-л]: 1) упрочение, укрепление (к <i>батадаха</i> во 2-м знач.); 2) утверждение (к <i>батадаха</i> во 2-м знач.).</p> <p>Батадхаха [батад(а)ха > батадха-ха] — упрочивать, укреплять (к <i>батадаха</i> во 2-м знач.).</p> <p>Батажаха [бата > бата-жа/ха]: 1) упрочиваться, укрепляться, приобретать силу; 2) утверждаться, обретать устойчивость (или долговечность) (к <i>бата</i> в 1-м знач.).</p> <p>Батажуулха [батаж(а-ха) > батаж-уул/ха]. — <i>побуд.</i> упрочивать, укреплять (к <i>батажаха</i> в 1-м знач.)</p>	<p>Бат: 1) крепкий, прочный; 2) <i>перен.</i> надежный, выносливый. Б. <i>үгэ</i> `надежное слово`.</p> <p>Батга [бат > бат-га] — крепкий, прочный.</p> <p>Батар [бат > бат-ар] — твердо, крепко.</p> <p>Батр/х [бат > бат-р/х] — укрепляться, утверждаться.</p> <p>Батрлт [батр/х > батр-лт] — укрепление.</p> <p>Батрул/х [батр/х > батрул/х] — <i>побуд.</i> укреплять, упрочивать.</p> <p>Батруллһн [батрул/х > батрул-лһн] — утверждение, упрочение, укрепление.</p> <p>Батра/х [батр/х > батра/х] — укреплять.</p> <p>Батрагд/х [батра/х > батра-гд/х] — укрепляться.</p> <p>Батрагдлһн [батрагд/х > батрагд-лһн] — крепление.</p> <p>Батрлһн [батр/х > батр-лһн] — упрочение.</p> <p>Батрсн [батр/х > батрсн] — окрепший.</p> <p>Батрхх [батрх > батрх/х] — быть слишком крепким, гордиться своей твердостью.</p>

<p>Бата [бат > бат-а]: 1) твердо, крепко, прочно (к <i>бат</i> во 2-м знач.); 2) надежно (к <i>бат</i> в 3-м знач.).</p>	<p>Батажал [батажа(ха) > батажа-л]: 1) упрочение, укрепление (к <i>батажаха</i> в 1-м знач.); 2) крепость, монолитность (к <i>батажаха</i> во 2-м знач.).</p> <p>Батажанхай [батажа(ха) > батажа-нхай] — крепкий, ставший на ноги (к <i>батажаха</i> во 2-м знач.).</p> <p>Баталха [бата > бата-лха] 1) подтверждать, утверждать; 2) проверять; <i>Лабьнь</i> Б. `выяснить достоверность чего-л.`; 3) ратифицировать; <i>Эсэслэн</i> Б. `окончательно утверждать`; 4) гарантировать, заверять; 5) показывать (всем своим видом); 6) демонстрировать; 7) укреплять, скреплять</p> <p>Баталамжа [батал(ха) > батала-мжа]: 1) утверждение (к <i>баталха</i> в 1-м знач.); 2) санкция, ратификация (к <i>баталха</i> в 3-м знач.); 3) выяснение (к <i>баталха</i> во 2-м знач.).</p> <p>Баталагдаха [батал(ха) > батала-гда/ха] — быть утвержденным (или принятым); <i>страд.</i> утверждаться, приниматься (к <i>баталха</i> в 1-м знач.).</p> <p><i>Тогтоомжо нэгэн дуугаар баталагдаба</i> `решение принято (или утверждено) единогласно`.</p>	<p>Батл/х [бат > бат-л/х] — укреплять, скреплять, утверждать.</p> <p>Батллһн [батл/х > батл-лһн] — укрепление.</p> <p>Батлмж [батлх > батл-мж] — утверждение.</p> <p>Батлвр [батл/х > батл-вр] — укрепление.</p> <p>Батлт [батл/х > батл-т] — укрепление.</p> <p>Батлач [батл/х > батл-ач] — крепильщик.</p> <p>Батлс [бат > бат-лс] — сильный, крепкий.</p> <p>Батср [бат > бат-ср] — довольно крепкий.</p> <p>Батд/х [бат > бат-д/х] — быть или стать твердым.</p> <p>Батш/х [бат > бат-ш/х] — быть или стать крепким, сильным; остаться верным (перен.).</p>
--	---	---

<p>Баталалга [батал(ха) > батала-лга]: 1) утверждение, подтверждение. <i>Баталалгада табиха</i> `ставить на утверждение`; 2) удостоверение, выяснение.</p> <p>Баталалга [батал(ха) > батала-лга]: 1) утверждение, подтверждение; 2) удостоверение, выяснение.</p> <p>Баталалгатай [баталалга > баталалга-тай] — штатный <i>будд. Б. лама</i> `штатный лама`.</p> <p>Батаар [бата > бат-аар]: 1) твердо, крепко, прочно (к <i>бата</i> в 1-м знач.); 2) надежно (к <i>бата</i> во 2-м знач.).</p> <p>Бата бүхэ [бата > бата бүхэ] — <i>парн.</i> крепкий, твердый, прочный (к <i>бата</i> в 1-м знач.) <i>Б. уяха</i> `крепко связывать`.</p> <p>Бата бэхи [бата > бата бэхи] — <i>парн.</i> крепкий, твердый, прочный (к <i>бата</i> в 1-м знач.). <i>Б. болгохо</i> `укреплять, упрочивать, усиливать`.</p> <p>Бата нэгэдэл [бата > бата нэгэдэл] — единение, единство (к <i>бата</i> в 1-м знач.).</p> <p>Бата одон [бата > бата одон] — неподвижная звезда <i>астр.</i></p>	
--	--

Изложенный способ подачи лексико-словообразовательных гнезд в трехязычном сопоставительном словаре считаем наиболее оптимальным. Корректность сопоставительного анализа подтверждается одним и тем же объектом исследования, в роли которого выступают лексико-словообразовательные гнезда близкородственных языков с идентичными вершинами (тождественными в плане содержания, близкими в плане выражения). В таком виде гнезда легче типизировать, в них нагляднее обнаруживаются сходства и различия межъязыковых коррелятов, выявляются разные характеры соотношений лексико-семантических вариантов производных и производящих. Предлагаемый способ расположения гнезд в словаре выявит наличие межъязыковой асимметрии, на данном языковом материале четче проявятся причины расхождения соотносимых языков, вскроются факты неодинаковой лексической плотности семантических пространств при работе (некогда одинакового) механизма порождения слов.

В подобном словаре необходимо предусмотреть сопоставление гнезд с идентичными вершинами. Моделирование словообразовательных гнезд на базе исходных монгольско-бурятско-калмыцких параллелей и сопоставление полученных гнезд позволяют установить некоторые закономерности процессов словопроизводства в генетически родственных языках, но сопоставительный структурно-семантический анализ словообразовательных гнезд монгольских языков невозможен без определения вершины гнезда в каждом из сравниваемых языков.

Поэтому одной из важных задач при подготовке словаря следует считать установление лексических вершин в сопоставляемых языках, тождественных как в плане содержания, так и в плане выражения. В связи с этим представляется важным выделение некоторых проблем, связанных с установлением идентичных вершин словообразовательных гнезд монгольских языков. Несмотря на общность происхождения, вершины гнезд во всех трех монгольских языках имеют различный фонетический облик и написание, что, очевидно, связано с фонетическими процессами. Как отмечает Д. А. Сусеева, существует три типа вершин

(Д. А. Сусеева называет их исходными словами) эквивалентных словообразовательных гнезд: слова, совпадающие по семантике и по звуковому составу; слова, совпадающие по семантике, но имеющие звуковые несовпадения; слова, имеющие при звуковом тождестве семантические расхождения [Сусеева, 1994]. Эти расхождения также затрудняют поиск идентичных вершин гнезд в сопоставляемых языках.

В «Словообразовательном словаре калмыцкого языка» [Сусеева, 1997] для слов, возглавляющих гнездо, употребляется термин «исходное слово». Считаем, что термин «исходное слово гнезда» следует заменить на термин «вершина гнезда», а термин «исходное слово гнезда» употреблять в значении исходного слова для идентичных слов всех трех языков предполагаемого словаря.

При сопоставлении словообразовательных гнезд родственных языков возникает также вопрос, связанный с исчезнувшими вершинами гнезд, в случаях, когда в одном языке исходные слова сохранились, в другом — они полностью отсутствуют. Несомненно, что эти слова желательно по возможности восстановить. В связи с этим при определении вершин словообразовательного гнезда монгольских языков актуально привлечение исторических данных, что к тому же позволит выявить особенности становления монгольских языков, обнаружить структурно-семантические изменения в каждом из них. Утверждение автора «Толково-словообразовательного словаря русского языка» И. А. Ширшова можно применить и к фактам монгольских языков: «Игнорирование этимологии отрывает современный русский язык от предшествующих эпох его функционирования, не дает адекватного представления о языке конца 20-го столетия, так как последний — одно из множеств сменяющих друг друга синхроний, сохраняющих единый стержень. Проводить борозду между синхронией и диахронией при описании языка в тот или иной период его развития — значит придерживаться точки зрения о наличии двух языков, а не одного функционирующего во времени» [Ширшов, 1999: 125].

В частности, в рукописном варианте монгольско-калмыцкого словообразовательного словаря Д. А. Сусеевой «найденны» вершины словообразовательных гнезд и в монгольском, и в калмыцком языках (они помечены звездочкой). Так, например, благодаря сопоставительному анализу была выявлена вершина словообразовательного гнезда в калмыцком языке *һуу/х/*:

Калм.				
<i>*һуу/х/</i>	<i>-һуу-ль</i> нищета, милосты- ня	<i>-һууль-һ/х/</i> просить ми- лостыню, выпраши- вать, выма- нивать	<i>-һуульһ-лт</i> нищенство	
			<i>-һуульһ-н</i> попрошайниче- ство	<i>һуульһ-н-ч</i> нищий, по- прошайка
				<i>һуульһнч-л/х/</i> просить ми- лостыню, ни- щенствовать, клянчить
Монг.				
<i>гуй/х/</i>	<i>-гуй-лт</i> просьба			
	<i>-гуй-гч</i> проситель			
	<i>-*гуй-лга</i>	<i>-гуйлга-чин</i> нищий, попрошайка		
	<i>-*гуй-м</i>	<i>-гуйм-т</i>	<i>гуймт-гай</i> привыкший про- сить	
		<i>-гуйм-хай</i> привыкший просить		
	<i>-*гуй-р</i>	<i>*гуйр-ан</i>	<i>гуйран-ч</i> нищий	
			<i>гуйран-чла/х/</i> просить милостыню	
	<i>*гуй-л</i>	<i>гуйл-лин</i>	<i>гуйлин-ч</i> нищий	<i>гуйлинч-ла/х/</i> попрошайничать

Бурятское словообразовательное гнездо от глагола *гуйха* 'просить, выпрашивать, вымаливать' также подтверждает наличие исчезнувшей вершины *хуу/х/* в калмыцком языке. Бурятское гнездо является более обширным, уже на первой ступени зафиксировано шесть производных. Достоверность мотивации *гуйха* → *гуйлта* может быть подтверждена и существованием такой же связи между монгольскими соответствиями *гуй/х/* → *гуй-лт*. В данном гнезде симметричный рисунок деривационных связей 1-й ступени производности в родственных языках нарушается, что наблюдается почти во всех сопоставляемых гнездах. Бурятские производные *гуйранша/н/* 'нищий, попрошайка', *гуйраншалга*, *гуйраншалалга* 'обнищание, нищенство, нищета', *гуйраншалха* 'просить милостыню, нищенствовать, клянчить' создают словообразовательную цепочку от деривата *гуйран* 'попрошайка', находящегося на 1-й ступени производности. Функционально-семантические эквиваленты *гуйран* и *гуйранша/н/* 'попрошайка, нищий' в бурятском, *гуйлгачин* 'попрошайка, нищий' в монгольском, *хуульһнч* 'попрошайка, нищий' в калмыцком служат одним из доказательств, что калмыцкие дериваты *хуль*, *хуульһ/х/*, *хуульһлт* относятся к словообразовательному гнезду с вершиной *хуу/х/*, не функционирующему в современном калмыцком языке. Приведенный языковой материал свидетельствует, что калмыцкое слово *хуль* 'нищета', монгольское слово *гуйлт* 'просьба', бурятское *гуйлга* 'кассационная жалоба' входят в словообразовательные гнезда с идентичными вершинами. Данный пример служит еще одним доказательством положения, что сопоставление родственных языков в сравнении с контрастивным описанием генетически отдаленных языков, имеет не только свою специфику, но и отличается по результатам исследования.

При составлении словообразовательных гнезд бурятского языка также обнаруживаются исчезнувшие вершины. Так, бурятское слово *аагтай* '1) крепкий; 2) острый, пряный; 3) кислый' (*аагтай сай* 'крепкий чай') имеет соответствия в монгольском *аагтай*, в калмыцком *агта*, в бурятских толковых словарях не зафиксировано производящее для слова *аагтай*, оно

считается непроизводным. Монгольский эквивалент входит в словообразовательное гнездо с вершиной *aaг* (в монг. *aaг* — многозначное слово, одним из значений является `крепость, настой, навар, едкость (например, чая, лука, лекарства, какого-л. настоя и т. п.) [БАМРС, Т. 1: 32]. В рукописном варианте монгольско-калмыцкого словообразовательного словаря Д. А. Сусевой монгольскому *aaг* дается калмыцкий эквивалент *ag* `настой, налет, осадок, острота, горечь`, это же слово, только в суженном значении `настой, горечь` зафиксировано в «Словообразовательном словаре калмыцкого языка» [Сусеева, 1997: 44]. Проведенное сопоставление родственных словообразовательных гнезд позволяет восстановить утраченный фрагмент общей картины словообразовательного процесса в бурятском языке: *aaг* → *aaгтай*. Следовательно, бурятское прилагательное *aaгтай*, образованное от *aaг* и обнаруженное при сопоставлении, в трехязычном словаре войдет в бурятское словообразовательное гнездо с вершиной *aaг*, помеченное звездочкой. Думается, что эта деривационная цепочка отражает истинное соответствие между словами. Что касается *agтай* `сильный, острый, крепкий`, то оно мотивировано лексемой *ag* I.1. грязь, налет, осадок; 2) острота, горечь; II. наречие `сильно, крепко`. То есть в бурятском языке, видимо, произошло расщепление значений, сконцентрированных в монгольском *aaг*, и закрепление их за разными фонетическими вариантами *aaг* и *ag*. Кстати, *aaгтай*, в отличие от монгольского и калмыцкого эквивалентов, имеет сему `кислый`: *aaгтай зөөхэй* `кислая сметана`.

Таким образом, этимологический критерий, использованный при установлении вершины гнезда, поможет выявить идентичные вершины в родственных языках, воссоздать утраченные деривационные связи, восстановить производность некоторых слов, считающихся непроизводными. Отмеченные явления, уводящие в область историко-этимологических изысканий, типичны для сопоставляемых родственных гнезд, их анализ позволяет проследить, чем обусловлен неполный набор звеньев словообразовательной цепи в тех или иных гнездах генетически родственных языков, имеющих общее начало. Анализ подобных случаев

рождает немало предположений и догадок. Причины расхождения генетически родственных языков могут быть разные, могут носить и лингвистический, и экстралингвистический характер. Объяснение нужно искать и в заимствованном характере некоторых лексем, нежизнеспособности одного из исходных слов, немаловажную роль играет временной фактор, территориальная отдаленность, национальная самобытность. «Из этого напрашивается вывод о том, что модели словообразования вообще в языках берут начало в глубокой древности. Ввиду этого в работе по мере углубления в тему вырисовывался не только общемонгольский, но и общий тюрко-монгольский аспект и появлялась необходимость применения сравнительно- исторического метода...» [Дондуков, 1993: 6].

Словообразовательное гнездо — комплексная структурированная единица языка, в разные языковые периоды обладающая разным набором производных: одни слова из гнезда выпадают, другие появляются. Таким образом, оно может изучаться не только с синхронной точки зрения, но и в плане диахронии. Наиболее современным является *комплексный* подход — синхронно-диахронный, когда гнездо изучается на исторической оси, прослеживается путь его функционирования во времени, а современное его состояние рассматривается как результат диахронических изменений.

Итак, для словарной статьи в толково-словообразовательном словаре родственных языков предлагается перспективно-параллельный принцип подачи лексико-словообразовательных гнезд (с толкованием на русском языке), где принцип размещения производных внутри гнезда должен быть структурно-перспективным (как в словаре И. А. Ширшова), порядок расположения гнезд с идентичными вершинами — параллельный. Такой принцип подачи словарного материала оптимален не только для родственных языков, но и для сравнительного изучения диалектов одного языка. Подобное представление словарного материала позволит последовательно осуществить анализ межъязыковых соответствий как при характеристике вершины гнезда, так и при сопоставлении производных слов в гнездах.

Изучение лексико-словообразовательных гнезд близкородственных языков как одного из способов системной организации лексики и словообразовательного уровня сопоставляемых языков позволит уточнить, что существующие различия в интерпретации идентичного мыслительного содержания обусловлены тем, что каждый язык по-своему членит мир. Также сравнительный материал словаря позволит увидеть существующие определенные универсалии в организации словообразовательных систем родственных монгольских языков.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты проведенного исследования в области словообразования бурятского языка позволили нам сделать следующие выводы и обобщения.

В процессе исследования деривационных возможностей было установлено, что словообразовательная система бурятского языка представляет собой закономерно организованную совокупность, состоящую из набора элементарных объектов со своими признаками и отношениями, а также правилами образования сложных объектов из простых.

Для решения исследования словообразовательного потенциала бурятских лексем выдвинут интегративный способ описания системы бурятского словообразования как надежный критерий исследования деривационного механизма.

Способы словообразования работают по внутренним законам развития языка и свидетельствуют о системности языка, поскольку в основе лежит зависимость способов словообразования от грамматического строя языка. Традиционно бурятский язык относят к агглютинативно-аналитическим языкам. В нем представлено изобилие суффиксов, которые в силу своей агглютинативности язык использует не только цепочечно, но и употребляет на одном деривационном шаге, создавая коалицию аффиксов (например, при залогообразовании). Существуют составные, сращенные формы аффиксов.

Бурятский язык располагает обширным арсеналом создания новых наименований: помимо аффиксального способа образования дериватов развиты способы номинации на синтаксической основе (аналитические формы слов), активно словосложение. Аналитизм бурятского языка не свидетельствует об ограниченности средств морфологического словостроительства, а напротив, характеризует его как язык с разнообразными способами номинации. Семантическое развитие и обогащение языка обуславливают не только разветвление лексических значений, но и образование слов одной части речи от другой. Частотность семантической деривации в единой системе языко-

вых единиц и в отдельных ярусах иерархической организованности языковых уровней свидетельствует о том, что системе частей речи бурятского языка присуща динамика, проявляющаяся в транспозиционных процессах, в т. ч. в образованиях слов различных частей речи от других.

Семантическая деривация — следствие структурных особенностей языка. Умение увидеть и подметить в двух разных предметах общее, установить связь между разными явлениями свидетельствует об ассоциативном, образном мышлении носителей языка. В бурятском языке много производящих слов, состоящих из одного корня, что позволяет развивать многозначность. Достаточное количество однокорневых производящих в бурятском языке подтверждает не только исконность этих слов, но является еще одним доказательством образности и глубины бурятского языка. Вместе с тем многозначностью обладают не только простые по структуре слова. Семантическая деривация свидетельствует о богатстве и многогранности бурятского слова, о его неисчерпаемости и глубине.

На современном этапе аффиксальный способ образования новых слов превалирует, безаффиксные способы становятся фактами истории языка. Конверсия — это не функциональное явление и не синкретизм, а семантико-морфолого-синтаксический способ словообразования, при котором слово одной части речи образуется от слова другой без изменения внешней формы исходного слова, а словообразовательным средством при этом является операция, при которой происходит семантический сдвиг, изменение грамматической оформленности слова.

Способы словообразования понимаются как формально-семантические операции преобразования исходной семантики. Классификацию способов словообразования бурятского языка можно построить в соответствии с существующей классификацией, построенной по признаку используемого словообразовательного средства (дериватора): аффиксальные, безаффиксальные и смешанные (аффиксальные + безаффиксальные), причем способы словообразования необходимо различать с точки зрения диахронических и синхронических отношений между словами.

По единому принципу описываются безаффиксные способы словообразования бурятского языка. В исследовании поднимаются некоторые спорные (фоносемантический способ словообразования) или ранее не поднимавшиеся проблемы монгольского словообразования (отфразеологичное словообразование и контаминация как способы словообразования в бурятском языке), выявляются словообразовательные средства безаффиксных способов словообразования. Упорядочена известная терминология, определены основные направления дальнейших исследований в этой области.

Система словообразования бурятского языка представлена в виде парадигмального объединения однокоренных слов — словообразовательного гнезда, постулирующего системность словопроизводства на оси двух координат: вертикальной и горизонтальной, где скрепляющим началом выступает слово, являющееся вершиной гнезда. Словообразовательное гнездо бурятского языка, расширяясь по вертикальным и горизонтальным осям, строится на специфических семантических основаниях, имеет гроздевую структуру — напоминает дерево с ветвями и гроздьями. В одном гнезде словообразовательную ветвь с дериватами образуют ответвления по вертикали, где лучики или соединительные линии обозначают отношения производности. Узлы на ответвлениях обозначают производное, которое, в свою очередь, дает гроздь дериватов или один отросток-дериват, т. е. становится производящим для других дериватов, или же завершает цепочечное развитие (ветвь). В зависимости от степени удаленности от вершины гнезда (ствола дерева) дериваты цепочечно закрепляются по вертикальной оси как одно ответвление, каждый узел по вертикали — это ярус. Каждая гроздь дериватов прикрепляется к узлам, отношения внутри гроздьев — соотношения кодериватов, отношения словообразовательной мотивированности обозначаются при помощи стрелочек, лучиков, соединительных линий, исходящих из одной точки (узла).

Превалирует горизонтальное построение, структура гнезда имеет тенденцию к расширению (на одном ярусе оказываются дериваты из одной или нескольких гроздей). В бурятском сло-

вообразовательном гнезде превалирует двух-, трех- или четырехъярусность. Одну гроздь создают дериваты, образованные при помощи комплексных аффиксов (коалиция аффиксов), словообразовательные синонимы, парные слова, редупликаты, сложные слова, слова, образованные на синтаксической основе, контаминированные слова, конверсивы, омонимы.

При построении типовой модели отношений «производящее — производное» словообразовательная система бурятского языка охарактеризована как корневая общность, организованная функционально-семантическими отношениями составляющих его единиц. При моделировании однокоренной лексики с ориентацией на многозначность производящего и отношение лексико-семантической соотносительности производных механизм деривации бурятского языка предстает как порождающий механизм, при этом вырисовывается потенциал слова, выраженный гроздью образованных дериватов.

Словообразовательная пара — это реальный языковой факт, уникальность которого определяется индивидуальным лексическим значением образующих ее слов. На уровне словообразовательной пары устанавливаются все основные типы словообразовательной производности деривационного механизма бурятского языка, так как производное и производящее связаны отношением словообразовательной мотивированности. В бурятском языке определяются различные виды производящего: простые (однословные) и комплексные (состоящие из нескольких словесных знаков). И простые, и комплексные производящие могут включаться в состав производного как целиком, так и частично. В качестве особого производящего выступают составные наименования, представляющие собой двух- или несколькословные номинации. Отношения между сочетающимися знаками могут быть зависимыми и независимыми. Зависимые отношения выражены словосочетаниями, в основе которых лежат атрибутивные (или определительные), объектные (или дополнительные), релятивные (или обстоятельственные) отношения. Наиболее частотными в бурятском языке являются словосочетания существительного с прилагательным (атрибу-

тивные). Независимые отношения выражаются сочетанием двух равнозначных знаменательных слов, в основе которых лежат семантические отношения: синонимические, антонимические и др. Существует два пути образования слов от комплексных производящих: аффиксальный и операционный — образование на основе значений двух слов нового значения одного слова, подразумевающего развитие аналитического слова двухкомпонентной структуры к *синтетически* неразложимому слову. Данные слова являются синхронно неразложимыми словами, воспринимаемыми языковым сознанием, как простые.

Словообразовательная пара и отношения в паре лежат в основе синтагматических, парадигматических и иерархических отношений в словообразовательной системе любого языка. Именно на основе словообразовательных пар происходит конструирование сложных объектов из более простых, например, из словообразовательных пар складываются другие объекты словообразовательной системы — словообразовательные цепочки, словообразовательные парадигмы, словообразовательные гнезда.

Отношения кодеривации, или равнопроизводности, являются универсальным признаком словообразовательной системы бурятского языка. Исследование конкретной парадигмы (дериватов одной грозди), типовой и суммарной словообразовательной парадигмы на примере отглагольной деривации позволило выявить специфический набор словообразовательных значений, характерных для этой части речи. В результате данного подхода выявляется определенный инвариант словообразовательной семантики глагольного слова, номинативный потенциал отглагольной деривации. В соответствии с «отчастеречным» подходом возможно исследование отсубстантивной, отадективной деривации, особенности их формирования и функционирования в бурятском языке. Исследование дериватов одной грозди, типовых и суммарных СП бурятского языка позволяет сделать выводы о том, что словообразовательный потенциал бурятского производного слова зависит не от семантической и структурной сложности (он должен падать), а от частеречной принадлежности слов. Активность словопорождающих свойств глагола связана,

несомненно, со спецификой функционирования морфологической категории залога, относящейся к словообразованию. Для бурятского языка функционально-семантическая категория залога представляет собой специфическую область деривационно-грамматической семантики, выражаемой пятью рядами форм прямого, побудительного, страдательного, совместного и взаимного залогов, т. е. неопозитивным многочленным соотношением. Представляется, что категория залога в бурятском языке больше семантическая категория.

Существующая в дериватологии типология словообразовательных цепей может иметь место и в языках агглютинативного строя. В бурятском языке последовательная производность характеризуется развертыванием по вертикали, цепочное образование можно представить как некое нанизывание дериватов на узелки. Словообразовательная цепь бурятского языка характеризуется трех- или четырехузелковостью, т. е. в плане протяженности (вертикальной ветви, цепи развертывания дериватов) они считаются короткими, количественная составляющая дериватов одного гнезда покрывается за счет многочисленности цепочек (ветвей).

Характер классификационных построений в области производной лексики бурятского языка обусловлен также случаями семантического сдвига — появления расхождений в семантике производящего и последующих производных, который могут происходить на разных ярусах развертывания словообразовательной ветви (цепи), т. е. во всех ее звеньях. Появление в ней новых номинативно-производных или переносных значений отражается в изменении семантической структуры компонентов бурятской словообразовательной цепи. При анализе словообразовательной ветви бурятского языка выявлены факты, когда отсутствие структурно-семантического соответствия между их звеньями объясняется не только специфическим набором деривационных средств, но и идиотническим характером номинации того или иного объекта действительности.

Ключевой единицей осмысления системности словообразовательного уровня является производное слово. При исследова-

нии словообразовательной системы бурятского языка используется основополагающее свойство производного слова объективироваться как элемент определенной части речи и в качестве такового включаться в разные по степени обобщенности лексико-грамматические и семантические общности. Частеречный статус является базовым, высшим в иерархии категорий, которые приобретает производное слово. Иерархическая организация гнезд по частеречной принадлежности (гнезда глаголов, гнезда прилагательных) и отнесенности их к разным лексико-грамматическим, семантическим группам предопределяют системный подход к описанию словообразовательной системы в целом. Исследование потенциальных возможностей каждой части речи в функции производящего позволяет представить словообразовательную систему бурятского языка в перспективном аспекте.

В исследовании словообразовательная система бурятского языка представлена как лексическая система, так как моделирование однокоренной лексики проводится с ориентацией на многозначность производящего и отношения лексико-семантической соотносительности производных. Дается определение лексико-словообразовательного гнезда, оно представляет собой упорядоченную совокупность однокоренных слов, связанных деривационными и мотивационными отношениями.

Гнездо указанного типа демонстрирует разветвленную систему дериватов, отходящих от ствола дерева (слова — вершины), являющегося смысловым центром, образует связанное между собой сложное целое, в котором обнаруживаются и синонимические, и вариативные, и антонимические отношения. В целом представляется возможным рассматривать данную тенденцию как проявление симметричных потенций языка, как вечное его стремление наиболее полно обозначить именуемую вещь.

Синонимические отношения вводятся в круг деривационных отношений языка, при этом словообразовательные синонимы рассматриваются не как дублетные, избыточные образования, а как специфические номинации, имеющие свою сферу

функционирования в языке. Наличие словообразовательных синонимов свидетельствует о принадлежности бурятского языка к языкам с богатой и сложной морфологической структурой, характерной особенностью которых является подвижность словообразующих суффиксов (имеется в виду образование слов в двух, трех вариантах, совпадающих или очень близких по значению).

Исследование словообразовательной системы бурятского языка демонстрирует изменение структуры бурятского слова: существует тенденция упрощения системы, предпочтение целостной номинации.

Изменения, происходящие в современном бурятском языке, во многом связаны с интеграцией русизмов и влиянием русского языка на систему бурятского словообразования, что сказывается в пополнении производящей базы бурятского словопроизводства, в активизации конкретных словообразовательных типов (образование отвлеченных существительных) и некоторых способов словообразования (сложение), в расширении деривационных возможностей ряда бурятских суффиксов (-л, -са/-со/-сэ, -аан/-ээн/-ээн/-өөн, -лга/-лго/-лгэ, -лта/-лтэ/-лто, -да и др.) и пополнении инвентаря словообразовательных аффиксов за счет заимствованных суффиксов (например, -к, -ниц, -ш(a)). Контактное взаимодействие с русским языком является катализатором, ускоряющим развитие внутренних процессов словообразовательной системы бурятского языка.

Наиболее перспективной единицей для межъязыкового сопоставительного исследования словообразовательных систем родственных языков является лексико-словообразовательное гнездо. Процессы, усиливающие и углубляющие различия между генетически родственными языками, наблюдаются на деривационном и лексическом уровнях. Настоящая концепция лежит в основе проекта толково-словообразовательного словаря монгольских языков (монгольского, бурятского и калмыцкого языков).

Разработана методика размещения лексико-словообразовательных гнезд родственных языков, предлагается перспективно-параллельный принцип подачи родственных лексико-словообразовательных гнезд с

толкованием на русском языке. В трехязычном словаре производные внутри гнезда располагаются соответственно структурно-перспективному принципу, порядок расположения гнезд с идентичными вершинами должен быть параллельный. Такой принцип подачи словарного материала оптимален не только для родственных языков, но и для сравнительного изучения диалектов одного языка. Подобное представление словарного материала позволит последовательно осуществить анализ межъязыковых соответствий как при характеристике вершины гнезда, так и при сопоставлении производных слов в гнездах.

При составлении словарной статьи сложного слова предлагается исходить из структурной характеристики слова. Если это парное слово, то оно описывается в двух гнездах (в зависимости от компонентов) — принцип алфавитно-опорный. Если же мотивирующим является словосочетание, сложное слово, то оно описывается в одном гнезде (в зависимости от первого компонента) — алфавитный принцип.

Бурятское словообразование предстает как система средств, единиц, связей, служащая процессам номинации и ими обусловленная. Представленное исследование номинативных средств бурятского языка позволяет обобщить положение, что мотивировочный признак — не элемент собственно значения слова, а устойчивая ассоциация, следовательно, в основу мотивировочного признака кладутся прототипические образы, означивание которых определяется экстралингвистическими причинами.

Исследование внутренней формы бурятских слов позволяет сделать выводы, что их своеобразие обусловлено, с одной стороны, выбором мотивирующей базы при образовании номинативных единиц одной понятийной сферы (способ лексикализации одних и тех же понятий), с другой стороны, использованием мотивирующих основ в образовании производных с идиоэтническим компонентом семантики.

Исследование фактов дифференцированного означивания фрагментов действительности в лексическом составе соотносительных словообразовательных гнезд генетически родственных

языков указывает на расхождение генетически родственных языков.

В целом исследование специфики организации бурятского словообразования свидетельствует о глубокой семантической языка, об этом говорит не только наличие образных слов, но и активность семантической номинации (конверсионное образование, лексико-семантический способ образования слов), обилие синонимических дериватов, отфразеологичное словообразование, наличие полисемантов.

Семантическая бурятского языка позволяет ему иметь богатейший деривационный механизм, создавать новые слова, не меняя его фонетической оболочки, или же, наоборот, разрешает в звуки вложить смысл и создавать новые слова благодаря семантике звучания. Данное глубинное свойство языка позволяет легко оперировать арсеналом своих средств, создавая обилие однокоренных синонимов и антонимов для выявления разных оттенков и нюансов в обозначении какого-либо явления, признака, предмета. Думается, это явление можно рассматривать как конкретное проявление потенциальных возможностей развития бурятского языка.

Выявление общих особенностей организации словообразовательной системы в системе языка в целом открывает новые возможности словообразовательного механизма. Разработка синхронного словообразования бурятского языка открывает перспективы исследования — дальнейшего фронтального изучения связей между единицами словообразования. В частности, требуется дальнейшее исследование синонимичных отношений, углубленное изучение антонимических отношений, исследование таких способов словообразования, как парное словообразование, редупликация, отфразеологичное словообразование. Не оспаривая научной ценности структурно-словообразовательных методов, системного анализа словообразовательного уровня бурятского языка, считаем необходимым развивать функционально-ориентированное, когнитивное моделирование словообразовательной системы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абаева Ю. Д. О развитии повелительно-желательного наклонения в монгольских языках / Ю. Д. Абаева // История развития бурятского языка: сборник статей. Улан-Удэ: Изд-во БНЦА СО РАН, 2006. С. 17–27.
2. Алексеев Д. А. Синтаксические функции падежей в бурят-монгольском языке / Д. А. Алексеев // Сборник трудов по филологии. Улан-Удэ, 1948. Вып. 1. С. 136–155.
3. Аликаева Г. В. Словообразовательное гнездо и словообразовательный ряд в терминах теории систем / Г. В. Аликаева // Филологические науки. 1995. № 1. С. 55–63.
4. Альметова Н. М. О принципах анализа словообразовательной мотивированности в конверсионных парах «глагол — существительное» и «существительное — глагол» в современном английском языке / Н. М. Альметова // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. Москва, 2010. С. 116–120.
5. Альтман И. В. Особенности отглагольных гнезд в русском языке / И. В. Альтман // Проблемы структурной лингвистики. 1971. Москва: Наука, 1972. С. 245–257.
6. Альтман И. В. Особенности русских глаголов и структуры их словообразовательных гнезд / И. В. Альтман // Проблемы структуры слова и предложения. Пермь, 1974. С. 41–43.
7. Аминова А. А. Внутриглагольная деривация в русском и татарском языках: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / А. А. Аминова; Моск. гос. ун-т. Москва, 1995. 70 с.
8. Амоголонов Д. Д. Введение в морфологию бурят-монгольского языка / Д. Д. Амоголонов // Учен. Зап. Бурят.-Монг. госпединститута. Улан-Удэ, 1955. С. 95–113.
9. Амоголонов Д. Д. Современный бурятский язык / Д. Д. Амоголонов. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958. 338 с.
10. Андреева С. В. Способы словообразования в бурятском и русском языках: сопоставительно-типологическое исследование / С. В. Андреева. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 1998. 146 с.

11. Апресян Ю. Д. Избранные труды, Лексическая семантика (синонимические средства языка) / Ю. Д. Апресян. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Школа «Языки русской культуры», 1995. Т. 1. 472 с.
12. Араева Л. А. Словообразовательный тип как средство категоризации языковой картины мира (в свете современного когнитивного подхода) / Л. А. Араева // Языковая категоризация (части речи, словообразование, теория номинации): материалы круглого стола, посвященного Е. С. Кубряковой по тематике ее исследований (Москва, 1–31 октября 1997 г.). Москва, 1997. С. 3–6.
13. Арутюнова Н. Д. Проблемы морфологии и словообразования (на материале испанского языка) / Н. Д. Арутюнова // Лингвистика и поэтика. Москва: Языки славянских культур, 2007. 288 с.
14. Афанасьева Э. В. Категория залога и вида в бурятском и баргутском языках / Э. В. Афанасьева // История развития бурятского языка: сборник статей. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2006. С. 27–43.
15. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. Москва: КомКнига, 2007. 576 с.
16. Бабушкин С. М. Русская интернациональная лексика в бурятской речи населения республики / С. М. Бабушкин // Вопросы бурятско-русского двуязычия. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 1998. Вып. 2. С. 3–15.
17. Бадмаева Ю. Д. Сравнительный обзор грамматических категорий монгольских языков и диалектов ареала Северо-Восточной Азии / Ю. Д. Бадмаева // Монгольские языки и диалекты северо-восточного ареала Центральной Азии: сборник статей. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2006. С. 93–101.
18. Базарова В. В. Типология процессов развития лексики бурятского и русского языков / В. В. Базарова. Улан-Удэ, 2001. 127 с.
19. Бальжинимаева Б. Д. Традиционная ремесленная терминология в монгольских языках северо-восточного ареала Центральной Азии / Б. Д. Бальжинимаева. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2009. 136 с.
20. Бальжинимаева Ц. Ц. Именные словосочетания в бурятском языке / Ц. Ц. Бальжинимаева. Улан-Удэ, 1997. 130 с.

21. Баскаков Н. А. О границах словообразования и словоизменения в тюркских языках / Н. А. Баскаков // Сов. тюркология. 1986. № 2. С. 3–8.

22. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист; перевод с французского. Москва: Прогресс, 1974. 447 с.

23. Бережан С. Г. Совпадение отдельных элементов смысловой структуры слов как основа синонимичности / С. Г. Бережан // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. Москва, 1967. Т. 26, № 3. 213 с.

24. Бертагаев Т. А. Лексика современных монгольских литературных языков (на материале монгольского и бурятского) / Т. А. Бертагаев. Москва: Наука, 1974. 383 с.

25. Бертагаев Т. А. О морфологическом строе бурятского языка / Т. А. Бертагаев. Москва: Изд-во АН СССР, 1961. 31 с.

26. Бертагаев Т. А. Синтаксис современных монгольских языков в сравнительном освещении / Т. А. Бертагаев. Москва: Наука, 1964. 280 с.

27. Бертагаев Т. А. Морфологическая структура слова в монгольских языках. Москва: Наука, 1969. 183 с.

28. Бертагаев Т. А. Сочетание слов и современная терминология / Т. А. Бертагаев. Москва: Наука, 1971. 152 с.

29. Биренбаум Я. Г. Опыт сопоставительного анализа английских и бурятских адъективных образований / Я. Г. Биренбаум, Л. Д. Шагдаров // О зарубежных монголоведческих исследованиях по языку. Улан-Удэ, 1968. С. 93–118.

30. Биткеева Г. С. Парные слова в монгольских языках / Г. С. Биткеева, П. Ц. Биткеев // Исследования по грамматике и лексике монгольских языков. Элиста, 1985. С. 3–15.

31. Блинова О. И. Явление мотивации слов / О. И. Блинова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984. 191 с.

32. Бобровников А. Грамматика монгольско-калмыцкого языка / А. Бобровников. Казань, 1849. 402 с.

33. Бондарко А. В. Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии / А. В. Бондарко. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1996. 220 с.

34. Будаев Ц. Б. Лексика бурятских диалектов в сравнительно-историческом освещении / Ц. Б. Будаев. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1978. 302 с.

35. Бураев И. Д. Становление звукового строя бурятского языка / И. Д. Бураев. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1987. 185 с.

36. Бураев И. Д. Звуковой состав бурятского языка / И. Д. Бураев. Улан-Удэ, 1959. 194 с.

37. Бурыкин А. А. Морфологические варианты слов в монгольских языках / А. А. Бурыкин // Санжеевские чтения–5: материалы научной конференции. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2003. Ч. 2. С. 62–69.

38. Виноградов В. В. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии / В. В. Виноградов // Вопросы теории и истории языка. Москва: Изд-во АН СССР, 1952. С. 99–152.

39. Виноградов В. В. Избранные труды: Исследования по русской грамматике / В. В. Виноградов. Москва: Наука, 1975. 560 с.

40. Владимирцов Б. Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия / Б. Я. Владимирцов. Ленинград: Изд-во Ленингр. Вост. ин-та, 1929. 435 с.

41. Галсан С. Сопоставительная грамматика русского и монгольского языков. Фонетика и морфология / С. Галсан. Улан-Батор, 1975. 318 с.

42. Гинзбург Е. Л. Исследование структуры словообразовательных гнезд / Е. Л. Гинзбург // Проблемы структурной лингвистики. 1972. Москва: Наука, 1973. С. 146–225.

43. Гинзбург Е. Л. К разработке критериев направления производности / Е. Л. Гинзбург // Грамматика и норма. Москва, 1977. С. 86–106.

44. Гинзбург Е. Л. Понятие словообразовательного гнезда / Е. Л. Гинзбург // Проблемы структуры слова и предложения. Пермь, 1974. С. 35–40.

45. Голев Н. Д. Динамический аспект лексической мотивации / Н. Д. Голев. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1989. 252 с.

46. Головин В. Г. Иерархия комплексных единиц словообразовательного гнезда / В. Г. Головин // Актуальные вопросы русского словообразования: материалы научной конференции. Ташкент, 1985. С. 213–216.

47. Дарбеева А. А. Русско-монгольские языковые контакты в условиях двуязычия / А. А. Дарбеева. Москва: Наука. 1984. 181 с.

48. Дащенко О. И. О соотношении комплексных единиц словообразования / О. И. Дащенко, А. Д. Зверев // Актуальные проблемы русского словообразования: материалы научной конференции. Ташкент: Укитувчи, 1985. С. 47–53.

49. Дондокова Д. Д. О сложении буддийской терминологии в бурятском языке // Санжеевские чтения–5: материалы научной конференции. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2003. Ч. 2. С. 98–103.

50. Дондуков У.-Ж. Ш. Аффиксальное словообразование частей речи в бурятском языке / У.-Ж. Ш. Дондуков. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1964. 246 с.

51. Дондуков У.-Ж. Ш. Парное словообразование имен существительных в бурят-монгольском языке: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Ленингр. ордена Ленина гос. ун-т им. А. А. Жданова. Ленинград, 1955. 20 с.

52. Дондуков У.-Ж. Ш. К вопросу о парных словах в монгольских словах / У.-Ж. Ш. Дондуков, Н. Г. Данчинова / О зарубежных монголоведческих исследованиях по языку. Улан-Удэ, 1968. С. 27–37.

53. Дондуков У.-Ж. Ш. О развитии терминологии в бурятском языке / У.-Ж. Ш. Дондуков. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1970. 78 с.

54. Дондуков У.-Ж. Ш. Развитие лексики монгольских языков: в 2 томах / У.-Ж. Ш. Дондуков. Улан-Удэ: Буряад үнэн, 2004. Т. 1. 288 с.

55. Дондуков У.-Ж. Ш. Развитие лексики монгольских языков: в 2 томах / У.-Ж. Ш. Дондуков. Улан-Удэ: Буряад үнэн. 2004. Т. 2. 270 с.

56. Дондуков У.-Ж. Ш. Словообразование монгольских языков / У.-Ж. Ш. Дондуков. Улан-Удэ: Изд-во БГПИ им. Д. Банзарова, 1993. 196 с.

57. Дугаров Н. Б. Лексические синонимы в современном бурятском литературном языке / Н. Б. Дугаров. Москва: Наука, 1978. 71 с.

58. Дырхеева Г. А. Использование частотного словаря для оптимизации преподавания бурятского языка / Г. А. Дырхеева. Улан-Удэ, 1992. 238 с.

59. Дырхеева Г. А. Парные слова и парное словообразование / Г. А. Дырхеева, Д. Ш. Харанутова, Е. А. Бардамова. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ, 2014. 208 с.

60. Евсеева И. В. Словообразовательное гнездо как фрагмент языковой картины мира / И. В. Евсеева // Лингвистика как форма жизни: сборник научных трудов, посвященный юбилею Л. А. Араевой. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2002. С. 109–112.

61. Егодурова В. М. Бурятский глагол: учебное пособие для вузов / В. М. Егодурова. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2003. 140 с.

62. Егодурова В. М. Типология глагола в бурятском и русском языках / В. М. Егодурова. Улан-Удэ, 1995. 154 с.

63. Ермакова О. П. Лексические значения производных слов в русском языке / О. П. Ермакова. Москва: Рус. яз., 1984. 152 с.

64. Есипова А. В. Теоретические проблемы словообразования в тюркских языках (на материале шорского языка): диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. Москва, 2011. 425 с.

65. Зверев А. Д. О словообразовательных парадигмах в русском языке / А. Д. Зверев, О. И. Дащенко // Актуальные проблемы русского словообразования: материалы научной конференции. Ташкент, 1982. С. 104–107.

66. Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование: учебное пособие / Е. А. Земская. 3-е изд., испр. Москва: Флинта: Наука, 2006. 238 с.

67. Земская Е. А. Словообразование как деятельность / Е. А. Земская. 2-е изд., стер. Москва: КомКнига, 2005. 224 с.

68. Золотова Г. А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова; под редакцией Г. А. Золотовой. Москва: Изд-во Моск. ун-та, Ин-та русского языка РАН, 1998. 528 с.

69. Золхоев В. И. Функционирование системы фонем бурятского языка / В. И. Золхоев. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 1999. 84 с.

70. Золхоев В. И. Проблемы фонологии и морфонологии агглютинативных языков: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. / В. И. Золхоев. Ленинград, 1987. 33 с.

71. Золхоев В. И. Фонология и морфонология агглютинативных языков: (особенности функционирования фонем) / В. И. Золхоев. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1980. 143 с.

72. Кадькалова Э. П. К перспективам изучения словообразовательных гнезд / Э. П. Кадькалова // Актуальные проблемы русского словообразования. Елец, 2001. С. 229–232.

73. Казак М. Ю. Интегративная теория словообразовательного гнезда: грамматическое моделирование; квантитативные аспекты; потенциал; прогнозирование / М. Ю. Казак. Белгород, 2004. 298 с.

74. Калайдович И. Опыт правил для составления русского производного словаря, с некоторыми замечаниями на правила, принятые Обществом / И. Калайдович // Сочинения в прозе и в стихах: труды Общества любителей русской словесности. Санкт-Петербург, 1824. Ч. 5. С. 330–390.

75. Касьяненко З. К. Современный монгольский язык / З. К. Касьяненко. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1969. 109 с.

76. Катлинская Л. П. О функциональном подходе к словообразовательной синхронии / Л. П. Катлинская // Современный русский язык. Словообразование: проблемы и методы исследования. Москва, 1988. С. 125–138.

77. Катышев П. А. Полимотивация и смысловая многомерность словообразовательной формы / П. А. Катышев. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. 260 с.

78. Кильдибекова Т. А. Когнитивный аспект словообразовательных гнезд / Т. А. Кильдибекова, И. М. Миниярова // Теория поля в современном языкознании: материалы научно-теоретического семинара. Уфа: Изд-во Башкир. ун-та, 1997. Ч. IV. С. 26–31.

79. Ким О. А. К изучению семантической структуры словообразовательного гнезда / О. А. Ким // Актуальные проблемы русского словообразования. Самарканд, 1987. Ч. 1. С. 76–78.

80. Китайгородская М. В. К вопросу о формально-семантических отношениях в словообразовательной цепи / М. В. Китайгородская // Актуальные проблемы русского словообразования. Самарканд, 1982. С. 113–117.

81. Клобукова Л. П. Структура словообразовательных парадигм русских имен прилагательных: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Л. П. Клобукова. Москва, 1982. 22 с.

82. Кодухов В. И. Семантическая переходность как лингвистическое понятие / В. И. Кодухов // Семантика переходности. Ленинград, 1977. С. 5–16.

83. Котвич В. Л. Исследование по алтайским языкам / В. Л. Котвич. Москва: Изд-во иностр. лит-ры, 1962. 343 с.

84. Кубрякова Е. С. Теория номинации и словообразование / Е. С. Кубрякова. 2-е изд. Москва: Либроком, 2010. 88 с.

85. Кубрякова Е. С. Основы морфологического анализа: на материале германских языков / В. А. Кубрякова. 2-е изд. Москва: Изд-во ЛКИ, 2008. 328 с.

86. Кубрякова Е. С. Деривация, транспозиция, конверсия / Е. С. Кубрякова // Вопросы языкознания. Москва, 1974. № 5. С. 64–76.

87. Кубрякова Е. С. Конверсия в словообразовании / Е. С. Кубрякова // Лингвистический энциклопедический словарь. Москва: Советская энциклопедия, 1990. С. 235.

88. Кубрякова Е. С. О путях изучения типологических особенностей языка в области словообразования / Е. С. Кубрякова // Структурно-типологическое описание современных германских языков. Москва: Наука, 1966. С. 145–164.

89. Кубрякова Е. С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира / Е. С. Кубрякова // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. Москва: Наука, 1988. С. 141–172.

90. Кубрякова Е. С. Роль словообразования и производного слова в обработке знаний / Е. С. Кубрякова // Язык и знание. Москва: Языки славянской культуры, 2004. С. 390–458.

91. Кузьменков Е. А. Суффиксальная деривация отглагольных имен в монгольском языке / Е. А. Кузьменков // Историко-сравнительное изучение монгольских языков. Улан-Удэ, 1995. С. 132–146.

92. Курилович Е. Р. Деривация лексическая и деривация синтаксическая: очерки по лингвистике / Е. Р. Курилович. Москва: Прогресс, 1962. 256 с.

93. Лакофф Дж. Когнитивные аспекты языка / Дж. Лакофф, М. Джонсон // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. Москва, 1988. С. 34–58.

94. Лейчик В. М. Об одном малоизученном способе словообразования. «Телескопные слова» современного французского языка / В. М. Лейчик // Филол. науки. 1966. № 3. С. 3–9.

95. Лопатин В. В. Субстантивация как способ словообразования в современном русском языке / В. В. Лопатин // Русский язык. Грамматические исследования. Москва, 1967. С. 205–233.

96. Лопатин В. В. Введение в морфемику. Словообразование / В. В. Лопатин, И. С. Улуханов // Русская грамматика. Москва: Наука, 1980.

97. Лопатин В. В. Русская словообразовательная морфемика. Проблемы и принципы описания / В. В. Лопатин. Москва: Наука, 1977. 315 с.

98. Лыков А. Г. Гнездо как высшая словообразовательная единица (к вопросу о соотношении и классификации единиц русского словообразования) / А. Г. Лыков, Г. А. Клечковская // Русская словообразовательная синтагматика и парадигматика. Краснодар, 1991. С. 67–78.

99. Маслов Ю. С. Введение в языкознание / Ю. С. Маслов. Москва: Высшая школа, 1975. 327 с.

100. Мешков О. Д. Словообразование современного английского языка / О. Д. Мешков. Москва: Наука, 1976. 248 с.

101. Милославский И. Г. О предмете сопоставительного словообразования / И. Г. Милославский // Сопоставительное изучение словообразования славянских языков. Москва: Наука, 1987. С. 58–62.

102. Мирошникова З. А. Системные отношения в словообразовании / З. А. Мирошникова. Рязань: Изд-во Рязан. гос. пед. ун-та, 2001. 163 с.

103. Моисеев А. И. Из истории понятия и терминов словообразования («Производящая основа») / А. И. Моисеев // Вопросы общего языкознания. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1965. С. 81–88.

104. Надеяев В. М. Современный монгольский язык. Морфология / В. М. Надеяев. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1988. 112 с.

105. Номинханов Ц. Д. Исследования по тюркским и монгольским языкам: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук в виде научного доклада / Ц. Д. Номинханов. Алма-Ата, 1963. 26 с.

106. Нецименко Г. П. Словообразовательные цепочки и парадигмы и их роль в изучении закономерностей словообразования / Г. П. Нецименко // Актуальные проблемы русского словообразования: материалы научной конференции. Самарканд, 1987. С. 225–227.

107. Никифорова Ж. Б. Сопоставительно-типологическое исследование словообразовательных систем бурятского и монгольского языков: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Ж. Б. Никифорова. Элиста, 2008. 22 с.

108. Осадчий М. А. Однокоренная лексика русских народных говоров: Фреймовая структура гнезда / М. А. Осадчий. Москва: Либроком, 2009. 304 с.

109. Очирова Д. Б. О корневых и производных словах в бурятском языке / Д. Б. Очирова // Санжеевские чтения–5: материалы научной конференции. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2003. Ч. 2. С. 114–117.

110. Очирова Н. У. Сопоставительная грамматика русского и калмыцкого языков. Состав слова и имя существительное: учебное пособие / Н. У. Очирова. Элиста: Изд-во КГУ, 1989. 59 с.

111. Пардаев А. С. Глагольные антонимические словообразовательные гнезда в современном русском языке: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / А. С. Пардаев. Ташкент, 1982. 23 с.

112. Пардаев А. С. Семантическая структура исходных слов глагольных антонимических гнезд в русском языке / А. С. Пардаев // Вопросы стилистики русского языка. Самарканд, 1981. С. 77–84.

113. Петрухина Е. В. Основные принципы сопоставления модификаций глагольных действий в славянских языках / Е. В. Петрухина // Проблемы изучения отношений эквивалентности в славянских языках. Москва: Диалог-МГУ, 1997. С. 158–180.

114. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике / А. А. Потебня. Москва, 1968. Т. 3. 554 с.

115. Пюрбеев Г. Ц. Историко-сопоставительное исследование по грамматике монгольских языков. Синтаксис словосочетания / Г. Ц. Пюрбеев. Москва: Наука, 1993. 303 с.

116. Рамstedт Г. Введение в алтайское языкознание / Г. Рамstedт. Москва: Наука, 1957. 152 с.

117. Рассадин В. И. Очерки по морфологии и словообразованию монгольских языков / В. И. Рассадин. Элиста: Изд-во КГУ, 2008. 234 с.

118. Рассадин В. И. Проблемы исторического словообразования монгольских языков / В. И. Рассадин // Историко-сравнительное изучение монгольских языков. Улан-Удэ, 1995. С. 120–131.

119. Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость / Е. В. Рахилина. Москва: Русские словари, 2000. 416 с.

120. Резанова З. И. Функциональный аспект словообразования (русское производное имя) / З. И. Резанова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1996. 219 с.

121. Садретдинова М. В. Ономаσιологическая структура производного полисеманта в свете категорий когнитивной семантики / М. В. Садретдинова // Проблемы представления (репрезентации) в языке. Типы и форматы знаний: сборник научных трудов. Москва; Калуга: Эйдос, 2007. С. 373–384.

122. Сажинова Г. З. Асимметрия лексического знака в бурятском языке (в сопоставлении с английским): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Г. З. Сажинова. Улан-Удэ, 1998. 26 с.

123. Санжеев Г. Д. Грамматика бурят-монгольского языка / Г. Д. Санжеев. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1941. 188 с.

124. Санжеев Г. Д. Несколько замечаний о структуре слова и его границах / Г. Д. Санжеев // Морфологическая структура слова в языках различных типах. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1963а. С. 270–272.

125. Санжеев Г. Д. Современный монгольский язык / Г. Д. Санжеев. Москва: Изд-во вост. лит., 1959. 103 с.

126. Санжеев Г. Д. Старописьменный монгольский язык / Г. Д. Санжеев. Москва: Наука, 1964. 88 с.

127. Санжеев Г. Д. К вопросу о глагольных основах в монгольских языках / Г. Д. Санжеев // Краткие сообщения Ин-та востоковедения. Москва, 1958. Вып. 24. С. 3–8.

128. Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол / Г. Д. Санжеев. Москва: Изд-во вост. лит., 1963б. 261 с.

129. Сахарный Л. В. Словообразование в речевой деятельности: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук: 10.02.01 / Л. В. Сахарный. Ленинград, 1980а. 48 с.

130. Севортян Э. В. Словообразование в тюркских языках / Э. В. Севортян // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. 2: Морфология. Москва, 1956. С. 314–328.

131. Селиванова Е. Е. Когнитивно-дискурсивный уровень репрезентации футуральной ситуации: когнитивные модели и динамические фреймы / Е. Е. Селиванова // Вестник Моск. гос. лингв. ун-та (МГЛУ). 2002. Вып. 469. С. 112–130.

132. Смирницкий А. И. Так называемая конверсия и чередование звуков в английском языке / А. И. Смирницкий // Иностранные языки в школе. 1953. № 5. С. 21–30.

133. Смирницкий А. И. Лексикология английского языка / А. И. Смирницкий. Москва: Изд-во лит. на ин. яз., 1956. 260 с.

134. Соболева П. А. Аппликативная грамматика и моделирование словообразования: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / П. А. Соболева. Москва, 1970. 60 с.

135. Соболева П. А. О гнездовом словообразовательном словаре / П. А. Соболева // Всесоюзная научная конференция по теоретическим вопросам языкознания: тезисы докладов. Москва, 1974. С. 108–116.

136. Соболева П. А. Об основном и производном слове при словообразовательных отношениях по конверсии / П. А. Соболева // Вопросы языкознания. 1959. № 2. С. 91–96.

137. Соболева П. А. Словообразовательная полисемия и омонимия / П. А. Соболева. Москва: Наука, 1980. 294 с.

138. Современный русский литературный язык: учебник / П. А. Лекант, Л. Л. Касаткин, Е. В. Клобуков [и др.]; под редакцией П. А. Леканта. Москва: Высшая школа, 2009. 766 с.

139. Стернин И. А. Национальная специфика мышления и проблема лакуарности / И. А. Стернин // Связи языковых единиц в системе и реализации. Тамбов, 1998. С. 22–31.

140. Стернин И. А. Семантико-когнитивный анализ языка / И. А. Стернин, З. Д. Попова. Воронеж: Истоки, 2006. 226 с.

141. Сундуева Е. В. Звуки и образы: фоносемантическое исследование лексем с корневыми согласными [r/m] в монгольских языках: монография / Е. В. Сундуева. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. 344 с.

142. Сундуева Е. В. Проприальное словообразование в современном монгольском языке / Е. В. Сундуева. Улан-Удэ: ИПК ВСГАКИ, 2005. 131 с.

143. Суник О. П. Общая теория частей речи / О. П. Суник. Москва: Наука, 1966. 131 с.

144. Сусеева Д. А. Актуальные проблемы описания морфологии и словообразования современного калмыцкого языка / Д. А. Сусеева // Проблемы морфологии и словообразования монгольских языков: сборник статей. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. С. 16–46.

145. Сусеева Д. А. Проблемы аффиксального словообразования калмыцкого и монгольского языков: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Д. А. Сусеева. Элиста, 1994. 36 с.

146. Сусеева Д. А. Проблемы аффиксального словообразования: (на материале калмыцкого и монгольского языков): диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Д. А. Сусеева. Элиста, 1993. 445с.

147. Сусеева Д. А. Словообразовательная парадигма в монгольских языках / Д. А. Сусеева // Общетеоретические и типологические проблемы языкознания: сборник статей. Бийск: Изд-во АГАО, 2010. Вып. 1. С. 233–236.

148. Сусеева Д. А. Словообразовательная парадигматика имен прилагательных в современном калмыцком языке / Д. А. Сусеева // Алтайские языки и восточная филология: памяти Э. Р. Тенишева. Москва: Вост. лит., 2005. С. 401–416.

149. Сусеева Д. А. Сопоставительное словообразование русского и калмыцкого языков: учебное пособие / Д. А. Сусеева. Элиста: Изд-во Калм. гос. ун-та, 1993. 104 с.

150. Сусеева Д. А. Сопоставительная грамматика русского и калмыцкого языков: морфемика и словообразование / Д. А. Сусеева. Элиста: Изд-во Калм. гос. ун-та, 2013. 157 с.

151. Табутарова О. А. Омонимия как проявление лексических, грамматических и деривационных связей в современном бурятском языке: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / О. А. Табутарова. Улан-Удэ, 2004. 148 с.

152. Тагарова Т. Б. Концептуально-прагматическая характеристика фразеологических единиц бурятской художественной прозы: монография / Т. Б. Тагарова. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2008. 341 с.

153. Тихонов А. Н. Проблемы составления гнездового словообразовательного словаря современного русского языка / А. Н. Тихонов. Самарканд, 1971. 388 с.

154. Тихонов А. Н. Роль гнезд однокоренных слов в системной организации русской лексики (отраженная синонимия, отраженная омонимия, отраженная антонимия) / А. Н. Тихонов, А. С. Пардаев. Ташкент: Фан, 1989. 139 с.

155. Тодаева Б. Х. Грамматика современного монгольского языка / Б. Х. Тодаева. Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1951. 196 с.

156. Улуханов И. С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация / И. С. Улуханов. Москва: Наука, 1996. 214 с.

157. Улуханов И. С. Мотивация в словообразовательной системе русского языка / И. С. Улуханов. Москва: Азбуковник, 2005. 314 с.

158. Улуханов И. С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания / И. С. Улуханов. Изд. 4-е. Москва: Изд-во ЛКИ, 2007. 256 с.

159. Урысон Е. В. Проблемы исследования языковой картины мира: аналогия в семантике / Е. В. Урысон. Москва: Языки русской культуры, 2003. 224 с.

160. Уфимцева А. А. Лексическая номинация (первичная, нейтральная) / А. А. Уфимцева // Языковая номинация. Москва, 1977. С. 81–85.

161. Фатхутдинова В. Г. Комплексные единицы словообразования в русском и татарском языках / В. Г. Фатхутдинова. Казань: Изд-во КГУ, 2005. 250 с.

162. Фразеологические единицы в языке бурятской прозы: справочник-словарь / составитель Т. Б. Тагарова. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2006. 420 с.

163. Харитончик З. А. Отадъективная словообразовательная парадигма / З. А. Харитончик // Словообразование и фразообразование: тезисы докладов научной конференции. Москва, 1979. С. 54–56.

164. Харанутова Д. Ш. Словообразование бурятского языка / Д. Ш. Харанутова. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2012. 240 с.

165. Харанутова Д. Ш. Монгольское словообразование: структура и способы // Д. Ш. Харанутова, Д. А. Сусеева, Ц. Онорбаян. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. 260 с.

166. Харанутова Д. Ш. Этнокультурные стереотипы в условиях контактирования: словообразовательный аспект / Д. Ш. Харанутова // Русский язык в иноязычном окружении: современное состояние, перспективы развития, культурно-речевые проблемы: материалы российской научной конференции (Элиста, 24–26 октября 2016 г.). Элиста: Джангар, 2016. С. 180–185.

167. Харанутова Д. Ш. Заимствования как один из путей образования региональных слов / Д. Ш. Харанутова // Вестник Бурят. гос. ун-та. Вып. 2: Язык. Литература. Культура. 2017. С. 42–47.

168. Хинхаева И. О. Словообразование монгольского и английского языков / И. О. Хинхаева. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2006. 144 с.

169. Холодович А. А. Залог // Категория залога: материалы конференции. Ленинград, 1970. С. 2–26.

170. Цыбикова И. А. Типология семантического развития слов в монгольском и бурятском литературных языках автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / И. А. Цыбикова. Улан-Удэ, 2003. 16 с.

171. Цыдендамбаев Ц. Б. Грамматические категории бурятского языка в историко-сравнительном освещении / Ц. Б. Цыдендамбаев. Москва: Наука, 1979. 148 с.

172. Чареков С. Л. Эволюционная морфология. Ч. 1. Функционально-семантическая эволюция суффиксов в алтайских языках / С. Л. Чареков. Санкт-Петербург: Наука, 1999. 192 с.

173. Чареков С. Л. Эволюционная морфология. Ч. 2. Очерки формирования и эволюции категории глагола в алтайских языках / С. Л. Чареков. Санкт-Петербург: Наука, 2000. 164 с.

174. Шагдаров Л. Д. Проблемы морфологии и словообразования в новой академической грамматике бурятского языка / Л. Д. Шагдаров // Проблемы морфологии и словообразования монгольских языков: сборник статей. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. С. 3–16.

175. Шагдарова Д. Л. Системные отношения в лексике и словообразование в бурятском и русском языках / Д. Л. Шагдарова // Санжеевские чтения–5: материалы научной конференции. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2003. Ч. 2. С. 151–155.

176. Ширшов И. А. Теоретические проблемы гнездования / И. А. Ширшов. Москва: Прометей, 1999. 236 с.

177. Шкуропацкая М. Г. Деривационное измерение лексики: системный аспект / М. Г. Шкуропацкая. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2003. 388 с.

178. Шмелев Д. Н. Деривационные отношения в лексике / Д. Н. Шмелев // Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). Москва: Наука, 1973. С. 190–210.

179. Шумилова А. А. Синонимия как ментально-языковая категория (на материале лексической и словообразовательной синонимии русского языка) / А. А. Шумилова. Кемерово, 2010. 200 с.

180. Щербак А. М. Тюркско-монгольские языковые контакты в истории монгольских языков / А. М. Щербак; Ин-т лингвист. исслед. РАН; Ин-т гуманитар. исслед. АН Республики Саха (Якутия). Санкт-Петербург: Наука, 2005. 195 с.

181. Янценецкая М. Н. К проблеме внутренней формы слова / М. Н. Янценецкая, З. И. Резанова // Вопросы словообразования в индоевропейских языках. Проблемы семантики. Томск, 1991. С. 17–33.

182. Янценецкая М. Н. Семантические вопросы теории русского словообразования (аспект взаимодействия словообразования с лексикой): автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / М. Н. Янценецкая. Днепрпетровск, 1982. 419 с.

Словари и другие источники

183. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. 4 изд., стереотип. Москва: КомКнига, 2007. 257 с.

184. БАМРС, I — Большой академический монгольско-русский словарь. Т. 1. А–Г / ответственный редактор Г. Ц. Пюрбеев. Москва: Academia, 2001. 520 с.

185. БАМРС, II — Большой академический монголо-русский словарь. Т. 2. Д–О / ответственный редактор Г. Ц. Пюрбеев. Москва: Academia, 2001. 536 с.

186. БАМРС, III — Большой академический монголо-русский словарь. Т. 3. Ё–Ф / ответственный редактор Г. Ц. Пюрбеев. Москва: Academia, 2001. 440 с.

187. БАМРС, IV — Большой академический монголо-русский словарь. Т. 4. Х–Я / ответственный редактор Г. Ц. Пюрбеев. Москва: Academia, 2002. 532 с.

188. Баярсайхан Хондогынхон Базаррагчаагийн. Монгол хэлний хураангуй тайлбар толь. Улаанбатаар, 2008. 1062 с.

189. Буряд хэлэнэй тобшо тайлбари толи. Краткий толковый словарь бурятского языка: учебное издание. Улаан-Үдэ: Буряд. ном. хэблэл, 1992. 176 с.

190. БРС, 1973 — Бурятско-русский словарь / редактор К. М. Черемисов. Москва: Советская энциклопедия, 1973. 803 с.

191. БРС, 2006 — Бурятско-русский словарь: в 2 т. Т. 1: А–Н / Л. Д. Шагдаров, К. М. Черемисов. Улан-Удэ: Респ. тип., 2006. 636 с.

192. БРС, 2008 — Бурятско-русский словарь: в 2 т. Т. 2: О–Я / Л. Д. Шагдаров, К. М. Черемисов. Улан-Удэ: Респ. тип., 2008. 708 с.

193. Бурят-монголо-русский словарь / составитель К. М. Черемисов. Москва: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1951. 852 с.

194. Грамматика бурятского языка. Фонетика и морфология. Москва: Изд-во вост. лит., 1962. 340 с.

195. Даль В. И. Толковый словарь русского языка. Современная версия / В. И. Даль. Москва: ЭКСМО-Пресс, 2000. 736 с.

196. Лингвистический энциклопедический словарь. Москва: Советская энциклопедия, 1990. 686 с.

197. Манджикова Б. Б. Толковый словарь калмыцкого языка: пособие для учащихся / Б. Б. Манджикова. Элиста: Джангар, 2002. 176 с.

198. Монгол-Орос толь / под редакцией А. Лувсандэндэв. Москва, 1957. 715 с.

199. Монгол хэлний товч тайлбар толь. Улаанбаатар, 1966. 911 с.

200. Ожегов С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов; под редакцией Н. Ю. Шведовой. Москва: Русский язык, 1989. 924 с.
201. РБС 2008 — Русско-бурятский словарь / Л. Д. Шагдаров, Н. А. Очиров. Улан-Удэ: Буряад үнэн, 2008. 904 с.
202. Сусеева Д. А. Словообразовательный словарь монгольского и калмыцкого языков / Д. А. Сусеева. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1985. 244 с.
203. Сусеева Д. А. Словообразовательный словарь калмыцкого языка: на калм. и рус. языках / Д. А. Сусеева. Элиста: Калмиздат, 1997. 312 с.
204. Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка. Т. 1: А–П. 2-е изд., стер. Москва: Рус. яз., 1990. 856 с.
205. Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка. Т. 2: Р–Я. 2-е изд., стер. Москва: Рус. яз., 1990. 887 с.
206. Тихонов А. Н. Школьный словообразовательный словарь / А. Н. Тихонов. Москва, 19786. 575 с.
207. Цыденжапов Ш. Р. Краткий бурятско-монгольско-русский словарь / Ш. Р. Цыденжапов. Улан-Удэ, 1991. 144 с.
208. Цыденжапов Ш. Р. Бурятско-русский фразеологический словарь / Ш. Р. Цыденжапов. Улан-Удэ, 1992. 143 с.
209. Черемисов К. М. Бурятско-русский словарь / К. М. Черемисов. Москва: Советская энциклопедия, 1973. 804 с.
210. Ширшов И. А. Толковый словообразовательный словарь русского языка: комплексное описание русской лексики и словообразования / И. А. Ширшов. Москва: Русские словари, 2004. 1002 с.
211. Языковая номинация (общие вопросы) / под редакцией Б. А. Серебренникова, А. А. Уфимцевой. Москва: Наука, 1977а. 357 с.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
ГЛАВА I ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ БУРЯТСКОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ	6
1.1 Краткое введение в историю вопроса бурятского словообразования.....	6
1.2 Интегративный подход в словообразовании.....	13
ГЛАВА II СПОСОБЫ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В БУРЯТСКОМ ЯЗЫКЕ	17
2.1 Способы словообразования как единица описания словообразовательной системы.....	17
2.2 Способы семантической деривации.....	23
2.2.1 <i>Конверсия</i>	27
2.2.2 <i>Лексико-семантический способ образования слов</i>	46
2.3 Фоносемантический способ словообразования.....	57
2.4 Словообразование на синтаксической основе.....	64
2.5 Контаминация как способ словообразования.....	70
2.5.1 <i>Контаминация как способ образования геор- тонима Сагаалган</i>	78
2.6 Образование слов на базе фразеологизмов.....	83
ГЛАВА III СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА КАК СОВОКУПНОСТЬ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ГНЕЗД	93
3.1 Понятие словообразовательной парадигмы в дериватологии.....	94
3.1.1 <i>Суммарная словообразовательная парадигма бурятского языка (на примере отглагольной деривации)</i>	102
3.1.1.1 <i>Категория залога в бурятском языке (словообразовательная или формообразующая категория)</i>	109

3.2 Последовательная производность как универсальное свойство словообразовательной системы бурятского языка.....	117
3.3 Словообразовательное гнездо как системная организация производной лексики.....	125
3.3.1 Структурно-иерархическая организация словообразовательного гнезда.....	128
3.3.2 Словообразовательное гнездо бурятского языка (на примере словообразовательного гнезда парных слов).....	141
3.4 О принципах составления бурятского словообразовательного словаря.....	148

ГЛАВА IV СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА: ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ, ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЙ И КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТЫ.....

4.1 Бурятское словообразование: лексико-семантический аспект.....	156
4.1.1 <i>Синонимические отношения в словообразовательной системе (на примере девербативов бурятского языка)</i>	160
4.1.1.1 <i>Типы деривационных рядов параллельных имен действия</i>	168
4.1.2 Словообразовательное гнездо как лексическая микросистема.....	174
4.1.3 Лексико-словообразовательное гнездо бурятского языка: лексикографический аспект.....	177
4.2 Словообразовательная система бурятского языка: ономасиологический и когнитивный аспекты.....	186
4.2.1 <i>Внутренняя форма слова как семантическая основа номинации</i>	190
4.2.2 <i>Словообразовательное гнездо как источник национально-культурной информации (на материале русского и бурятского языков)</i>	202
4.2.3 <i>Словообразовательное гнездо бурятского языка как единица языкового сознания (на примере лексико-словообразовательного гнезда с вершиной морин)</i>	210

ГЛАВА V СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА: СОПОСТАВИТЕЛЬНО- СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ.....	215
5.1 Словообразовательная система бурятского языка на фоне близкородственных языков.....	215
5.1.1 Полисеманты в бурятском и монгольском языках.....	216
5.1.2 Способы представления лексико- словообразовательных гнезд в толково- словообразовательном словаре монгольских языков...	224
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	239
ЛИТЕРАТУРА.....	249

Научное издание

Дарима Шагдуровна Харанутова

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ
БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА

Монография

Издание второе, дополненное и переработанное

Редактор
Е. П. Евдокимова

Дизайн обложки
А. Б. Дашиевой

Компьютерная верстка
Т. И. Гармаевой

Свидетельство государственной регистрации
№ 2670 от 11 августа 2017 г.

Подписано в печать 25.11.2021. Формат 60x84 1/16
Уч.-изд. л. 12,48. Усл. печ. л. 15,81. Тираж 500. Заказ 153.
Цена свободная

Издательство Бурятского госуниверситета
670000, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
riobsu@gmail.com

Отпечатано в типографии
Издательства Бурятского госуниверситета
670000, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сухэ-Батора, 3а